

№ 5

Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ
с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ
АЗЕРБАЙДЖАНА

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕЙДАР АЛИЕВ – 100

Эльмира АХУНДОВА. Гейдар Алиев и культура 3

ПРОЗА

Жаля ИСМАИЛ. *Рассказы* 23
Нармин КЯМАЛ. *Рассказы* 28
Самира АШРАФ. *Рассказы* 36
Эллада ГОРИНА. *Э Ю Я. Рассказ* 51
Малик ДУРСУНОВ. *Волки и лошадь Кара-дайы. Повесть* 90

Ироничный человек: М.МУРСАЛОВА, Ю.ФИДЛЕР,
А.ПЛАВНИК, М.ШАФИЕВ 128

ПОЭЗИЯ

Насир ГУСЕЙНОВ. *Стихи* 14
Азер ЭФЕНДИ. *Стихи* 47
Мария ШЕБАНЕЦ. *Стихи* 80

ПУБЛИЦИСТИКА

Марк ВЕРХОВСКИЙ. *Долгое ожидание* 11
Земфира МАГЕРРАМЛИ. *О романе Вюсала Нуру «Гарагашлы»* 45
Маргарита ГРОСС. *Этюды* 64
Гюлюш АГАМАМЕДОВА. *Исторический реваншизм.*
Информационный туман. Превосходство. Градус ненависти 71
Нурмамед РАГИМОВ, Ширин МАНАФОВ. *Жизнь,*
посвященная науке 84

2023

Главный редактор	– Солмаз ИБРАГИМОВА
Ответственный секретарь	– Эльдар ШАРИФОВ – СЕЙШЕЛЬСКИЙ
Отдел поэзии	– Алина ТАЛЫБОВА
Отдел подписки и рекламы	– Джамиля ШАРИФОВА
Литсотрудники	– Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА, Ниджат МАМЕДОВ https://soundcloud.com/nijat-mamedov-489264474 https://www.youtube.com/channel/UCoPQ9ounuR9X3KgCh0JdFYg
Корректор	– Анна КУЗЁМКИНА
Редакционная коллегия:	Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелаля ГАСАНЛИ, Динара КАРАКМАЗЛИ, Александр ГРИЧ (Лос – Анджелес, США), Тофик МЕЛИКЛИ, Эльчин ШЫХЛЫ
Литконсультант	– Натиг РАСУЛЗАДЕ

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве
печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:
AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53
Электронный адрес: litaz1931@gmail.com

Сдано в печать 8.05. 2023 г.
Бумага офсетная. Формат 70х100 1/16
Печать офсетная, 8.25 печ. л.
Тираж 400
Отпечатано в типографии «OL»NKPT MMC
Тел.: 497 – 36 – 23
Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

***Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
В публикуемые материалы
редакция вносит необходимую правку.***

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию «OL»NKPT MMC

ГЕЙДАР АЛИЕВ – 100

ЭЛЬМИРА АХУНДОВА

ГЕЙДАР АЛИЕВ И КУЛЬТУРА

... После того, как Гейдар Алиев в 1993 году второй раз возглавил Азербайджан, встречи с деятелями литературы и искусства, многочисленные культурные проекты были для него той отдушиной, тем глотком свежего воздуха, без которого он просто не мог существовать. В этом эссе мы расскажем о некоторых «громких» культурных акциях 90-х годов, вспомним имена деятелей литературы и искусства, которых Гейдар Алиев любил и опекал на протяжении всей своей жизни, приведем отрывки из эксклюзивных интервью, которые они дали автору этой книги.

«Мы – потомки Деде Горгуда»

21 сентября 1993 года, когда Гейдар Алиев в качестве кандидата в президенты страны встретился в Академии наук Азербайджанской Республики с интеллигенцией, он говорил о культуре больше, чем о войне и экономических трудностях.

Так, он подчеркнул необходимость проведения на высоком уровне предстоящего юбилея поэта-мыслителя Мухаммеда Физули: «У нас очень богатая культура, наука. Говоря о Низами, Физули, мы должны популяризировать их не только как поэтов, но и как великих философов, мыслителей, имеющих большие заслуги перед человечеством, внесших огромный вклад в мировую культуру. В будущем году состоится 500-летний юбилей Физули. Нам необходимо подготовиться к этому юбилею. Мы должны популяризировать Физули во всем мире как философа мирового масштаба, великого ученого». 16 марта 1994 года президент подписал указ о праздновании 500-летия со дня рождения Мухаммеда Физули. Этот праздник культуры и искусства обрел международное звучание и отмечался в Париже – в штаб-квартире ЮНЕСКО, в Ираке, в центральноазиатских республиках, Иране, Турции и России. Причем в юбилейных торжествах, состоявшихся в последних двух странах, президент Азербайджана принимал личное участие.

Из беседы с личным фотографом президента Рафиком Багировым:

«Гейдар Алиев был натурой творческой, человеком с большим вкусом. Он мне рассказывал, что в молодые годы увлекался фотографией, у него был фотоаппарат. В его семейном архиве сохранились кадры, где он в Кисловодске снимает своих близких. Он мог профессионально поспорить с художником, с архитектором, с любым деятелем культуры. Я, например, видел, какие поправки он вносил в архитектурные проекты, причем поправки достаточно серьезные. Помню, я присутствовал при обсуждении проектов памятника на Аллее шехидов. На конкурс представили сотни различных проектов. А Гейдар Алиев заставил сделать проект в национальном стиле. И наша «Аллея шехидов» стала такой величественной!...»

Заместитель премьер-министра Азербайджана Абид Шарифов вспоминал:

«В 1999 году Гейдар Алиев во время визита в США встретился с президентом Всемирного банка господином Вульфенсоном и обратился к нему по поводу выделения льготного кредита для восстановления исторических памятников в Азербайджане. Хочу сказать, что Всемирный банк никогда не выделяет деньги на восстановление исторических памятников, ничего подобного за время его существования не было. Но случилось так, что Всемирный банк выделил Азербайджану на это дело льготный кредит (под 0,75 процента с условием погашения по истечении десяти лет) на сумму 6 миллионов долларов сроком на 40 лет. На основании договора в проект были включены четыре памятника: Ханский дворец в Шеки, Дворец ширваншахов, мавзолеи Момине хатун и Гарабаглар в Нахчыване».

Между тем в конце 80-х – начале 90-х годов многих замечательных азербайджанских поэтов, творивших в советскую эпоху, пытались «сбросить с корабля современности», а их произведения объявить устаревшими и даже идеологически враждебными. В своих выступлениях Гейдар Алиев предостерегал молодых писателей и поэтов от нигилизма, от пренебрежительного отношения к своим талантливым предшественникам, призывал воздавать каждому деятелю культуры прошлой эпохи по заслугам, оценивая тот реальный вклад, который они внесли в научное, культурное, духовное развитие своего народа.

«Живя сегодня в свободной, независимой стране, мы должны быть благодарны прошлым поколениям, людям, жившим и творившим до нас. Потому что сегодняшний Азербайджан – величественное, большое здание. И это здание по кирпичику воздвигали те, кто жил, творил до сегодняшнего дня. В это здание каждый вкладывал свою долю – кто больше, кто меньше. Но большая часть людей стремилась строить, создавать и развивать Азербайджан»¹.

Одним из самых важных шагов, предпринятых в области формирования идеологии азербайджанства, явилось возвращение азербайджанскому народу «Китаби Деде Горгуд» как бесценного национально-духовного достояния. Эпос «Китаби Деде Горгуд» с 1930-х годов был запрещен, на него навесили клеймо пантюркизма. Независимое азербайджанское государство выразило свое официальное отношение к эпосу, что нашло отражение в указе президента Гейдара Алиева от 20 апреля 1997 года «О 1300-летию дастана «Китаби Деде Горгуд»... Говоря о «Китаби Деде Горгуд», Гейдар Алиев отмечал: «В 2000 году, на стыке веков и тысячелетий, Азербайджанская Республика отметила с участием глав тюркоязычных государств, горгудоведов всего мира 1300-летие грандиозного эпоса «Китаби Деде Горгуд». Этот эпос, подвергавшийся гонениям, наконец-то получил в независимой Азербайджанской Республике достойную оценку. «Китаби Деде Горгуд» – это героический эпос, причем не об одном рыцаре, храбрце, а о героизме целого народа... Основную суть эпоса составляет

¹Из речи Гейдара Алиева на юбилейном вечере, посвященном 90-летию народного поэта Самеда Вургунa. «Бакинский рабочий», 1997, 12 марта.

идеология героизма. Совершенно очевидно, насколько важно, чтобы граждане современной Азербайджанской Республики использовали эту идеологию героизма с точки зрения решения важнейших проблем, стоящих перед нашим народом на нынешнем этапе жизни страны, в том числе укрепления суверенитета и независимости республики, защиты ее территориальной целостности».

31 января 1997 года Гейдар Алиев встретился с директорами и ведущими учеными научно-исследовательских институтов Академии наук, поставив перед историками конкретные задачи по созданию новой многотомной истории Азербайджана, истории Азербайджана XIX-XX веков, истории древних азербайджанских городов. За несколько лет эти фундаментальные работы были осуществлены.

18 декабря 2000 года по распоряжению Г.Алиева 2 августа было объявлено Днем азербайджанского кино, одновременно этот день стал отмечаться как профессиональный праздник кинематографистов. Несмотря на жестокий дефицит бюджета, Г.Алиев распоряжался выделять средства на кинопроизводство.

Жаль, что при всей своей любви к литературе и искусству Гейдар Алиев так и не стал писателем, точнее, мемуаристом, не выпустил ни одной книги своих воспоминаний. Никто не смог подвигнуть его на эту работу. Во время очередной встречи президента с четой Магомаев-Синявская Муслим Магомаев рассказал президенту о том, что издательство «Вагриус» начало издавать серию мемуаров выдающихся политических деятелей планеты и просило его предложить Гейдару Алиеву выпустить свои мемуары. «Наверное, это не первое такого рода предложение вам», – добавил певец. В ответ Гейдар Алиев вспомнил интересный случай:

«... Ко мне (с предложением издать книгу мемуаров – Э.А.) неоднократно обращались – сначала в Москве, а потом уже из западных стран, из США. Помню, приехали сюда люди из Соединенных Штатов Америки, сидели здесь 10 дней в надежде на то, что можно будет договориться. Причем говорили о том, что они будут выпускать это в каких-то издательствах, об очень большом интересе. Многие ко мне обращались. Но, к сожалению, времени у меня нет».

Гейдар Алиев и деятели культуры

...К началу 90-х годов азербайджанская культура, как и вся республика, переживала острый кризис: почти перестали выходить литературно-художественные журналы Союза писателей, сами литераторы, ощущая свою полную невостребованность, испытывая жестокую материальную нужду, один за другим уходили в мир иной (если в более благополучные времена в период между съездами литераторов умирали 5-10 человек, то с 1986 по 1991 гг. скончались почти 100 членов Союза писателей), деятели искусства – композиторы, музыканты-исполнители уезжали на заработки в Турцию и другие страны. В буквальном смысле слова умирал Театр оперы и балета, на грани закрытия находился Государственный симфонический оркестр.

Что сделал Гейдар Алиев? Во-первых, несмотря на жесточайший дефицит бюджета, он учредил президентские стипендии для деятелей культуры – писателей, художников, композиторов, кинематографистов, архитекторов, которые внесли большой вклад в развитие азербайджанского искусства. По его же инициативе Министерство культуры учредило персональные стипендии ведущим артистам, ввело персональные оклады солистам Театра оперы и балета. Г.Алиев в несколько раз повысил зарплату музыкантам симфонического оркестра, принял поистине беспрецедентное решение об издании за счет госбюджета четырех литературно-художественных журналов и газеты «Эдебийет» («Литература») Союза писателей республики (сегодня эту политику материальной поддержки деятелей культуры и искусства достойно продолжает президент Азербайджана Ильхам Алиев).

Президент Азербайджана часто буквально спасал жизнь деятелей литературы и искусства, обеспечивал им дорогостоящее лечение за границей, поддерживал их морально и материально.

Журналистка Светлана Мирзоева вспоминает историю с видной азербайджанской художницей **Эльмирой Шахтахтинской**: она давно и тяжело болела, а в середине 90-х годов ей понадобился немедленный выезд в Москву.

«Сопровождаемая родными, она выходила из дома, торопясь на самолет. Вдруг подъехала машина, подхватив ее вместе с чемоданом, и увезла в Президентский дворец. Эльмира занервничала: «Опоздаю на самолет». Ей вежливо отвечали: «Не беспокойтесь, ханым, вам вредно волноваться...Надо – самолет задержим!»

Президент Азербайджана, каким-то образом узнавший об отъезде Эльмиры, с глубоким уважением принял ее, собственноручно вручил ей конверт с крупной суммой денег, поцеловал, пожелал выздоровления, тут же сам позвонил в Москву, чтобы машина у трапа встретила больную. У него до того уже был разговор с медиками, которым он сказал, что, если есть хоть один шанс из ста, надо бороться, бороться за Шахтахтинскую до конца...»¹.

Известный азербайджанский поэт **Вагиф Самедоглу** (сын выдающегося поэта советской эпохи Самеда Вургуня) вспоминает, что в эпоху бурных перемен, в начале 90-х годов семьи выдающихся деятелей отечественной культуры оказались как бы выброшенными на обочину жизни. О них попросту забыли. Многие отчаянно нуждались как материально, так и морально – в заботе и простом человеческом внимании.

«После того, как в июне 1993 года Гейдар Алиев был приглашен лидерами НФА к руководству страной, никто из этих семей не мог упрекнуть его в том, что он о них не вспомнил...

Был август месяц, его еще не избрали президентом, он позвонил матери и сказал:

– Хавер ханым, как вы поживаете? Сейчас я очень занят, но как только немного освобожусь, непременно вас проведаю...

Позже стало известно, что звонил он не только нам, но и представителям других известных семей, спрашивая о самочувствии и бытовых проблемах. Этот звонок был своего рода сигналом – я тот же человек, я не изменился. А после своего избрания президентом он действительно помог многим известным деятелям культуры и искусства, нуждавшимся в куске хлеба. Так же, как и тем, кто поднимал тяжелую промышленность, день и ночь трудился в сельском хозяйстве, получил в свое время звание Героя Социалистического Труда, однако в буквальном смысле слова умирал от голода. Он их всех поименно помнил, так как у него была очень сильная и острая память»².

«Ему было интересно соприкоснуться с нашим миром»...

В предыдущих книгах мы уже рассказывали о тяге Гейдара Алиева к неформальному общению с представителями творческой интеллигенции, о том, как он приглашал с собой в поездки по районам республики писателей, поэтов, композиторов. Он любил с ними и поговорить, и посмеяться, устраивая себе таким образом своеобразную психологическую разгрузку после тяжелых партийных будней.

В 90-х годах, особенно когда положение в республике несколько стабилизировалось, его теплые встречи и неформальные «посиделки» с любимыми представителями творческой интеллигенции были продолжены. Среди самых любимых был, безусловно, Муслим Магомаев, которого Гейдар Алиев опекал как сына.

¹Светлана Мирзоева. «Гейдар Алиев: искусство прошло через всю мою жизнь». Баку, 2004, с. 120.

²«Гейдар Алиев в моей жизни» (на азерб. языке). Баку, 2005, с. 217.

Из беседы с Муслимом Магомаевым:

«**М.М.** Ему было интересно соприкоснуться с нашим миром. А как он проводил мои дни рождения! Он прекрасно знал, что мне безразлично – отметим мы этот день или нет. Мне главное, что он – рядом со мной, и мы можем с ним пообщаться. Я приезжал каждый год, он обижался, если я не мог приехать (*речь идет о девятидесятых годах, после второго прихода Г.Алиева к власти – Э.А.*).

«Значит, говорит, такого-то числа соберемся». А потом звонит накануне и спрашивает: «Так я соберу деятелей культуры?» Я смеюсь: «Гейдар Алиевич, и вы еще у меня спрашиваете? Я же ваш гость!» – «Нет, но твой же день рождения!»

Приезжаем в загородную резиденцию, в Загульбу. Пока Гейдар Алиевич к нам не вышел, мы в саду гуляем. Он многих приглашал – известные композиторы, художники, писатели. Ко мне подходят и спрашивают: «Ты не знаешь, зачем президент нас сегодня собрал?» – «Понятия не имею», – отвечаю. А когда Гейдар Алиевич объявлял, что виновник встречи – Муслим Магомаев и его именины, они на меня укоризненно косились: ах, ты такой-сякой, мы у него спрашивали, а он плечами пожимал.

Э.А. И как проходили эти «посиделки»?

М.М. Мы смеялись, шутили, истории всякие рассказывали, он спрашивал о делах, решал попутно какие-то проблемы. Для него это было и средством расслабиться, но в то же время он был «при деле», то есть встречался с интеллигенцией. Таким образом он совмещал приятное с полезным.

Он всегда был очень веселый, компанейский. Любил выпить, посидеть, закусь. Это мне рассказывали люди, которые по КГБ его знали еще в молодые годы».

Гейдар Алиев обожал Муслима и старался не пропускать ни одного его концерта. Он принял участие в юбилейном вечере певца, который состоялся 17 октября 1997 года во Дворце «Республика». Тогда отмечали 55-летие выдающегося певца и 35-летие его творческой деятельности. Выступая после концерта, Г. Алиев произнес в его честь потрясающую речь. Пожалуй, он еще ни о ком не говорил столь восторженно, с такой откровенной гордостью:

«... Мы должны знать и знать всегда, что Муслим Магомаев... – это уникальное и неповторимое явление, это дар Божий, но вместе с тем это талант, обогащенный его упорным неустанным трудом...»

Знаете, великие мастера искусства иногда становятся историческими личностями, создав лишь одно произведение. Если бы у Муслима не было ничего, – это мое мнение, – за одну песню только «Мой Азербайджан» он заслуживает самого высшего уважения, самого большого почета».

В сентябре 2002 года праздновали 60-летие Муслима Магомаева, и Гейдар Алиев вновь был рядом с ним. 6 сентября он вручил своему любимому певцу высшую награду независимого Азербайджана – орден «Истиггал».

Особой симпатией и любовью были окрашены его взаимоотношения с двумя замечательными оперными певицами – сестрами **Фидан и Хураман Касимовыми**. Они называли его своим «добрым ангелом-хранителем», а он внимательно следил за их творческой судьбой, помогал и вдохновлял на новые успехи.

По указанию Гейдара Алиева, сестер Касимовых всегда включали в состав участников важнейших правительственных концертов, он брал их с собой в зарубежные поездки, приходил на все их «сольники». А когда с младшей из сестер – Хураман – случилась беда и она тяжело заболела, он первый подставил плечо, оплатив дорогостоящую операцию и длительное лечение за рубежом. Из его рук Фидан и Хураман получили высокие правительственные награды: орден «Шохрет» («Слава») в 1998 и 2001 гг.

В период после второго возвращения в Азербайджан Гейдар Алиев награждал орденами «Шохрет» (Слава) и «Истиглал» (Независимость) всех своих любимых артистов, музыкантов, художников, писателей. Знаменательно, что он лично посещал тех выдающихся деятелей культуры, которые из-за болезни не могли выйти из дома, и вручал им эти награды.

Ровные, доброжелательные отношения связывали Гейдара Алиева с видным писателем и драматургом Рустамом Ибрагимбековым. В личной беседе с автором этого эссе он поделился своими воспоминаниями о великой личности.

Из беседы с Рустамом Ибрагимбековым:

«**Р.И.** Гейдар Алиев – одна из самых уникальных личностей, с которыми мне приходилось сталкиваться; масштабная, многообразная, сочетающая в себе самые противоречивые качества.

В советское время он как-то спросил у меня, нельзя ли в Баку провести международный кинофестиваль, как в Ташкенте. Я ответил, что решения такого рода принимаются на уровне Политбюро. Даже Ташкентский фестиваль проводился раз в 2 года. Но когда Гейдар Алиев вернулся к власти в 1993 году, я обратился к нему, президенту независимого Азербайджана, напомнил о нашем разговоре, и три года спустя, в связи со столетием мирового кино, был проведен первый Бакинский международный кинофестиваль.

В дальнейшем финансирование фестиваля взяла на себя американская табачная компания «Филипп Моррис». Но через два года ее вытеснили с азербайджанского рынка, а я уже анонсировал будущий фестиваль. Поэтому вынужден был снова прийти за помощью к президенту.

– Сколько тебе нужно? – спросил Гейдар Алиев

Я назвал сумму в манатах.

– Сколько это будет в долларах? – спросил он.

Я назвал ему сумму в долларах: 100 тысяч.

Он удивился:

– А почему так много?

– Это не много, это очень мало.

И еще я ему сказал, что во Дворце «Республика» – ужасная аппаратура, и следовало бы ее заменить.

– А это сколько будет стоить?

– Полмиллиона долларов, – ответил я.

– Ну что ты, у нас таких денег нет. А 100 тысяч мы тебе дадим.

– Позвоните, пожалуйста, министру финансов, – попросил я.

– Позвоню, – заверил он меня. – Не волнуйся.

– Прошу вас, позвоните при мне. Все висит на волоске.

Он посмотрел на меня неодобрительно, снял трубку и сказал:

– К тебе обратится Рустам Ибрагимбеков, дашь ему денег на фестиваль.

Судьба фестиваля была решена одним звонком, после многомесячных переговоров с министром финансов, закончившихся категорическим отказом. Я встал, чтобы уйти, и вдруг неожиданно для самого себя сказал:

– Гейдар Алиевич, можно я вас поцелую?

– Зачем? – с недоумением спросил он.

– Я разослал приглашения в разные страны уважаемым людям, и если бы не ваша помощь, то просто опозорился бы.

Я подошел к нему, и он подставил мне щеку.

А еще через год он издал указ о том, что Бакинский международный фестиваль будет традиционным.

И каждый год он приходил на церемонию открытия, встречался с гостями фестиваля. Никто ни до него, ни после не осознавал так глубоко значения этой сферы публичной деятельности государственного руководителя. В те годы Азербайджан находился в информационной блокаде. И Гейдар Алиев понимал, что это – один из эффективных способов ее прорыва. Ведь в Баку приезжал тогда цвет мирового кинематографа. Гейдар Алиевич производил на наших гостей неотразимое впечатление. На одной из встреч молдавский режиссер Эмиль Лотяну сказал ему:

– Я видел многих государственных деятелей, но вы помимо того, что выдающийся политик, вы – просто голливудский актер».

Особенно ценил Гейдар Алиев тех деятелей культуры, которые, не ограничиваясь собственным творчеством, занимались просветительством, создавали произведения, в которых отражались национальный дух, корни, нравственные ценности народа.

Высоко ценил президент работы писателя Анара, связанные с историческим прошлым азербайджанского народа, очень ценил яркий талант Эльчина и, вернувшись к руководству республикой, назначил его вице-премьером, поручив писателю все гуманитарное направление.

Что касается отца Эльчина – классика азербайджанской драматургии Ильяса Эфендиева, то он стал первым писателем, который в 1994 году был награжден самым высоким на тот

период орденом – «Шохрет» (Слава). Посетив уже после кончины маститого драматурга Азербайджанский драматический театр и посмотрев пьесу И.Эфендиева «Повелитель и его дочь», Гейдар Алиев после спектакля прошел за кулисы, чтобы встретиться с актерами и постановщиками пьесы. Во время этой встречи он потрясюще проанализировал творчество драматурга, особо отметив, что более всего ценит произведения Ильяса Эфендиева за то, что в них отражены очень важные страницы истории азербайджанского народа. Ильясу Эфендиеву, сказал президент, *«принадлежит заслуга в том, что он привил нашему народу чувство уважения к истории,*

оказал помощь в ее изучении, вместе с тем прививал нашему поколению такие высокие чувства, как духовность, человечность, верность Родине и нации...».

Спустя некоторое время Гейдар Алиев издал указ об увековечении памяти Иль-яса Эфендиева.

Одним из тех представителей творческой интеллигенции, отношения с которым Гейдар Алиев пронес через всю жизнь, был выдающийся азербайджанский композитор **Ариф Меликов**, создавший в 26 лет великое произведение – балет «Легенда о любви» – и прославившийся в столь молодом возрасте на весь мир. Гейдар Алиев неоднократно присутствовал на его премьерах – в Баку и Москве, а «Легенду о любви» смотрел, наверное, раз десять. И всякий раз выражал свое восхищение выдающимся тандемом Меликов-Григорович. Однажды Ариф муаллим почувствовал себя плохо и отправился в Центральную клиническую больницу. Его обследовали и сказали, что нужно срочно ставить стент. А он даже семье не сообщил, где находится. И вот, когда он шел в операционную, ему сказали, что президент Гейдар Алиев, мол, в курсе ваших дел и прислал в больницу министра здравоохранения «на подмогу». Высокопоставленный чиновник приходил каждый день, чтобы затем докладывать президенту о состоянии здоровья композитора. А когда, выписываясь, Ариф муаллим хотел заплатить за лечение и операцию, ему сказали, что этот вопрос уже решен. Ариф Меликов до сих пор удивляется, кто сообщил президенту о том, что он должен быть прооперирован. Ведь даже самые близкие еще не знали об этом.

Вообще, его удивительно чуткое, внимательное отношение к деятелям отечественной культуры достойно всяческого восхищения! При этом он отнюдь не помышлял о каком-то ответном жесте с их стороны, был против любых стихотворных или прозаических панегириков в свой адрес. Он просил их об одном: продолжать творить, создавая достойные произведения во славу азербайджанской культуры...

Многолетние дружеские отношения связывали Гейдара Алиева с выдающимся художником **Таиром Салаховым**. В 90-е годы, когда Г.Алиев вновь возглавил республику, приезды маститого художника на родину стали более частыми и длительными. Он сопровождал Гейдара Алиева в поездках за рубеж, присутствовал на всех сколько-нибудь значительных культурных мероприятиях как в Баку, так и в регионах страны.

Я рассказывала выше, как президент собирал на день рождения Муслима Магомаева у себя в резиденции известных представителей творческой интеллигенции. А вот воспоминания писателя **Максуда Ибрагимбекова** примерно на эту же тему:

«Незадолго до смерти, года за полтора, он собрал у себя на даче за одним столом Полада Бюльбюль оглу, Рауфа Абдуллаева, Муслима Магомаева, Эльдара Гулиева, Рустама, Анара, меня. «С сегодняшнего дня, я прошу вас, чтобы не было никаких интриг. Вы – друзья, у нас – одна родина, вы должны это помнить».

Многие из именитых писателей, музыкантов в разговоре со мной признавались, что после ухода Гейдара Алиева они как будто потеряли точку опоры, в буквальном смысле этого слова «осиротели».

* * *

В этой статье мы затронули лишь верхушку огромного айсберга под названием «Гейдар Алиев и азербайджанская культура». Уверена, что будущие алиеведы посвятят этой теме не одну книгу, а кинематографисты снимут потрясающий фильм о том, как Алиев искал в своей стране не диссидентов, а таланты. И как ему это замечательно удавалось!

МАРК ВЕРХОВСКИЙ

ДОЛГОЕ ОЖИДАНИЕ

Итак, после тридцатилетнего ожидания Праздник, наконец, состоялся!

29 марта 2023 года в Тель-Авиве – впервые с момента установления дипломатических отношений в 1991 году – было открыто Посольство Азербайджана в Израиле.

Более того, это первое шиитское государство, которое открыло дипломатическое представительство в Израиле.

На открытие посольства в Израиль прибыл глава МИД Азербайджана Джейхун Байрамов. Он провел встречи с президентом Израиля Ицхаком Герцогом, премьер-министром Биньямином Нетаньяху, министром обороны Йоавом Галантом и главой МИД Эли Козном.

Знаменательному событию предшествовало короткое сообщение в «твиттере» Мухтара Мамедова, ставшего первым послом Азербайджана в Израиле: «Шалом, Израиль».

Мамедов в прошлом занимал пост заместителя министра просвещения, и на дипломатическую должность был назначен в конце прошлого года.

По прибытии он вручил свои верительные грамоты президенту Израиля Ицхаку Герцогу.

Что же сдерживало Азербайджан от прогресса двусторонних дипломатических отношений с Израилем.

Известно, что Азербайджан весьма осторожно подходил к вопросу дружбы и сотрудничества с другими странами. В немалой степени этому способствовало географическое положение страны, расположенной в центре Закавказья.

Общенациональный лидер независимого Азербайджана Гейдар Алиев, тонко разбиравшийся в восточных хитросплетениях, стремился дружить со всеми соседями, но (естественно) с оглядкой выгоды для своей страны.

Тут хочется вспомнить исторический визит национального лидера Азербайджана президента Гейдара Алиева в Соединенные штаты Америки в 1997 году. (*Подробнее об этом: очерк Марка Верховского «Президент открывает Америку», «Литературный Азербайджан», №5, 2018 год.*)

Во время расширенного визита президента Азербайджана пригласили на встречу с Организацией конференции президентов еврейских общин США – Нью-Йорк, отель «Гранд-Хаят», 28 июля 1997 года.

Гейдар Алиев, как обычно, своим дружелюбием расположил к себе аудиторию.

После его краткого выступления о давних связях народов Азербайджана и Израиля посыпались вопросы, на которые Гейдар Алиев отвечал со свойственной ему откровенностью. Хотелось бы привести тут фрагмент его выступления.

Гейдар Алиев: *«Между Израилем и Азербайджаном существуют очень хорошие связи. Я неоднократно встречался с главами Израиля Исхаком Рабином, Шимоном Пересом, а с нынешним премьер-министром встречался в декабре прошлого года в*

Лиссабоне и имел с ним беседу. Я направил ему большое письмо о развитии связей между нашими странами. Премьер-министр Израиля на днях прислал в мой адрес большое письмо и вновь приглашает меня в Израиль».

В 1998 году премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху совершил первый краткий, ночной визит в Баку, где встретился с президентом Азербайджана Гейдаром Алиевым. Тогда был достигнут ряд взаимовыгодных договорённостей, служащих общим интересам двух государств.

Следующий президент Израиля Шимон Перес в мае 2009 года также посетил Азербайджан.

А уже в апреле 2013 года в Израиль на встречу с Шимоном Пересом прибыл министр иностранных дел Азербайджана Эльмар Мамедъяров. Состоялись также встречи и переговоры со спикером Кнессета Юлием Эдельштейном, замминистра иностранных дел Зеэвом Элькиным и премьер-министром Биньямином Нетаньяху.

13 декабря 2016 года в Баку состоялись переговоры между президентом Азербайджана Ильхамом Алиевым и посетившим Баку с рабочим визитом израильским премьером Биньямином Нетаньяху.

Как видим, процесс расширения сотрудничества двух дружественных стран медленно, но неуклонно приближался к апофеозу отношений. Однако, учитывая соседство Ирана и его отношение к сотрудничеству с Израилем любой мусульманской страны, сближение Азербайджана с Израилем в дипломатической сфере шло не очень интенсивно. В частности, Посольство Азербайджана в Израиле долгое время не открывалось.

Внешняя политика постсоветского Азербайджана выстраивается не на основе вступления в альянсы и блоки, а при помощи выборочного партнерства.

Это – не выбор между Западом и Россией, Ираном и Израилем, а дипломатическая диверсификация.

Несмотря на то, что Азербайджан поддерживает позицию Израиля в борьбе с терроризмом, ему приходится учитывать возможную реакцию мусульманских стран. Кроме этого, интенсификацию отношений с Израилем сдерживали и некоторые высказывания депутатов от правящей партии «Ени Азербайджан», критикующих израильскую позицию в вопросах палестино-израильского конфликта. По-разному складываются отношения Азербайджана и Израиля с Ираном. Израиль видит в Тегеране опасного геополитического противника, Азербайджан же всегда был открыт к диалогу с исламской республикой.

Иран всеми силами противодействовал открытию Посольства Азербайджана в Израиле. Эта политика имела продолжение и в дни открытия Посольства. Перед зданием генерального консульства Азербайджана в Тебризе в очередной раз была организована акция протеста против начала деятельности Посольства Азербайджана в Израиле и требования немедленного закрытия консульства в Тебризе.

Однако Азербайджан был тверд в своем решении поднять отношения двух стран на более высокий уровень, тем самым укрепить дружбу и сотрудничество с Израилем, который в дни сорокачетырехдневной Отечественной войны за освобождение оккупированных армянами земель Карабаха еще раз доказал свою верность дружбе. Иран же, напротив, поддержал страну-агрессора.

Следуя своей политике нейтралитета, Азербайджан одновременно с открытием посольства в Израиле открыл представительский офис в Рамалле – столице Палестинской автономии.

Баку и ранее поддерживал тесные контакты с палестинской администрацией, голосовал в ООН за предоставление ей статуса государства-наблюдателя.

Сегодня в Азербайджане процветает одна из крупнейших еврейских общин в мусульманском мире, которая пользуется полной свободой вероисповедания. Здесь проживают около 15 тысяч горских и других евреев. Посёлок Красная Слобода Губинского района является местом компактного проживания горских евреев в Азербайджане.

В свою очередь, в Израиле проживают примерно 80 тысяч евреев – выходцев из Азербайджана, которые регулярно посещают своих родственников в Азербайджане либо имеют здесь свой бизнес. Кроме того, существует прямой авиарейс из Азербайджана в Израиль, что значительно облегчает эти связи. Из Азербайджана в Израиль едут в основном на лечение, поскольку туристические поездки обходятся относительно дорого.

Статистика утверждает, что число граждан Израиля, посетивших Азербайджан в 2022 году, составило 23 935 человек (на 50% больше по сравнению с 2019 годом).

Израиль является одним из целевых туристических рынков для Азербайджана.

В августе 2021 года в Израиле открылись туристическое и торговое представительства Азербайджана. В марте 2022 года в Израиле состоялось открытие Тель-Авивского офиса официального туристического представительства Азербайджана, было подписано соглашение о сотрудничестве между Государственным агентством по туризму и Министерством туризма Израиля. Открытие диппредставительства будет способствовать развитию и обмену торговыми и культурными связями, в области сельского хозяйства, информационных технологий, туризма, медицины, науки и в других сферах. Можно с уверенностью сказать, что открытие посольства выводит отношения Азербайджана и Израиля на качественно новый уровень.

В Азербайджане действует около 20 культурных и благотворительных еврейских обществ: Еврейский дом, Общество «Азербайджан – Израиль» (АЗИЗ), Ассоциация еврейских женщин Азербайджана, Еврейский культурный центр и другие.

Торжественная церемония открытия Посольства Азербайджана в Израиле прошла на высшем уровне, мероприятие было ярким и красочным. Звучала национальная музыка двух стран. Была представлена концертная программа деятелей искусства Азербайджана.

В своем выступлении новый посол Азербайджана в Израиле Мухтар Мамедов подчеркнул: «Наша страна никогда не позволит использовать свою территорию против кого бы то ни было».

Выступая на открытии посольства, министр иностранных дел Азербайджана Джейхун Байрамов напомнил, что «в отсутствие посольства азербайджанская диаспора сыграла важную роль в углублении отношений и достойно представляла Азербайджан в Израиле». Он добавил, что товарооборот между двумя странами в прошлом году увеличился на 85%. Назвав церемонию историческим событием, министр иностранных дел Израиля Эли Козн подчеркнул, что открытие посольства после тридцатилетнего сотрудничества свидетельствует о расширении связей и сотрудничества двух стран во всех областях, выразил уверенность в дальнейшем углублении отношений.

Апрель 2023 года

ПАМЯТЬ

НАСИР ГУСЕЙНОВ (1940-1994)

«ТРУДНО ПИСАТЬ СТИХИ, НО НЕ ПИСАТЬ ТРУДНЕЙ...»¹

Почему люди пишут стихи?.. Вопрос, конечно, риторический, но всё же, всё же... Что заставляет людей, состоявшихся в жизни и профессии, браться за перо, чтобы снова и снова пытаться срифмовать свои мысли и чувства? Беззаветная любовь к поэзии? Потребность самовыражения, желание напомнить миру о своем в нем существовании? Некая неудовлетворенность, душевный разлад, невидимая внешнему миру боль?..

Биография Насира Гусейнова – это драматическая биография его поколения, биография большой, некогда общей для стольких народов страны. Родители его, отец Сурхай Гусейнбейли и мать Зумруд Тагизаде, были коренными уроженцами Шуши, волею судьбы оказавшимися вдали от родины, поэтому их третий ребенок родился в 1940 году в Узбекистане. Насир рано лишился родителей – мама ушла, когда ему было всего два года, отец прошел ад СЛОНа (Соловецкий Лагерь Особого Назначения), после десятилетнего срока вернулся в семью (лишившись права проживать в больших городах, в том числе и в Баку) и скончался, когда сыну было 16.

Недаром одним из самых любимых писателей Насира Гусейнова был Джек Лондон – география его жизненных странствий обширна и насыщена в подлинно лондонском духе. После смерти отца был Мурманск, служба на Северном флоте – там, в далеком Североморске Насир пристрастился к чтению («Среди книжек в случайной комнате / Квартирова юность...»), там стали складываться первые стихи, которые он читал по праздничным поводам со скромной клубной сцены...

И вот годы службы позади, надо определять дальнейший жизненный формат. Ему не на кого рассчитывать, кроме себя самого, и Насир возвращается в родной Баку, осваивает профессию сварщика-монтажника и идет работать на знаменитые Нефтяные Камни. Но любовь к поэзии, художественному слову не дает ему покоя – дважды он пытается поступить в московский Литинститут, позже становится студентом филфака Бакинского университета. Ему повезло учиться у замечательных преподавателей, дружить с теми, кто, так же, как и он, «болел» любовью к поэзии – молодые люди в те годы могли ночь напролет читать и горячо обсуждать чудом попавшие им в руки самиздатовские сборники классиков Серебряного века или опального Бродского... «Чтоб высечь на темной пустоши / Характер высокой пробы, / Я сердцем тянулся к Пушкину / Из тюрем собственных рёбер...» Еще одним пожизненным кумиром Насира Гусейнова был Пушкин, с которым у него было не только несомненное внешнее сходство, но и некое кармическое родство – недаром он любил рисовать себя в пушкинском образе: такой же кудрявый, с тонким «летающим» профилем, характерной линией носа... Он обладал потрясающей памятью, прочитанные книги запоминал до мельчайших деталей, читал наизусть целые поэмы, например, свое любимое «Облако в штанах» – Маяковский был в числе его поэтических кумиров, наряду с Пушкиным и Хлебниковым. Ну и, конечно, будучи ровесником шестидесятников, он взалхлеб читает их стихи, специально ездит в Москву, чтобы послушать «вживую» Вознесенского, Ахмадулину, Евтушенко...

«Неведомо по чьей вине, / Но вновь, и вновь, и снова / Пастушьей дудочкой во мне / Говаривало слово...» Негромкая пастушья дудочка продолжала настойчиво звучать на

¹Из стихотворения Насира Гусейнова.

фоне громогласных маршей и идеологических слоганов века. Он продолжал писать, посещал тогда еще оправдывавшие свое назначение бакинские лито, сквозь горнило которых прошло немало «самодеятельных» поэтов, чтобы потом пополнить ряды, в частности, постоянных авторов нашего журнала. Время от времени печатался – в «Бакинском рабочем», в том же «Литературном Азербайджане», как-то раз состоялась даже публикация в московской «Юности».

«Когда лета немалые / Возьмут на бордаж...» В пору зрелости его стало тянуть к природе, к простоте, он мечтал жить «по Толстому», трудиться на земле, кормясь ее плодами, обеспечивать себе таким образом хлеб насущный, чтобы можно было вплотную заняться творчеством, потчuya (опять же «по Толстому») своих современников «хлебом слова». К своему полувековому юбилею он почти реализовал это желание, но, увы, так и не успел полностью воплотить свою мечту в реальную жизнь...

«Злость обрыдла вековая, / А вроде пахло добротой... / Во дворе собака злая?.. / Во дворе хозяин злой...» Что подводит человека к преждевременному уходу? Все та же душевная ломка, невидимые сторонним взглядам раны и рубцы на сердце, разочарование в себе и окружающих, неверие в тот самый свет в конце затянувшегося жизненного тоннеля? «Неравнодушный к любой несправедливости, тонкий, ранимый, импульсивный...», – так характеризовали Насира Гусейнова близкие люди. И, как результат, тяжелая депрессия, две попытки суицида... Как известно, люди творческие, а тем паче поэты, неизменно находятся не просто в той самой группе риска, а буквально на линии огня во всех жизненных баталиях, ведь они пропускают все беды времени через себя, так что их, как правило, просто не хватает на долгую и счастливую жизнь...

Знакомясь с текстами Насира муаллима, еще раз осознаешь, что поэт – это не только и не столько умение рифмовать и укладывать строки в заданный размер, сколько свой, неповторимый взгляд на мир, умение видеть, слышать, осязать все его оттенки и нюансы, мыслить яркими поэтическими образами, которые надолго остаются в читательской памяти.

Такие образы щедро рассыпаны в строчках Н.Гусейнова – «литейщик слова», как он сам определял себя, он подмечал поэзию буквально во всем: и в привычном индустриальном пейзаже Абшерона, где «вышки, как стаи невест», встречают весну, «словно Бабека, выигравшего войну», и нефть «как чаршаб, покрыла волны», а на аккордеоне в руках юного нефтяника «клавиатуры веселой смеются белые зубы»... И в патриархальном бормотании деревенского дождя, что «забубнил, как нищенка о булке» по соседству с кустом шиповника, что «алел, как маникюр», над которым покачивается «на привязи луна / как лодка браконьера»... И в старых семейных портретах, на которых запечатлен «арестованный ветер» и бледная, как мрамор, женщина, что «молчит, как замок на замке...» ... А стоит поднять голову, и увидишь, как в небе над городом «красные утки рассвета, что звезды склевали с небес» соседствуют с многотонными ласточками авиалайнеров...

«Земля Азербайджана, / Как рыжая лиса: / Багряными пожарами / Охвачены леса...» Сколько строчек обращено поэтом к родной земле, прекрасной в любое время года, к языку предков, льющемуся «словопадом» по отрогам родных гор, к любимому, единственному в мире городу, озарившему небо бесчисленными огнями: «И я у ног его – огнепоклонник...»

«Линию запрета перешли мы, / Вставши на пороге катастроф...» Поэта не могло не волновать, что происходит вокруг, те драматические события, в вихре которых очутились все мы – жители двух столетий. Ему являлись тревожные провидения будущего «надломленного мира»: «Порох вроде семян краснощекого мака. / Но земля, где посеет его, порастает крестами...» Не могло не волновать его и то, что мы творим с нашей планетой, с той самой землей (которую он ощущал как живой прекрасный организм), превращая ее в пепелище, где «рыбы, как рабы» и «Над волною срезанные сваи, / Будто гвозди, вбитые в гробы...»

«Тобой живу и что-то значу, / Когда со мною рядом – ты...» Если есть что-то, что может оправдать наше земное бытие – это, конечно, любовь, чувство, которое изначально лежит в истоке любого поэтического текста, прорастая из любой почвы... «Инжир налился зноем, / Впитавши сок земной, / И что-то неземное / Опять стряслось со мной...» В стихах, обращенных к своей юношеской любви, к матери и жене – благодарность своим личным «волшебницам», творящим уют в этом неуютном мире, и чувство извечной вины за любимые ладони, которые легче зацеловать, чем уберечь от «каторги пеленок и корыт»...

Думается, что Насир муаллим мог бы найти себя и в таком штучном жанре, как поэзия для детей – его стихи, обращенные к самым маленьким читателям, наглядно это подтверждают.

«Спасибо, что сохранила / Не жизнь, испокон грошовую, / А то, что во мне ранимо, / То, что зовем душою...» Небольшой сборничек, изданный семьей Насира муаллима, – дань памяти и уважения к неординарному одаренному человеку, сумевшему, несмотря на все жизненные перипетии, сохранить по-детски чистый и по-юношески романтический взгляд на окружающий мир. Вот и нынешняя наша подборка служит той же цели – как нам представляется, сегодняшнему читателю, пусть даже и избалованному обилием сильных поэтов и самых разных поэтических текстов (в том числе обильно рассыпанных в мировой сети) будет, несомненно, интересна эта встреча. Ведь основная задача поэта – суметь заставить нас остановиться в повседневной суете, оглянуться на мир и современников, «улыбнуться мимолетному, посочувствовать печали», пройти путь «от созерцанья красоты / До завязи единственного слова...»

АЛИНА ТАЛЫБОВА

Ночные стихи

**Ночь. Тишина. Огни Баку. Залив...
Как будто бы на огненных колоннах
Стоит мой город, небо озарив,
И я у ног его –
огнепоклонник.**

**Ночь. Тишина...
А окна льют и льют
Потоки электрического зноя.
И в небесах
зеркальный Млечный Путь –
Всего лишь отражение земное.**

Мастерство

Наиллю Чердакову

**Я в цехе чугунные розы
Однажды на спор отливал –
Сумел я из стали и бронзы
Отлить небывалый овал.**

**Я рвал свои вирши и снова
Молчал, как молчат словари.
Но слышал:
«Бессонно твори –
И станешь литейщиком слова...»**

Из цикла «ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА»

1

Море, поменявшее наряды, –
И в помине синих ситцев нет,
Почернели нимфы и наяды.
Как чаршаб, покрыла волны нефть...

Человек, свой век не оговаривай,
Нить речей искусственно плетя.
Каспий –
уникальнейший аквариум...
Дай, трудолюбивое дитя,

Нам урок заботы бережливой.
Разум бесшабашно нездоров:
Линию запрета перешли мы,
Вставши на пороге катастроф.

Новый метод весело осваиваем.
Вышки в море.

Рыбы, как рабы.
Над волною срезанные сваи,
Будто гвозди, вбитые в гробы...

3

Факт-скелет разобравши
по косточкам
И нахмутивши брови от выводов,
Улыбнись от любви и спокойненько
Наблюдай лебединый выводок.

Улыбнись я опять и опять,
Наблюдая, как щедрая тина
Кормит крякву и сонмы утят,
И смеющегося мартина.

Пусть им будет светло и небесно,
Пусть всплеснется гряды полоса,
Пусть летят,
как вольготная песня,
Как по ветру летят паруса.

Косяками звёзд освещенную
Сын панамку потерял.
Видимо, о Башню Девичью
Зацепился синий трал.

Забывать о минутах нельзя,
Они вечны, как детские прыгалки.
Капля к капле –
Гёк-Гель родился,
Камень к камню –
и вымахал пригород.

Обращение к родному языку

Родной язык, я плачу оттого, что
ты мне –
как недоставленная почта.
Ты – волшебство веков,
но я – немой.
Ты – клад, но, к сожалению, не мой.

Как шорох волн, стихи читает друг –
Глухой стеною отражаю звук...
Я отвожу глаза, но чуткий взор
Неблагодарность ловит рек и гор.

Родной язык, печаль моюними!..
Я нищенство свое несую твоей природе...
Моей душе в прекрасном переводе,
Как подаянье, брошен Насими.

Абшеронский пейзаж

Месяц, как нефтеразведка,
Вышки, как толпы невест.
Красные утки рассвета
Звёзды склевали с небес.

В поле – зелень побегов.
На промыслах весну
Встречу,
словно Бабека,
Выигравшего войну.

Здравствуй, огнем палимый
Труд – ветеран земли:
Резервуара вымя,
Спецовки и ковыли.

Взвился красавец «Антей»
С аэродрома ладоней –
Ласточкой многотонной
Меж облаков и антенн...

Выревусь

Валежник рук сложить, и головой
Уткнуться в них
 в необъяснимой муке.
Пусть догорят дымящиеся руки,
Пусть выреву сверлящий душу вой.

Откуда он?..

 Он даже снился мне.
Так волки воют, чувствуя несчастье,
Так лес стенает в собственном огне
От вдруг возникшей
 молнии нещадной.

Прогулка поэта

Деревня, конопата и кургуза,
Трудилась в поле стаями грачей.
Над седоком, обремененным грузом,
Лес колыхнулся пламенем свечей.
И враз исторглась пламенная муза
Потоком словопада и лучей...

Колоколов звончее целованья
Услышит мир:

 «Очей очарованье...»

Я сотни раз бросал писать
С отчаяния грузом.
Но вновь и вновь в раздумий сад
Брела немая муза.

Неведомо по чьей вине,
Но вновь, и вновь, и снова
Пастушьею дудочкой во мне
Говаривало слово.

Я выходил в нездешний сад,
Настраивая лиру –
Как много надобно сказать
Надломленному миру...

Деревенская идиллия

Дождь забубнил, как нищенка о булке.
Невнятность первых слов... Беседа кур
Прервалась вмиг...

 А над собачьей будкой
Алел шиповник,
 словно маникюр.

Нашим мамам

Наклонилась молчаливо,
Заглянула в воду ива
И увидела – печальными
Стали косыньки венчалъные.

Не до сна, не до веселости –
Не целует ветер волосы.
Нет его на белом свете,
Будто арестован ветер...

Матерей посеребрили
Мрачные тридцать седьмые.
В зеркалах виднелась мама,
Бледная, как белый мрамор.

Памяти матери

Там, на подушке песчаной,
О вечность щекой опершись,
Горькою мыслью печальной
Не поминай нашу жизнь.

Всё хорошо в ней и свято.
День – продолженье твое,
Где подрастают соплята,
Черные, как мумие.

Ночь – продолженье разлуки.
Будто их держит аркан –
Недосыгаемо руки
Тянутся к теплым рукам.

О, моей родины дали!..
Скорбь неказистых аллей...
От молчаливых рыданий
Плечи нести тяжелей.

В шрам на душе, в борозду ли
Хлынет вся горечь во мне...
Не опечаль себя думой,
Думой о завтрашнем дне.

Заморозки

И все же пуще прежнего
звонят ручьи.
И возятся по-прежнему
на дне рачки.

И все же пуще прежнего
гудит апрель.
И все же пуще прежнего
в ночи форель,
сквозь клубы дыма грешного –
в чистень реки...
И плещет пуще прежнего
Ручей строки.

Разговор с любимой

Волшебница, немой творец уюта,
Источник самой искренней слезы.
Да будет нашим завтрашнее утро,
Когда в луне надломленность фрезы.

Сегодняшнее в свете полнолуния,
Проросший знак...

Всяк в этом мире – гость.
За что тебе нашамкала колдунья
Моей судьбы обглоданную кость?

Ты спишь, а сны –
на крыльях беладонны...
Твое лицо волнением горит.
Целованные нежностью ладони
На каторге пеленок и корыт.

В море

Зари угасал сполох,
И от падучей звезды
Вспыхнул неоновый порох
Бакинских реклам...

Позади
Причалы, прощальный порт,
Прощанья печальный год...

В черные волны канули
Юной мечты останки.
На Нефтяные Камни
Уходил танкер.

Пело про норды и зюйды
Аккордеона соло,
Клавиатуры веселой
Смеялись белые зубы...

Мы на бахчѐ арбузы крали,
гурьбой шныряли по садам.
Но по мальчишечьим следам
прошли строительные краны.

Громады зданий в полный рост
встают легко, светло и стройно.
И брезжут крыльями стрекоз
стекольщики микрорайона.

Порох

Из патрона, что найден на ниве
среди цветущей пшеницы,
ссыпал я на ладонь содержимое –
порох.

Я смотрел, будто видел впервые.
В душе
 оперялись в слова ощущения...
Порох вроде семян
 краснощекого мака.
Но земля, где посеют его,
 порастает крестами...

Гусь

(Из стихов для детей)

Га-га-га, я белый гусь,
Я водички не боюсь.

Хороша она, вода.
Будет дождик?
 – Не беда!...

Не боюсь я, не боюсь
Ни дождя и ни бабуси.

Ни бабуси, ни воды,
А боюсь –
 ско-во-ро-ды!..

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

РАССКАЗЫ

Перевод Ниджата МАМЕДОВА

ЖАЛЯ ИСМАИЛ

Грязнуля

Даа, рассказ написан и совсем не отредактирован. Точнее, будет написан и не отредактирован. Это будет неопрятный рассказ. Покамест не знаю, какой окажется тема, но без темы никуда. Может, это детский рассказ, а может, рассказ для взрослых. А то и вовсе ни для кого, просто для себя. Ну, посмотрим.

Значит так. Его рабочий стол всегда был грязноват. Да и сам он одевался неопрятно, только в первый день, когда надевал новую одежду, она оказывалась чистой. Каждым своим движением он сеял вокруг грязнотцу. Но директор его не выгонял. Учтите, он директора в лицо ругал, но тот всё равно его не увольнял. Хорошим был дизайнером. Отменным дизайнером. Работу проделывал на высшем уровне и сдавал в срок. Но вот незадача, был грязнулей. К тому же это его совсем не напрягало. Так как считал, что мужику не пристало наводить лоск. Говорил, разве я баба, чтоб ходить волосок к волоску. Поев, вытирал руки о бока. Зимой купался раз в месяц, летом – раз в неделю. Короче, был настоящим неряхой.

Клиентов терпеть не мог. Его никогда не брали на встречи. Клиента-мозгодера он разносил в пух и прах, а потом шел к себе. Потому-то его не трогали, пусть сидит себе спокойно. Давали заказ, объясняли, что к чему, и оставляли в покое. Вот и все. Работу он сдавал ровно в срок. Но все его любили. Даже директор, которого он обругивал каждый божий день. Девушек обзывал «ослицами», и это в самом лучшем случае. Был он рослым, потому парней в бараний рог гнул. Никто не мог с ним тягаться. Но сердце имел доброе. Однажды даже заплакал на работе при просмотре индийского фильма. И никого не постеснялся. Досмотрел до самого конца, утирая слезы. Карманного платка никогда с собой не носил, потому утирал нос и глаза рукавом. Даже девушки, охваченные состраданием, не смогли над ним посмеяться, наоборот, не смогли удержаться и принялись плакать над его плачем. После окончания фильма трагичная судьба Ратхи выжала из них все слёзы. Не подоспей вовремя директор, они, наверное, хором затагнули бы причитания. Хорошо хоть тот подоспел вовремя. А рядом с ним блатной клиент. Все взяли себя в руки и продолжили работу, но Грязнуля (так его прозвали) всё еще продолжал шмыгать носом. Внимательно выслушав клиента, он, впечатленный фильмом, облачил местную бабушку, пекущую чурек в тандыре, в сари. А директор оказался вне себя от ярости и целых два дня не мог угомониться. Но всё-таки не уволил Грязнулю.

Всё шло путем, но тут он влюбился в какую-то девушку. Выяснилось, что его девушка тоже грязнуля. Эта любовь, в которой никто так толком и не разобрался, оказалась непостоянной, без всякой милоты, полная ругани, суматохи. Грубая любовь, без проявления внимания, без конфетно-букетных дел. Вместо букетов он посылал девушке фотографии принтеров и лазерных принтеров последних моделей, то есть вводил ее, так сказать, в свой внутренний мир.

Как же мы узнали, что он влюблен? Случилось невероятное. В тот день все застыли как по команде «Замри!» В тот день, когда дождь лил как из ведра, он пришел на работу в новом костюме и туфлях, а волосы причесал на пробор.

Даже у директора сперло дыхание от этого его вида. Директор отправил к нему ребят, чтоб выяснить, не заболел ли он, а девушки, как всегда, оказались проницательней и сказали: да какая там болезнь, не беспокойтесь, Грязнуля влюбился. А потом стали разводить философию, мол, когда человек влюбляется, он становится другим, меняется и внутренне, и внешне... Если б директор не прикрикнул на девушек, то все сотрудники-мужчины получили бы двойку по философии. К счастью, директор успел вовремя. Короче. Хорошо, что потом ситуация обернулась в нашу пользу. Выяснилось, что девушка сделала отличный ход. Взяла и заявила нашему Грязнуле: я-то полюбила тебя таким, какой ты есть, а ты сейчас весь прилизанный, не надо так. Грязнуля очень обрадовался этим словам, тут же снял с себя пиджак за две сотни долларов, постелил на газон, уселся на этот пиджак с возлюбленной, и они, поедая булку, стали смотреть на морские волны.

Всё шло путем. Он держался, как обычно, и все мы сохраняли спокойствие. А потом что-то стряслось, и Грязнуля мало-помалу перестал быть собой. Не грубил больше девушкам, не ругал директора, не устраивал потасовки с парнями. Перестал есть за компьютером. Стал простым смертным. И с каждым днем всё больше и больше. Возьми и переменись он сразу – у нас снова сперло бы дыхание. Мы снова стали переживать. Что ж такое стряслось с нашим Грязнулей. Девушки сказали, наверно, он переживает по поводу свадьбы. Расходов, видать, много. Но на сей раз философию стали разводить парни: и это всё, что вы просекаете? Какая еще там свадьба? Какие еще расходы? Девушка бросила Грязнулю. Когда человека бросают, тот меняется и внешне, и внутренне. У него заканчивается кислород, он выходит из орбиты. «Расставание делает с человеком то, на что не способна любовь», – взял и отрезал директор. А сам схватился за сердце, осел в кресло, попросил валерьянки. Друзья поговаривали, что директор в молодости был весельчаком, добряком, с душой нараспашку. И все его любили. А потом что-то случилось, и всё это испарилось...

Ну и ну, все забыли о директоре и продолжили обсуждение. На сей раз обсуждения шли совместно: и девушки, и парни разводили философию сообща. Все пришли к общему знаменателю, мол, если на то пошло, вся наша жизнь грязновата. Есть любовь. Есть расставание, есть брошенность, есть смерть, ничто не идет ровно да гладко. Ничто не выглядит аккуратно. В нашей жизни всё сикось-накось. Не стоит жить в этом мире, где бросают такого парня, как Грязнуля. Встала одна из девушек и сказала: уеду с концами из этой противной страны. А один из парней парировал: из страны-то уедешь, а из мира этого куда хочешь свалить? Даже слепому видно было, что в философских делах парни берут верх над девушками. Но и девушки уступать не собирались: даже смерть не принесет нам освобождения. Тем самым была поставлена точка в споре. После этого все обернулись к пожелтевшему директору. Не понять, то ли на него подействовали все эти слова, то ли вспомнились прежние веселые деньки, но в глазах его стояли слезы.

Проклятье, я ведь не собиралась писать о любви. Богом клянусь! Я-то трусиха, ложно клясться Богом не могу. Но неважно, с чего начинаешь в этом треклятом мире, в конце концов все дороги ведут к любви.

К черту любовь! Мы до сих пор не знаем, почему девушка бросила Грязнулю (его больше так не называют, это прозвище осталось в анналах истории)...

Моя двоюродная сестра

– Которая лучше?

Показывает мне две помады. Выбираю розовую. Не доверяет моему вкусу, красит губы темно-красной. Не обижаюсь. Она покамест в том возрасте, когда хочешь выглядеть на все сто.

Она моя двоюродная сестра. Единственная дочь любимой тети – младшей сестры моей мамы, которая вырастила ее очень избалованной. Приехала ко мне в гости. Хочет повидать Баку. Ей пришлось получить разрешение не только у своей, но и у моей матери, чтобы приехать к нам из района. Очень странная девушка. Постоянно смеется, всему удивляется и своей грубоватой манерой говорить только краше становится.

Сейчас я заберу ее гулять. Сегодня для нее тот день, когда она познакомится с Баку. Участь Баку зависит от моей презентации, и я из-за этого немного волнуюсь. Отчего-то хочу, чтобы она, как и я, полюбила этот город, который, влюбив меня в себя, не оставил места для бегства. Не влюбится она в этот город – жить тут не сможет.

Она уже готова. Приделась, собрала длинные волосы в причудливую прическу, взяла огромную сумку, прошлась по губам помадой. А Баку, он готов для встречи с ней? Не знаю. Увидим.

На самом деле я очень уставшая. Охоты гулять нету. Но не могу ей отказать. Да и не хочу. Наводишь красоту, а всё коту под хвост. Делюсь с ней этой поговоркой. Не понимает. Но смеется. Не понимает потому, что выросла в России, они переехали в Азербайджан недавно, родной язык она понаслышке учит последние три-четыре месяца от самых разных людей, и так как ее «учителя» – самые разные люди, моя двоюродная сестра обладает удивительным лексиконом. А это только делает ее краше. У нее врожденный талант рассмешить человека в любую секунду. Во всяком случае можно только смеяться над словами семнадцатилетней девушки, которая заявляет, что «никогда не уйдет замуж». Невероятный перевод, вдобавок этот максимализм – «никогда». Короче говоря, с ней не соскучишься. И это самое главное.

Но мне и вправду не хочется гулять. Баку уже давно мне приелся. Я от него устала. На что еще тут смотреть? Что тут нового осталось? Но бежать нам некуда, другого города для житья у нас нет.

В ту секунду, когда двоюродная моя сестра приступает к выбору туфелек, мне становится ясно, что я знаю наизусть ход событий в последующие пять часов...

...Мы выйдем из дому и пойдем к метро. Я буду улыбаться тому, что проходящие мимо парни больше внимания окажут не мне, а ей – молодой красивой девушке выше меня на целую голову. На самом деле я буду улыбаться тому, что она примется украдкой ловить эти взгляды, отчего ее щеки зардеют. И тогда она будет часто смотреть мне в глаза вопросительным взглядом. А я мотну головой, мол, ничего, всё в порядке. Вот так мы продолжим идти.

Мы сойдем на станции «Эльмляр Академиясы» и дойдем пешком до Аллеи шехидов. Я начну объяснять ей всё, что встретится по пути. «Вот здание академии, вот сад, на Новый год тут устанавливают елку... На той стороне Парк имени Гусейна Джавида... Знаешь Гусейна Джавида?» «С ума сошла? Откуда мне знать, кто такой Гусейн Джавид?», – улыбнется она. Я мотну головой и стану увлеченно рассказывать ей о Гусейне Джавиде. «Вот Политехнический университет». «А где студенты?» – спросит она. «Сегодня суббота, занятий нет», – отвечу я. Я знаю, что ей непременно хочется увидеть в Баку компанию студентов. Для нее студенты – особая категория людей. Ей и самой так хочется стать студенткой.

«Вот Аллея почетного захоронения. Здесь погребены все знаменитые люди, певцы, артисты, композиторы...» Она не знакома с нашими почившими знаменитостями. «И президенты тут погребены», – добавлю я в надежде, что она узнает. Одного из них она узнает. «Слава Богу», – подумаю я. «Хочешь посмотреть?» Она скорчит кислую мину: «Да нет, это ведь кладбище, чего тут смотреть?». Наши знаменитости интересовать ее не станут.

Она узнает Милли Меджлис, когда мы пройдем рядом. «Здесь сидят депутаты, я видела по телевизору, как это выглядит изнутри, красивое место», – скажет она.

Мы перейдем дорогу и вступим в Аллею шехидов. Я расскажу о 20 Января.

Она внимательно выслушает. «Многие так молоды...», – скажет она с сожалением. А потом добавит: «Их убили тамошние русские?» «Тамошние», то есть ее бывшие соседи. «Нет, – отвечу я, – другие русские, солдаты...» Не хочу, чтоб она возненавидела бывших соседей. Увижу, что она очень опечалена, и постараюсь увести её. Но ей захочется немного посидеть возле Вечного огня. Я покажу двоюродной сестре Баилово. Она улыбнется: «Похож на деревню». Она станет смотреть на Хазар, вбирая в легкие ветер. Примется считать корабли. Отчего-то каждому, кто видит Хазар впервые, хочется сосчитать корабли, которые безмятежно отдыхают на его широкой груди. А Хазар, спасибо ему, не допустит, чтоб я ударила лицом в грязь, будет выглядеть очень красиво. Потом мы неспешно спустимся вниз и завернем налево. Выйдем на большую площадку Нагорного парка. Она начнет смотреть на Баку во все глаза! «Вот красиво!!» Я не смогу устоять перед этим изумлением и подтвержу ее слова. Я не примусь рассказывать ей, что Баку сильно изменился с тех пор, когда я увидела его впервые. Пускай она увидит и узнает его таким, не будучи охвачена сожалением по поводу того, что могла бы застать его в другую пору.

Она сделает много фотографий. Захочет, чтоб я сфотографировала и ее. Я улыбнусь тому, как кокетливо она позирует перед объективом. Бакинский ветер взъерошит ей волосы. Она напустит на себя разгневанный вид. Но я точно буду знать: ей это нравится. Все девушки считают бакинский ветер своим тайным возлюбленным – его прикосновение всегда приятно. Мы по бесконечным ступенькам спустимся к бульвару. Днем бульвар будет таким, как обычно, – безмолвным.

Мы сойдем с колеса обозрения, и тут нас настигнут двое парней. Нет ничего естественнее, у этого города неписаный закон: «Раз две веселые девушки прогуливаются по бульвару, обязательно надо к ним пристать». Двоюродная сестра спросит сердито: «И мне их послать?» Я улыбнусь, отвечу: «Не надо». Мне следовало бы сказать: «Руганью парней не образумишь», сказать: «Руганью никого не образумишь». Но всё это бессмысленно. Моя двоюродная сестра считает иначе. Моя спутница после бесед своей матери и тетюшек окончательно убедилась, что от парней следует ждать только неприятностей. Мне захочется возразить, отредактировать мысли наших тетюшек. Мне захочется сказать, это вовсе не так, не все парни такие, есть среди них и хорошие, которые остаются такими до самого конца, и среди них немало тех, кто достоин любви... Парни не столь уж плохи, просто немного отличаются от нас... и должны отличаться... Бог их такими создал. Но ничего этого я не скажу. Поленюсь. Я, в свою очередь, убеждена в другом: есть вещи, которые следует прожить самой, понаслышке не обойдешься. Конечно, тех двоих отставших от нас и нашедших себе других собеседниц парней не охватит чувство благодарности за то, что мы их не послали. Им нипочем, если красивая девушка обзывает их ослом.

Мы пройдемся пешком до самого морвокзала, потому что мне хочется покатасть ее на катере. По пути мы покружимся на карусели. Купим билет на катер. Она, ничего не страшась, пройдет по узкому трапу и займет место. Её широко распахнутые глаза постараются вобрать всё. Я тоже вспомню, как была счастлива, впервые сядя на катер. Изумлюсь тому, как схоже мое счастье с ее счастьем. И даже море будет похожем на то самое море. Я расскажу ей об острове Наргин, покажу телевышку. А она, слушая меня, прогуляется по палубе. Облокотится о перила, голову склонит к ладоням и примется смотреть на море. Я увижу в ее зрачках танец волн. Она влюбится в Хазар.

Фотоаппарат из рук выпускать не станет. Она сфотографирует и меня, чтобы показать тете. «Скажу тете, что ты не очень похудела...» Фотографируя меня, она скажет командным тоном: «Да улыбнись ты уже!» И я улыбнусь в объектив. Она на секунду замнется: «Ты как-то странно улыбаешься, не понять, что хочешь сказать...» На сей раз я громко засмеюсь. Сама не понимая, она скажет, что люди всегда смеются со смыслом. Скажет это интуитивно. По сути я обрадуюсь и рассмеюсь тому, какая она проникательная.

Потом она расскажет мне о недавно обручившейся соседской девушке. Станет известно, что ей совсем надоела эта девушка, которая через каждое слово умиленно упоминает своего жениха: «Мой Рамка, Рамка» «А я наконец не выдержала, сказала: не глупи, в рамку помещают фотографии». На наш голос выйдет механик из каюты.

Мы пойдем к метро. Глядя на то, как она ест мороженое, я подумаю: она никогда меня не забудет. Я человек, который впервые повел ее в театр, впервые покатал на катере, впервые показал Аллею шехидов, впервые рассказал о Гусейне Джавиде. И я тот человек, который научил ее, как надо чистить подошвы туфелек в мелкой луже. Она непременно расскажет обо мне своим детям. А до того – своей матери и тетушкам. Одна из ее тетушек – моя мать – как обычно, разозлится и выпалит: «Чего это вы ошивались вдвоем на бульваре???» Что, в свою очередь, означает: следовало взять с собой брата. То есть без сопровождающего нас брата мы беззащитны. А моя двоюродная сестра парирует: «На бульваре людоеды водятся?» А моя мать скажет ее матери: «Твоя дочь за словом в карман не лезет, вот какую ты воспитала среди русских». А тетя примется упрекать свою дочь. Но эти упреки вмиг растворяются во флоре ее свежих впечатлений. Откуда этим женщинам знать, что значит впервые плавать по мазутным водам Хазара в свои 17 лет, фотографировать слепящие от солнца волны, которые рассекает нос катера.

Мы спустимся в метро и вернемся домой. Не глядя ни на кого, она, собрав всё свое внимание, прочтет рекламные вывески. Вместо всех «э» она пишет «е», но читать на родном языке умеет. Она рассмеется над рекламирующим протеин самодвольным парнем с буграми мышц: «Посмотрите-ка на него, позирует». Но платье девушки с другого постера ей понравится. А я, отвечая на ее вопросы по поводу того, что значит то или это, подумаю, что непременно должна сказать: «Всё не совсем так, родная, я не осведомлена обо всем...» Но не скажу. Не стану портить впечатления о себе. Пусть верит, что есть на этом свете человек, способный ответить на все ее вопросы. По правде говоря, оправдывать все чаяния невыносимо. Быть примером – и того хуже. А нести ответственность – хуже всего. Нужны годы, чтоб наша девчонка всё это поняла и сама выбрала, как ей жить.

...Она выбирает новые туфельки. Будто Баку станет вдомёк, что она особо готовилась к встрече с ним. Добавляет последние штрихи к макияжу. Удовлетворившись своим внешним видом, оборачивается ко мне: «А ты почему не красишься?» Я пропускаю ее слова мимо ушей: «Ну, что, пошли?» Оба вопроса остаются без ответа. Уже переступая порог, она задерживает шаг: «Секундочку» Аккуратно стирает темно-красную помаду с губ и неспешно красится розовой, которая мне больше по душе. Я устало улыбаюсь. В нашем роду детей воспитывают по старинке – взрослые всегда правы. Все дети в нашем роду растут с этим убеждением, пока Баку не докажет обратное.

Жаля Исмаил – выпускница Бакинского государственного университета. Училась в докторантуре в НАНА и Университете Бабеш-Большая (Клуж-Напока, Румыния). Лауреат Национальной литературной премии «Насими» (3-е место, 2008 г.), Национальной литературной премии «Литературная свобода» (3-е место, 2011 г.), Международного конкурса драмы «Крайова Драма-2015» (1-е место, 2016г., Румыния). Автор книг «Истории внутри статуи» (2010 г.), «Стихи залпом» (2015 г.), книги пьес «Кто-нибудь хочет играть?» (2021г.), а также монографии «Культурные связи между Азербайджаном и Румынией» (2022 г.). Спектакль «Двойник» был поставлен в качестве курсового спектакля студентов АГУКИ (2017 г.), моноспектакль «Зеркало» в качестве фестивального спектакля в театре «Тياتро 1112 Гараж» (2018 г., Анкара). Спектакль «Библиотека тысячи и одной ночи» поставлен в Газахском государственном театре Азербайджанской Республики (2022г.).

НАРМИН КЯМАЛ

Непокорные травы

Под вечер в парке имени Джордже Энеску, что в восьмом микрорайоне, сидели на скамейке мужчина с женщиной и беседовали. Сидящая на соседней скамейке старуха – продавщица леденцов – велела внучке: «Зажми уши, не надо слышать их разговора».

Мужчина жаловался на жену, женщина – на мужа, но они с нескрываемым интересом внимали нагоняющим скуку словам друг друга.

– Сколько можно? Сколько можно так жить?! – ворчал мужчина. – Прихожу после работы усталый, вижу, сидит, плачет. Развесила на стене фотографии отца, но я ничего не говорю. А теперь вот напялила на себя его одежду. Говорю, нельзя держать дома одежду покойника, отнеси в мечеть. Твой отец был мужиком рослым, а ты такая худенькая, щупленькая, как ты можешь встречать мужа в свитере покойника?! Но ей хоть бы хны... Уже полгода плачет. Тогда еще можно было понять, отец ее недавно умер. А сейчас чего изволите?!

– И мой туда же, – ворчала женщина. – Сам посуди, всё дома разваливается, дверцы готовы из петель выскочить, всё неисправное, ничего не чинит и мастера не вызывает, целыми днями дрыхнет. У него-то отец жив. Только и делает, что талдычит: я так устал, так устал. Раз надоело жить – тебе виднее, мне не надоело. Жизнь прекрасна.

Джордже Энеску был статуей, но вытерпеть всё равно не мог, касался смычком басовых и верхних струн, при словах мужчины благородный инструмент бормотал, как медведь, при словах женщины щебетал соловьем. Но никто, кроме самого исполнителя, этого не слышал.

– У него хоть могила есть, похоронили его, как подобает, возложили цветы. Говорю ей, с каждым днем мир становится только хуже, может, мы сами, будучи при смерти, станем завидовать нынешним покойникам?!

– Не говори так, дорогой. Не приведи Господь.

– Всё может быть. Возьмут и сбросят бомбу, мокрого места от нас не останется. Я – учитель гражданской обороны, знаю, что говорю.

– И я о том же. Мы больше никогда не будем молоды. Больше не придем в этот мир. Самое ценное – это время, оно летит, как ракета, но мы – пилоты этой ракеты, дорогой, мы. Целыми днями валяется в постели, не работает. А врач говорит, при депрессии спят много. Что еще за депрессия, чего тебе не хватает? Ешь, пей, гуляй, наслаждайся...

– Вот-вот. Говорю ей, женщина, сколько можно жить в прошлом?! Я понимаю, – мужчина придал голосу мягкости, будто говорил с ребенком, – прекрасно понимаю, отец вырастил тебя без посторонней помощи. Любой другой на его месте женился бы вторично, а твой не женился, сказал: «Доченька, если женюсь, не смогу тебе в глаза смотреть». Вы жили как друзья, как брат с сестрой, это мы поняли. Всегда делились друг с другом своими переживаниями. Когда у тебя в детстве болел животик, он каждый раз бежал поймать такси, чтоб отвезти к врачу – боялся аппендицита, но прошли годы, и когда он горел в лихорадке, ты не поняла, руки не дотянулись, это мы тоже поняли. Он тебя уберег, а ты не смогла его уберечь. Но ведь ты не Бог! Сколько можно слушать его старые голосовые сообщения по этому чертову телефону, у него уже и кости в прах обратились. Прошло время, время! Почему так сложно это понять?!

– И мой таков, слова человеческого не понимает. Проводит жизнь во сне. Говорю: умрешь – будешь спать беспробудно, а сейчас баста, марш на работу, заведи с кем-нибудь дружбу. Проснись, очнись! Говорит, мне так любо, любо одиночество.

Но ты своей скажи, душа покойника беспокоится, когда по нему долго плачут. Пусть лучше молится за прощение грехов отца. У меня тоже скончался отец, но я так не поступала. Не следует умирать вместе с умершим. Что бы ни случилось, жизнь продолжается. Человек рождается лишь раз.

– Говорю, ей-богу, всё это говорю. Потери есть у каждого, остальные со временем утешаются, а моя со временем тонет еще глубже. Надо проявить стойкость. Всему есть мера, и даже горю...

Стояла настоящая осенняя погода. Птицы вовремя попрощались с городом, чтобы не угодить под дождь. На зеленых деревьях парка, будто у начавшего сесть человека, то тут, то там виднелись желтые, оранжевые листки. Старый садовник никак не смог справиться с непокорными травами и потому плюхнулся на свободную скамейку.

– ...Плакать надо в меру. Пришли старшие, аксакалы, их жены, сказали, дочка, да упокоит Аллах душу твоего отца, но в конце концов умрем мы все. Возьми хоть нас, у кого из нас жив отец?! Умершего не вернешь. Собрались друзья, сказали, Кямаля, было время, когда мы шли в школу, потом настало время школу окончить, настал день, когда мы принялись приглашать друг друга на свои свадьбы, теперь мы в том возрасте, когда уходят родители, и настанет день, когда мы будем ходить на поминки друг друга. Но Кямаля пропустила всё мимо ушей.

Мама моя испугалась, что она может наложить на себя руки, сказала, доченька, он зачал тебя, вырастил, воспитал, дал образование, отыграл тебе свадьбу, теперь и ты должна родить ребенка, вырастить и воспитать его, отыграть свадьбу, а потом можешь умереть.

Отец мой сказал, в прошлом году на войне пали двадцатилетние, совсем молодые, один лучше другого, что прикажешь делать их деткам-сиротам?!

Пришли соседи, сказали, радуйся, благодари Бога, он не мучился, ушел легко, не стал лежачим больным, не корчился днем и ночью от ужасных болей.

А она всё заладила, как же так вышло, я этого не ожидала, не могла поверить, что всё может так обернуться.

– Гм, а где гарантия? Бывает ведь, человек утром отправляется на работу, а тут звонят его сыну или дочери, мол, его сбила машина, мозги растеклись по асфальту.

– Не понимает. Я отыскал и привел одного поэта, который за словом в карман не лезет, его еще частенько по телевизору показывают, увидишь – узнаешь, пришел и выступил с целой речью, сказал, отец твой вовсе не умер, он живет в тебе, он – это ты, ты и есть он. Поэт привел с собой одного писателя, выглядел тот интеллигентно, имя его я запомнил, начинается на Ш, сказал, сестра, вот какое это дело – оно либо уже случилось с каждым из нас, либо случится в будущем. Но ей всё это побоку.

– А у нее нет своей родни, своих друзей? Может, их она послушается, – женщина встала. – Что-то тоскливо мне стало, давай пройдемся.

Они встали и начали прохаживаться вокруг памятника. Виртуоз-скрипач аккомпанировал этой прогулке веселыми немецкими, чешскими, румынскими танцами, старался музыкой воодушевить и успокоить этих двух собеседников. Но как бы он ни старался, его не слышали.

– Пришли, ее родичи тоже пришли. Бакинцы. Мы не были знакомы. Они и сами между собой не знакомы, не общаются. Двоюродная ее сестра сказала, а кому нужна эта жизнь, он ничего не потерял. Ну и ну, что за слова?! Взять и сказать бы ей, раз эта жизнь никому не нужна, наложи на себя руки, сама-то ты зачем живешь?! Другой ее родственник заявил: надо смириться с реалиями жизни. Тут встрял другой, напрасно вы уложили его в больницу, там убивают, надо было дома поставить систему, многие так поступают. Умник, подлил масла в огонь. Тетя Кямали вместо того, чтоб ее унять, погрузилась в воспоминания, сказала, в молодости я позвала покойного помочь мне передвинуть диван, тяжеленный совковый гроб, он сказал, отойди,

в одиночку передвинул диван куда следует, не верю, не верю я, чтоб такой мужчина мог взять и помереть, его доконали врачи. Другая ее тетя, сестра отца, срубила под корень, сказала, Кямала, отец дышал тобой! Потом все родственники ушли, а ей стало только хуже.

– Всё испортили. Только хуже сделали. Слезами горю не поможешь, будь так, я б тоже плакала, дорогой.

– Ее подруга воды в рот набрала, я услышал только одну фразу: «Страшно жить». Дурёха. Только двоюродный брат ее отца сказал что-то нормальное, сказал, не горюй, не плачь, все мы умрем, надо быть готовым ко всему, у моей жены обувь жала ногу, а разве от этого может умереть человек? Оказывается, может. Оказывается, у нее был диабет, и дело приняло дурной оборот. Умерла от мозоли на ноге.

– Судьба. Но мне стало жаль тебя.

– Это еще цветочки, – не мог успокоиться мужчина. – Я был вынужден вызвать из деревни свою больную бабушку, а той девяносто лет. Она не отказала, приехала, стала говорить умные вещи. Сказала, однажды Аллах дал обязанности трем ангелам. Азраилу выпало забирать у людей жизнь. И тут начинает плакать мать Азраила, говорит, сынок, что за обязанность тебе выпала, люди станут тебя проклинать! Азраил ей отвечает, говорит, не бойся, я буду убивать людей так, чтоб никто меня не заподозрил. Покажу ребенку красное яблоко, ребенок побежит за ним и угодит в тандыр, люди станут считать виноватыми самих себя. Но сколько бы ни говорила бабушка, Кямала стояла на своем: если б я отвела его к врачу всего на три дня раньше, всё обошлось бы, если б отвела не к этому врачу, а к тому, всё обошлось бы. Бабушка вернулась в деревню, а на прощание сказала, дочка, всё это причины, но есть предначертание, есть судьба.

– Так она и не уgomонилась, да?

– Да. При слове судьба ее током било. Говорит, как так – вам выпало жить не тужить, а отцу моему умереть?!

– У тебя есть ее фотография?

Мужчина полез во внутренний карман пальто за портмоне, достал из него маленькую паспортную фотографию жены.

– Вижу, носишь с собой... – женщина взглянула на мужчину испытующим взглядом.

В эту секунду скрипка щебетнула, как птица, и смолкла, затем щебетнула снова, будто вслушивалась в окружающий мир, проверяла, насколько тот чуток. Щебет перешел в долгую высокую ноту и пресекся после короткого свиста. На этот свист тотчас откликнулись сотни скрипок по всему городу.

– Да, иногда нужно для всякой документации. Я что хочу сказать, хочу сказать, что все слова оказались впустую, никто не смог наставить ее на путь истинный.

В открытом еще с летнего сезона ресторане на том конце парка компания молодых парней потягивала ледяное пиво. Женщина бросила на них взгляд и поежилась.

– Дам тебе свое пальто... Вот тааак... Согрелась?

– Да.

В эту секунду каменная скрипка вздрогнула, как весенний водопад, после нежных пассажей остановилась на двух соседних высоких нотах, принялась как можно быстрее чередовать два этих звука и создала достойное своего имени тремоло. Будто на склонившейся к водопаду ветке, в свежести водопада задрожала пара зеленых листочков.

– Смеркается. Хочешь, ступай домой. Тебя ждут дома.

– Эх, не надо об этом. Мне придется долго добираться, увижу, что она опять плачет, а дома холодно и темно.

– Да, не повезло тебе.

– Всё из-за нее, я-то жизнелюбивый человек. Под утро во сне почувствовал, что кровать дрожит. Я-то сплю, сама посуди. Подумал, землетрясение. Потом вижу, она плачет. Спрашиваю, ты чего? Говорит, только что видела отца во сне, совсем вблизи, он мне улыбнулся. Мне так и хотелось сказать: «Раз видела сон, дождись утра, сходи к мулле за Йасином, мне зачем спать мешаешь? Мне ведь утром на работу. Я в чем виноват?!»

– Ты ни в чем не виноват, дорогой. Да и я ни в чем не виновата. Надо уметь наслаждаться жизнью, веселиться, а этого нет ни у моего мужа, ни у твоей жены.

– Я сделал всё, что мог. Говорил, умолял, упрашивал. Говорил, человек живет не только для себя. Человек каждое утро должен вставать если и не для себя, то ради любимых людей, должен встать, умыться, причесаться, приодеться, если и не для себя, то ради семьи, должен улыбаться. Я мужчина, мне хочется комфорта, хорошего дня, ласки. Я искренне хотел бы, чтоб он не умер, но он умер. Мы сделали всё, что было в наших силах, это всё, на что мы были способны! Я-то всё еще жив. Не станет день, когда и меня не станет.

– Не говори так, не дай Бог. Но ты прав. Я тоже много чего ему говорю. Мы больше не придем в этот мир. Все остальные семьи отправляются отдыхать, гуляют, наслаждаются. А этот целыми днями дрыхнет. Нахожу ему работу, не идет. Наконец, вчера вызвала его брата, сказала, милый-дорогой, вот как всё обстоит, надо что-то придумать, так нельзя, мне тоже хочется жить, да и его самого жалко. Брат взял его с собой в деревню, мол, пускай посидит во дворе, погуляет в лесу, подышит свежим воздухом. Но всё-таки не верю, что он переменится.

– Ты останешься дома одна?

Звуки скрипки взбежали от басовых к верхним словно белки по стволу дерева и застыли на самой верхней ноте. Звук застыл на этой высоте словно качели на пике взлёта, оттуда можно было скатиться кубарем либо назад, либо вперед. Этот похожий на свист колибри звук сопровождал мужчину с женщиной до тех пор, пока они не покинули площадку.

Они хорошенько выговорились, прежний гнев и раздражение почти иссякли. Накрапывал дождик. Они прибавили шаг, зашпешили, но их остановил светофор. Дорогу перекрыли из-за президентского кортежа. На дороге царил тишина, столь непривычная для города. В этой тишине всё – последние отблески догорающего заката на окнах зданий, тепло одетые прохожие, желтеющие деревья, опустевшие скамейки – выглядело так, будто прощалось с летом. Вечерний ветер гнал капли дождя и коричневую опаль в лицо прохожим. Какой-то побитый жизнью прохожий выразил молчаливое недовольство из-за вынужденной паузы на дороге, помотал головой и засопел. Недолго спустя перед их глазами промчались черные автомобили словно выпущенные из лука стрелы. Следом загорелся зеленый. Мужчина с женщиной продолжили свой путь.

Капли дождя набухали, тяжелели. Хорошо, что они успели добежать до квартиры женщины, пока совсем не промокли. Похожий на жреца старый сторож взглянул на них и сглотнул, мол, мы тоже так делали, и в ветер, и в дождь.

Опустилась ночь.

В тот вечер мужчина отправился в чужую квартиру, но и в его квартиру пришел другой. Родившийся в марте черный кот с белыми лапами. Кот принялся к деревянному полу, нет, особой угрозы нет. Навострил уши, никаких звуков, кроме звука тонкого ручейка в водосточном желобе. Успокоился, не спеша умылся. Сощурил глаза, почесал за ухом задней лапкой. Тут он заметил, что на него внимательно смотрит хозяйка квартиры, от удивления лапка так и застыла за ухом. «Это она!» – подумал он. Такому, как он, коту нужна именно такая хозяйка. Печальная, одинокая женщина, которой выпали разные не очень приятные обстоятельства жизни. Только такая вот женщина может целиком сосредоточиться на нем.

Он не обманулся, женщина прижала его к груди точно родного малютку, обласкала, погладила, подложила под него мягкую подушечку. Наевшись и напившись, кот как настоящий самец, ничего не боясь, выпрыгнул из окна прямо во двор, отыскал себе среди сора что-то вроде игрушки. Это был сухой дикий инжир, растущий на маленьких безлюдных островах в Хазаре. Хорош. И жесткий, и мягкий. Кот взял инжир в зубы, зашел в квартиру, опустил его посреди комнаты, отряхнул свой пушистый, как у лисицы, хвост. Всем этим он хотел сказать: раз не можешь охотиться, добычу тебе принесу я. Это заставило новую хозяйку улыбнуться.

Черный кот с белыми лапками знал, что всё так и будет, он не знал только дня своей смерти. Его игривой натуре было проще простого сделать то, что пробовали люди, но так и не смогли, – заставить улыбнуться эту погруженную в траур женщину. Но чуть-чуть, не настолько, чтобы женщина развеселилась, показала непокорность и выгнала его посреди зимы на улицу. Всё хорошо в меру, в том числе веселье. Он ее рассмешит, но настолько, сколько нужно ему, надо посмотреть...

Кот сидел, сложив лапки, словно советские школьники, урчал, глядя на дикий сухой инжир. Он выглядел очень забавно. Этого засохшего плода дикого инжира, растущего на далеких безлюдных островах, было достаточно, чтобы явить чудо. Откуда тут взялся этот инжир? Его принесли в клюве вороны, прибили к берегу волны или что-то еще? В тайнах природы не разобраться.

Улица Ульви

Во время карантина учительница музыки Ирина Ивановна вместе со своей престарелой матерью перебралась из города на дачу в Новханы. Обе женщины были мрачны. Они не могли найти счастья в отличие от своих предков, нашедших в царское время приют на этом берегу. Но главное: есть местечко, куда можно сбежать.

Забор был очень высок, потому не разглядеть, чем там заняты мать с дочерью. В полдень в саду будто бы раскрывали розовую музыкальную шкатулку. Посреди сладкозвучия учительница произносила повелевающим тоном:

– Назрин, третий палец!

Снова звучала музыка, Ирина Ивановна снова останавливала ученицу:

– До диез каким пальцем???

Повторно звучала музыка, а теперь раздавался совсем по-иному звучащий голос, режущий ледяным холодом, и нарушалась вся гармония.

– Назрин, что ты играешь? – теряла самообладание Ирина Ивановна. – Что играешь? Ты исполняешь, думая или нет?

– Думая.

– В таком случае пускай пальцы тебя слушаются, а не разгуливают где попало!

Снова звучала музыка, и не вели учительница ее прекратить, никто не понял бы, что есть еще ошибка:

– Какой палец указан? Ре каким пальцем надо играть?

И тут не выдерживала и вмешивалась Валя, мать Ирины:

– Ах, Ириночка, какая разница, какой палец? Война идет.

Старая Валя, желающая унять ученицу, считала своим долгом повторить свои слова на ее языке, на азербайджанском.

Урок музыки проходил, как серьезное заседание, решающее судьбы мира, наставал конец урока, перед тем, как проводить ученицу, Ирина Ивановна высовывала голову из ворот и оглядывалась по сторонам. В пустом тупике ветер вздымал песок.

После Назрин приходила Лейла. Другая ученица приносила с собой другую музыку. И сегодня случилось именно так. Начались бесконечные гаммы, а следом – еще более бесконечные этюды.

– Лейла, ты тянешь ноты, как резину. Живее. Поддай жару. Это этюд, играй так, будто движется поезд, ра-та-та-та, та-та-та... Лейла, считай... Лейла, правду скажи, ты дома играла или нет???

Дочь привыкла к материнскому голосу, как живущие на лесной опушке свыкаются с туканьем дятла, и потому совсем ее не слышала:

– Ах, Ириночка, какие там этюды...

Так и проходили дни, и конца этим дням видно не было. А по соседству с Ириной Ивановной, по ту сторону забора, на оставшейся от отца старой даче умирал шестидесятилетний мужчина. Хотя он вовсе не выглядел как собравшийся умереть человек, скорее напоминал Бахрам Гура, готового сразиться с драконом. Он лежал себе тихонько и смотрел новости с отчетами о лесных пожарах, наводнениях в далеких странах, сошедших с рельсов поездах, но находящейся прямо перед носом катастрофы не замечал. В его горле появился и разрастался чужеродный комочек, открывал для себя новые материки, алчно захватывал новые земли, выдавал замуж дочь, женил сына, делился и разрастался. Мужчина взял большое зеленое яблоко, с хрустом откусил, будто был на все сто уверен, что доживет до тех пор, пока не съест это огромное яблоко.

Их на старой даче было двое: старший брат и младший. У каждого своя комната. У старшего брата комната большая, окно выходит на улицу. У младшего брата комната маленькая, окно выходит в сад. Старший брат только и делал, что смотрел кино. Заканчивался один фильм, начинался другой. А младший брат только и делал, что лежал, уставившись в потолок. Заканчивалось одно воспоминание, начиналось другое.

Не считая средней сестры, которая появлялась здесь раз в неделю, по субботам, сюда никто не приходил. Средняя сестра готовила еду братьям и снова возвращалась к себе, тоже жила одна-одинешенька в Ичери шехере.

Оба брата все самые лучшие свои дела сделали в молодости. Учились, отслужили, начали работать, выходили на демонстрации, любили, женились, устраивали застолья, жарили шашлык, ремонтировали свои квартиры, но, как только им пошел четвертый десяток, всё рухнуло. Устав на полпути от той буйной жизни, они вместе со своими лекарствами от нервов ушли на этой даче в затворничество. Только младший брат, очнувшийся от минувших словно сон волнительных годов, смог стать отцом, у него была дочь. Дочь оказалась явственным доказательством тех лет, младший брат видел те годы не во сне.

Доев зеленое яблоко, умирающий младший брат поднялся на мост.

Это был не обычный мост, это был не видимый другим, предназначенный лишь для двоих, протянувшийся с одного конца города до другого, подвесной мост между отцом и дочерью. Каждый раз, скупая друг по другу, отец с дочерью брали телефон и выходили на этот сорокалетний мост, брались за руки и гуляли с одного конца до другого.

– Как ты, моя львица? Как ребенок? Никуда не выходи, сейчас дома безопаснее всего. Повсюду зараза.

– Я в порядке, – отвечала поднявшаяся на мост дочь. – У тебя голос не очень, в нос говоришь. Я беспокоюсь.

– Совсем не беспокойся. Я холодного меду поел, вот отчего. У меня всегда так.

– Не налегай на сладкое.

Они сошли с моста, чуть спустя поднялись вновь.

– Смотрел новости, – сказал отец, – сегодня умерли двадцать четыре человека. Я так переживаю, родная, думаешь, мы железные... Времена плохие пошли. Никуда не выходи, ни с кем не встречайся.

– Ты тоже.

– Я ни с кем не вижусь. Береги себя – тогда и я буду здоров.

Под вечер предательский комочек без предупреждения захватил абсолютную власть ровно посередине легких, этих чудных дыхательных шаров, и следом в красноватом свете, мерцающем в тайных закоулках тела, началось охваченное паникой бегство. Охваченные паникой клетки не знали, что предпринять, схватив луки, копья, они бросались в разрозненную атаку и в этом переполохе порой уничтожали и своих. Не хватало воздуха. Стояла духота. Даже те, которых не стали изгонять из насиженных мест, выходили испуганно из своих комнат и, смешавшись с потоком красной реки, устремлялись за помощью в большие города – в сердце и мозг. Внутренние войска на глаза не попадались, комочек подкупил их загодя. Охрана крепости сдалась при первой же атаке. Случись такая катастрофа на виду у всех, тут же слетелись бы корреспонденты, отсняли бы всё и показали всему миру. Но всё это происходило под могущей всё стерпеть, скрывающей тяжкую работу красивой оболочкой – под человеческой кожей.

Ночью у младшего брата подскочила температура. Небольшой жар, он простыл, само пройдет. Утром он поднялся на мост как ни в чем не бывало: «Сегодня от болезни скончались девятнадцать человек, смертность немного сбавилась. У вас дома тепло? Как-нибудь проведай мать, может, ей чего-нибудь нужно, помощи. Береги себя, ты моя опора». Он попал в осаду словно сирень, пожираемая мхом. Ночью температура подскочила еще. Он начал дрожать под одеялом. Дрожал так, что стучали зубы. Что за дела? Что с ним? Погода какая-то странная. Днем темно, как вечером, ночью волны на море колыхнутся во мраке. Сухие ветки деревьев нагоняют ужас. Белоснежный песок, прежде сверкающий под его ногами, теперь от этой неугомонной дрожи почернел, отяжелел словно лесная почва. Дом, как и его хозяин, тоже при смерти, старые оконные рамы разошлись, в щели с воем задувает северный ветер. Но ведь тут в округе есть дома постарее.

Взять хоть трехэтажку по соседству. Всем своим видом она будто бы говорит: «Чего уставился? Ступай мимо». Иногда, пару-тройку раз в год сюда заходят маклеры, а рядом клиенты, но скоро уходят, и дом снова остается во власти насекомых. Здесь столько древесины, хватит набить животы всем сирым и убогим.

Утром снова пришли. Замочная скважина совсем заржавела. Маклер-ловкач в мгновение ока перепрыгнул через забор, чуть спустя старые ворота заскрипели, как древний предок пианино, чьи отзвуки доносились по соседству, и распахнулись перед визитерами. На сей раз клиенты – молодые мужчина и женщина.

– Добро пожаловать, гости дорогие, заходите. Это очень интересная дача. Видите тот сейф возле стены? Брежневский. В нем в свое время хранили важнейшие государственные документы. Каким-то образом он перешел из рук в руки и добрался досюда, – маклер открыл дверцу белого высокого железного шкафчика. Внутри лежали лопатка и грабли. – Давайте начнем со двора. Как видите, он не продолговат, не кривоват, это абсолютно четырехугольный земельный участок. Посмотрите на песок, как сливки. На некоторых дачах весь этот песок продан, ничего не осталось. Как вы сказали, дорогая моя? Да, да, продают и песок. Я уловил, что вы удивлены. Часто так случается. Хозяин богатой дачи дает деньги хозяину бедной и велит тому не мешать. Затем приводит трактор и увозит на свою дачу весь песок. Это лечебный песок. Панацея от тысячи хворей. Как вы сказали, дорогой мой? Верно, верно, деревьев тут не много. Но, знаете ли, некому было за ними ухаживать. За садом следить надо. Тем не менее, взгляните на инжирное дерево, под ним полно плодов, опали еще с лета, да так и засохли, а собрать некому. Виноград тут тоже есть. Летом я приводил сюда одного клиента, тогда и сорвал гроздь белого шаны, кожура тонкая, а сам виноград сладкий-пресладкий. Тут разные фруктовые деревья. Есть тут. Есть гранат. Абрикос. Иннаб. Просто ухода не было, вот они и не разрослись. Дай Бог, когда вы сюда переедете, устройте прямо тут, где мы стоим, красивую беседку. Сегодня пасмурно, но посмотрите-ка туда, там всегда солнечно, отличное место для

бассейна. Ладно, как скажете, перейдем в сам дом. Нет, обувь не снимайте. – Когда они вошли в дом, внутрь белого высокого железного шкафчика пробрался пухленький ежик. – Говорите, двери и окна узкие? Согласен. Но всё это можно по нынешней моде расширить. Знаете, не в обиду сказано, весь ум клиента сосредоточен в глазах. Сочтет, что это красиво, так и влюбится. Клиент фантазию иметь должен, чтоб загодя видеть дом отремонтированным. Дом трехэтажный, с цоколем. Как? Конечно, море видно. Вообще, эта дача на возвышенности, тут можно дышать в полную грудь. Поднимемся, сами увидите. Отсюда шикарный вид. Осторожно, да, лестница скрипучая, да и то оттого, что дом пустовал. Было бы желание – всё можно устроить. Это второй этаж. Просторные комнаты с высоким потолком. Как вы сказали, дорогая? Да, на каждом этаже санузел. Так, раздвинем занавески. А вот и море. С третьего этажа просматривается даже пляж. Море понравилось? Отлично, переезжайте и наслаждайтесь видом. Как говорил Робинзон? Показывают кино, снова о море. Три? Там вроде чердака. Изнутри туда лестница не ведет, только снаружи. Окна выходят во все стороны, как на безумный гилавар, так и на сумасшедший хазри. Колодец? Конечно, есть, покажу, когда спустимся. Прошу, проходите первой. Нужен основательный ремонт? Скажу вам так, мы не можем усидеть на месте без всей этой возни с ремонтом. Любим, любим строить, особенно перестраивать. Ей-богу, можно жить и так. Это ведь дача, а не городская квартира. Видите? Сказали это одновременно, значит, так и есть. Можно жить и так. Соседи – тихие интеллигентные люди, одна соседка – учительница музыки, другой сосед – бакинец, местный. Почему продает? Знаете, хозяин – человек уже старый. Врач, все его дела в городе, говорит, всё равно ведь не успеваем приехать, следить. У него два сына. У каждого своя семья. Говорит, знаю, всё равно после меня продадут, чего тогда тянуть, сам продам и поделю между ними. Колодец? И вправду, хорошо, что напомнили, вот и колодец. Этому колодцу цены нет. То есть мне добавить нечего, дом сам за себя говорит. Вещи? Всё оставляет. Всё, что вы тут видите, остается. Кровать, холодильник, стол, мангал, самовар... Если решите купить, он заберет только тот брежневский сейф. Выход к морю? Пять минут пешочком. Дай Бог, если соберетесь покупать, я покажу, где тут дают хорошую рыбу. Как я узнал, что вы любите рыбу? А-ха-ха-ха. Минуточку, извиняюсь, забыл, двери и окна не запер, сейчас закрою и вернусь, – после этих слов маклер поднялся вверх, запер двери, закрыл окна, крепко захлопнул дверцу белого железного шкафчика во дворе. Потом все трое ушли.

– А как называется эта улица? – пропищала молодая женщина.

– Моя дорогая, у этой улицы нет названия, – сказал маклер, затворяя ворота. – Это в городе повсюду так. На дачных участках не каждая дорога – это улица. Здесь есть названия у нескольких главных улиц, близких к трассе. А всё остальное – такие вот тропинки вдоль дач. Без названий.

– Но ведь на стене написано: улица Ульви? Вот, взгляните.

– Ах-хах-хах. А это, знаете, тут был один сумасшедший, ходил-бродил вокруг с ведром кира. Писал на стенах всё, что взбрело на ум. Улица Ульви, улица Зейнаб...

Все трое засмеялись. Звук шагов отдалялся, становился глуше. Ежу пришлось остаться внутри белого железного шкафчика. Теперь у ежа только один путь к спасению. Он выберется, если мужчина с женщиной купят эту дачу. В противном случае придется всю зиму провести за закрытой дверцей без еды и воды. Да, он сбросит лишний вес, но потом организм начнет истощаться, и, в конце концов, от ежа останутся только игольчатая кожа да лапки.

Маклер попрощался с парой на развилке и отправился к себе. Мужчина с женщиной направились к трассе.

– Интересно, если покупаешь землю, то, что под ней, тоже достается тебе? То есть длинный туннель вплоть до земного ядра тоже твой или только поверхность участка? – склонила к шее голову мечтательная женщина.

– В некоторых странах есть закон, – начал говорить умными словами мужчина, – всё, что глубже двух метров, принадлежит королеве. А в других, всё, что найдешь, – золото, нефть, – твое.

– Я не об этом. Я имею в виду червяков, минералы, грунтовые воды...

Когда они добрались до трассы, облака рассеялись. Солнце сияло посреди темно-синего неба, на какой-то миг дачи, дома, люди погрузились в свет словно в самый ослепительный летний день.

– Может, вернемся туда? Что скажешь? – многозначительно улыбнулся мужчина, глядя на спутницу.

В такую обманчивую теплынь ум за разум заходит, делаешь то, о чем потом сожалеешь.

Нармин Кямал (Фараджуллаева) – писатель и преподаватель философии. Автор изданных в Баку трех книг: «Об Умберто Эко и философии постмодерна», романа «Открой, это я» и сборника эссе «Прохожий». В настоящее время работает над своим следующим романом и сборником рассказов. Старший преподаватель философии (история философии, философия сознания, формальная логика) в частном университете в Баку. Статьи публиковались в The New York Times, Qantara.de, The Calvert Journal, The Bosphorus Review of Books, Всемирной службе Би-би-си/Азербайджан, Азербайджанской службе Радио Свободная Европа/Радио Свобода и других изданиях. Нармин Кямал получила 1-е место на конкурсе «Лучший рассказ», Баку, 2022 г.

САМИРА АШРАФ

Сатурация

Я проснулась от боли в спине. Убрала в сторону трубку телефона, которая со вчерашней ночи валялась в постели. Последние анализы мамы добились меня, я потеряла всю надежду. Светало. Я должна прожить еще один день на фоне беспокойных вестей в связи с мамой. Мои брат и сестра, все наши родственники молились за нее, в то время как она сражалась в реанимации не на жизнь, а на смерть. Только я за-была вознести молитвы. Уже долгие годы я не могла молиться. Даже времени на это не находила. Но всё же я молилась бы, если в душе возникла бы такая потребность. Я вспоминала бога только в самые тяжелые моменты. Я еще не вполне понимала, что мама больна и сражается со смертью. Уже шестнадцать дней, как вся моя и так беспокойная жизнь шла наперекосяк, все дни и недели проходили за беседой с врачами, медсестрами, с которыми я обменивалась словами: сатурация, пульс, давление, интубация, кислородная подпитка. Я взяла телефон и упавшую на пол записную книжку, прошла в другую комнату. На часах семь утра. Набрала номер, который запомнила наизусть несколько дней назад. В трубке послышался уже знакомый голос оператора, а затем порядком надоевшая мне за все эти дни мелодия. Я не могла определить, чья это вещь, какого композитора. Через минуту мелодия оборвалась.

– Алло, – сказала девушка из приемной.

– Здравствуйте! Сообщите, пожалуйста, результаты анализов Халиловой Рафиги...

Голос на том конце провода пропал. Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь... На седьмую секунду ожидания мне ответили:

– Кем вы приходитеесь пациентке?

Вот и всё. Пауза длиной в семь секунд, а затем вопрос! Что-то не так. Совсем. Что-то случилось. Умерла? Нееет! Не может быть! Но почему? Не знаю...

– Я ее дочь.

Снова пауза. На сей раз покороче. Раз, два, три...

– Рафига ханым скончалась. Соболезную.

Я вешаю трубку, сажусь. От тишины в комнате закладывает уши. Не плачу. Я спокойна. Но внутри все кипит от сотен вопросов.

Всю жизнь ты в страхе ждала этой вести. Вот и услышала. Это и случилось. Дальше уж некуда. Рано или поздно ты всё равно услышала бы эти слова.

Мне вспоминаются перебранки с мамой:

– Если сляжешь больной, я за тобой присматривать не стану.

– Не приведи Господь, – говорит она со слезами в голосе. – Дай мне Бог легкой и быстрой смерти.

Вот и исполнилась ее мечта. Этой ночью ее не стало. Хотя всё произошло не за одну ночь, она готова была уйти уже шестнадцать ночей. Ее держали тут только прикрепленные к груди, ко рту, ноздрям аппараты, острые иглы, пронзившие вены на руках. Я рассержена на врача. Я попросила его сделать последнюю фотографию мамы, ведь я ее не видела целыми днями. Но он ничего не прислал. Испугался, но сказал, что, если с вашей мамой что-нибудь случится, это плохо на вас скажется.

Теперь надо всех обзвонить. Сообщить брату, сестре, тете, дядьям... Это не так уж сложно. Звонок ранним утром не к добру. Родственники, которые напряженно ждут исхода, и так всё поймут. Кажется, целую минуту я не издавала ни звука. Хотя потом сын сказал мне, что я простояла неподвижно минут пять, уставившись в одну точку. Я встала и прошла в другую комнату. Позвонила ему по мобильному и сказала: «Иди домой». «Ладно», – ответил он односложно. Будто только и ждал моего звонка и сдавленно произнесенных слов.

Я хотела выйти на балкон и тут увидела, что всё это время сын находился рядом словно призрачная тень. С той самой минуты, как я получила весть о маминой смерти. Может, именно поэтому я и не смогла заплакать? Он тоже хочет выйти со мной на балкон. Я отталкиваю его плечом и прикрикиваю:

– Уйди! Дай мне побыть одной. Даже поплакать мне не даете. Когда захватили Джебраил, тоже не дали поплакать!

Господи, откуда мне вспомнился Джебраил среди всей этой суматохи?

Выхожу на балкон. По бульвару прогуливаются редкие прохожие. Два рыбака, закинув сеть, молчаливо ждут. Дует ветерок, солнце скрывается за облаками. Подметающая двор женщина, как обычно прикрыв рот и нос платком, азартно взялась за работу. На ней моя кофта, которая неделю назад сорвалась с бельевой веревки. Хотя пару дней назад я спрашивала у нее, не видела ли она кофточку.

– Тетя Сугра, может, вы видели мою кофту, когда подметали во дворе?

– Нет, нет, что ты? Ничего я не видела.

Она хуже меня, и потому, правду говоря, кофточка ей подходит больше, чем мне. Возвращаюсь в комнату. Уже и дочь проснулась. Смотрит на меня осоловело. Я одеваюсь и ложусь в постель. Вот так вот лежа набираю номер нашей невестки. Я помню, как она выкрикнула «Вааай!!» Затем звоню мужу сестры. Он пытается подавить страх и ужас в голосе.

– Подожди, постой, она все услышала, – говорит он и бросает трубку.

Я даю отбой, слышав сестру.

– Она в тяжелом состоянии, привезут домой, – вру я тете.

Та захлебывается в рыданиях. Вешает трубку.

Не помню, кому еще звонила после. Такое ощущение, будто в комнате есть еще кто-то, кроме меня. Говорю, молчу, неотрывно смотрю в какую-то точку на потолке, на стене. А он слушает, наблюдает, пробует найти выход из ситуации.

Звоню маминому врачу, медсестре, которой названивала каждый божий день. Ни он, ни она не отвечают. «Всё знают», – мелькает у меня в голове. Ведь они каждый день сообщали мне, что мама при смерти:

- Жаль, вот если бы мы узнали до интубации...
- Раз уж сюда попал, выбраться очень сложно...
- У вашей мамы почти нет шансов...

Я сообщаю весть коллегам по работе. В 8 часов утра весть разлетается по всем родственникам, друзьям и товарищам.

Такси-развалюха плетется, как калека. Почему я не могу взять и добраться до этого проклятого модуля... Я начинаю ругаться с мужем:

– Надо было брать исправную машину. На этой колымаге мы доберемся часов через пять. Вот если б у тебя умер отец, ты не стал бы так медлить!

– Тебе так кажется, мы едем со скоростью 120 километров в час, – отвечает он сдержанно.

Та же дорога. Ничего не изменилось. Я ехала этой же дорогой одиннадцать лет назад, когда скончался отец (да, скончался, это слово звучит лучше). Тогда я тоже сидела на заднем сиденье справа. Тогда я тоже не плакала. Что за толстокожесть? Родная мать шестнадцать дней пролежала в больнице, десять дней в коме, умирала в мучениях, а ты даже слезинку не уронила!

Мы доехали до Зыха, до больницы модульного типа, сошли, и тут ветер обсыпал наши головы желтым-прежелтым песком. Я вижу покрасневшие глаза брата. Он хмурится. Напустил на лицо грозный вид, чтобы не расплакаться. Я говорю с родственниками. Даю советы:

– Сходите на кладбище, решите вопрос о могиле. А мы заберем мамино тело.

Мамино тело? Я вздрагиваю от своих же слов, своего же голоса. На мне серое пальто, на голове темно-пурпурный платок, волосы растрепаны – я напоминаю маму. Помню, мама поступала точно так же, когда уходили ее сестры и братья. Выплакавшись, облегчив душу, она бралась за работу, делала всё от нее зависящее, чтобы поминки прошли достойно. Голову всегда покрывала платком. Когда тот спадал на плечи, она возвращала его на место.

Смотрю на себя со стороны. Начинаю непроизвольно вспоминать. Издали, из разинской толкучки приближается мама с двумя тяжелыми сумками. Меня чуть ли не молния бьет! Ведь это случилось так давно. Я была еще ребенком. Мне только исполнилось шестнадцать. Когда та женщина, мама, незаметно для меня приближалась ко мне, я, переговариваясь и смеясь, шла домой вместе с сокурсницами – жителями столицы. Сумки в руках у матери, торгующей на базаре, задели бы мою гордость. Сокурсницам не следовало знать, что я дочь торговли. Завидев маму, я тут же попрощалась с девочками и чуть ли не побежала прочь. Села на маршрутку, проехала одну остановку и тут на глаза навернулись слезы. Я знаю, почему мама таскает эти сумки, какие лишения терпит после того, как мы стали беженцами. Не дожидаясь следующей остановки, я сошла на полпути. Я пришла туда, где сбежала от мамы. Обошла всё вокруг, искала ее повсюду. Даже пошла к торговкам, которым она сдавала товар. Но ее нигде не было. Исчезла. Вернувшись домой, я увидела ее возле печки, она заваривала чай. Добралась до дома раньше меня. Тяжелые сумки лежали у порога. Но, ей-богу, это случилось давно, совсем давно. Откуда всё это вспомнилось? Всё так живо встало перед глазами.

У железных ворот модуля нас встречают двое военных:

– Тела сдают чуть поодаль, у последней двери.

Мы решительно прошагали к машине, сели и поехали туда, куда нам указали. Большая территория. Грохочет бетономешалка. Вокруг много бумажных мешков из-под цемента.

К нам подходит охранник:

– В эту ночь умерли пять больных. Скоро всех их повезут в сабунчинский морг. Черные автомобили. Подождите, подойдете к той машине, на которой повезут вашу покойницу.

Ветер снова вздымает пыль. Засохшие кусты на этой равнине сжимаются и разжимаются от ветра, как ежи. Краешек моей маски впивается в нос. Болит голова, горят глаза. Смотрю на телефон. Набралось сообщений по ватсапу. Как все узнали? Захожу на сайт: дали информацию и соболезнование. Значит, вот как все узнали.

Проходит полчаса. Вдали показываются две машины. Мы тут же кидаемся вперед. Он подходит к водителям, спрашивает. Они о чем-то переговариваются. Затем он идет ко мне.

– Везут в морг. Если не будешь буяннить, поедем. Ты вот на той машине, а я на другой. Вообще-то родственникам не разрешается садиться в эти машины, но водитель согласился.

Я послушно сажусь возле водителя. Боюсь оборачиваться назад. Заросший бородой парень лет тридцати смотрит на нас с сожалением.

– Ханым, если будете вести себя тихо, поедем. Если устроите шумиху, у нас возникнут серьезные проблемы.

– Не волнуйтесь.

Мой ледяной тон пугает даже меня саму.

Сейчас всё тихо. У этого парня тоже много своих хлопот. Слезы вместе со всей накопившейся усталостью текут по щекам. Маска становится мокрой. На полпути я оборачиваюсь назад и смотрю на тело, покачивающееся под целлофаном с застежкой. Мама не была такой полной.

– Вы родом из Карабаха?

– Да, – тихо отвечаю я.

– Я из Агдама.

– Откуда вы узнали, что я из Карабаха?

– Из документов покойной...

Он протягивает мне бумаги, лежавшие перед лобовым стеклом. Одна из бумаг – эпикриз мамы. Другая бумага принадлежит другой женщине, старше мамы на три года.

– В машине два тела? – спрашиваю я у водителя.

Он кивает в знак согласия. Я еще раз оборачиваюсь назад. На сей раз чуть ли не приподнимаюсь с места. За моим сиденьем есть еще один целлофан с застежкой. Это мама!

Это ее формы. Тело не рыхлое, плотное, не подрагивает. Это обессиленное, уставшее тело – мамино. Это тело мамы, которая целых шестнадцать дней мучительно умирала...

Моя маска становится еще влажней.

Мы сдаем ее в морг. Я отправляюсь в ее квартиру. Сообщаю таксисту свой адрес. Когда мы доезжаем до метро «Сахиль», звонит он.

– Где ты?

– Доезжаю до метро «Сахиль».

– Что ты там потеряла?

– Еду домой взять ковер и шелковую накидку.

– Передай телефон водителю.

Они о чем-то переговариваются. Водитель меняет маршрут. Во дворе маминого дома стоит машина скорой помощи. Еще не переступая порога, на лестничной площадке слышу вопли сестры. Медсестра и врач проходят мимо, недовольно покачивая головой. Как только я захожу, сестра бросает на пол ватку с руки и бросается на меня.

– Чтоб вы с Ниджатом сдохли! Вы же говорили, всё образуется! Ты же говорила, она выберется! Чтоб вы сдохли! Зачем вы ее туда отвезли?

Родственники берут ее под руки и хотят уложить на диване. Она выскальзывает из рук и бессильно падает на мамину постель, пустую шестнадцать дней.

– Нет ее в этой кровати! Уже шестнадцать дней ее здесь нет!

Я подхожу к ней. Ее ярость отталкивает меня. Я пробую еще несколько раз. Глажу ее по жестким от окрашивания волосам. Рука касается лица. Рука ощущает только-только появившиеся после лазера волоски. Все вокруг сделали лазерную эпиляцию, кроме меня.

– Послушай! Успокойся! Я отвезу тебя в морг. Попрощаешься с ней. Если будешь буянить, не отвезу.

– Поедем, поедем, – говорит она и встает. Ищет свою долгополую куртку.

Родственники переглядываются.

– Куда ты ее везешь, она устроит там концерт, – говорит тетя.

И вправду, откуда это взбрело мне в голову? Она успокоилась, и это придает мне сил.

– Послушай, будешь вести себя тихо. Если нет, нам ее не выдадут. Отложат на завтра. А, может, еще на один день...

Она молчит. Открывает дверь и сбегает по лестнице.

Спустя два часа всё подходит к концу. Во двор заезжает черный автомобиль. Мулла читает Коран. Люди стоят гурьбой и плачут. Берут носилки с ее телом. Вот и конец.

Всё. Ушла. Больше не вернется. Больше не сядет на эти вот скамейки. Не станет, грызя семечки, переговариваться с соседками. Не станет, заботясь о нас, провозжать внуков во двор. Не станет смотреть вдаль и сожалеть, что судьба не сложилась, сожалеть, что ей выпали все эти лишения.

...Чуть склонив голову вправо, смотрит на нас с фотографии. А рядом с ней смотрит отец. Прошло сорок дней, но всё так же холодно, как в тот самый день. Все плачут, обнимая надгробье. Только я недотепа стою с краю. В том же самом сером пальто, с темно-синим бархатным платком на голове. Похожая на маму. Сейчас похожа на нее еще больше. Взгляд цепляется за бородавку на носу тетиного мужа. Ее муж – часовщик – долгие годы ведет борьбу с этой бородавкой. Два раза вырезал у хирурга, несколько раз удалял сам с помощью нитки. Но бородавка выскочила снова. Как кочан капусты.

– На кого ты нас покинула, как ты могла оставить нас и своих детей?

Я вздрагиваю от причитаний тети. Отвожу взгляд от носа ее мужа. Как только мулла дочитывает Йасин, мы уходим. Первой кладбище покидаю я. Мне холодно, бегу в машину. Добежав до дверцы оглядываюсь назад. Она, чуть склонив голову набок, смотрит на меня среди могил.

Ухожу. Я должна. Миссия моя окончена. А дальше – одна пустота. Сама знаешь. Как я могу вымалывать что-то от камней и мрамора, как могу просить у сырой земли вернуть тебя обратно? Не смотри на меня так. Как ты высмотрела меня на таком расстоянии, среди всех этих могил?

Молчит. Смотрит, жалобно склонив голову. Сажусь в машину. Брат заводит мотор. На лобовое стекло накапывает мелкий дождь. И на ее фотографию тоже. Дождь накапывает сильнее, плотно заштриховывая мамину фотографию.

Июнь 2021г.

День окончания войны

Я всё бежала и бежала по гладкой, как стекло, заасфальтированной дороге. И сама не знала, куда бегу. Я отчетливо, как собственное сердцебиение, слышала шелест листьев ив, раскинувшихся на обочине. Прохладный ветерок, дующий мне в лицо, остужал мой пыл, но стекающий со лба теплый пот катился вниз по шее, и мне становилось зябко.

Для чего, для кого этот непрерывный бег? Может, я должна быстро добежать до какого-либо пристанища? Продолжая бежать, я ворошила самые отдаленные закоулки памяти. Получила ли я перед тем, как бежать, весть о чьей-либо смерти? Нет! Ничего такого не помню. Будь что-нибудь в этом роде, я обязательно вспомнила бы. В таком случае, к чему эта паника, этот переполох? Может, я позабыла дома что-то важное, а теперь беспокоилась, что следует вернуться и забрать это.

Дороги казались знакомыми. Но это было такое старое, такое древнее знакомство, что с того момента миновало чуть ли не двадцать лет. В таком случае, какой смысл возвращаться на двадцать лет назад и бежать без остановки?! Может, может, я бежала к нему. Может, он дожидался меня где-то совсем далеко, там, где эта дорога подходит к концу? В солдатской форме, с автоматом на плече, с соломинкой в углу рта...

Страх, что я не узнаю его спустя всё это время, вмиг охватил всё мое существо. С тех самых пор миновало двадцать лет. Наверно, он сейчас постарел. Опали плечи, поседели и поредели курчавые густые волосы, лицо покрыли морщины, зубы пожелтели от сигарет. Наверно, изменилось, постарело и его пропахшее травинками дыхание, которое я в последний раз ощутила на своем лице.

Каждый раз, когда я об этом думала, остюковые заросли на поле выше деревни начисто испарялись словно дождевая вода, и начинались боли в дальних закоулках сердца.

Дорога не подходила к концу, но вдруг пропали растущие на обочине ивы. Я осталась одна-одинешенька на равнине.

Я где-то читала, что деревья, как люди. В тяжелую минуту можно на них положить. Кажется, всё это время я утешалась этой надеждой. Я бежала, что есть мочи потому, что думала: на этом пути деревья сопровождают меня, как верные друзья. А теперь их не стало. Лучи солнца, раздвинувшего покрывало небес и осветившего всё пространство, вонзались мне в глаза и причиняли муку. Я пробовала, но не могла спастись от этих лучей. Я изо всех сил прижала ладони к глазам. В сознании вспышкой боли промелькнула мысль: я и на этот раз не смогла добежать до него, на этот раз не смогла из-за солнца...

...Когда я открыла глаза, стрелки на часах спешили показать девять ровно. Я была вся в поту. Будто бежала не во сне, а прямо в постели.

Я снова видела его во сне. Точнее, не его самого, а воспоминание о нем. Ну и ну. Все остальные видят во сне любимого, а я – воспоминание о нем. Бабушка говорила, если человеку приснился покойник, но его не видно, значит, он обижен на сновидца. Ну как можно обижаться на тринадцатилетнюю девочку? Любая девушка того возраста поступила точно так же, как и я.

Я совсем голову потеряла. Ведь он не мертв. Тогда почему я вспоминаю его как покойника? Наверное, все эти двадцать лет я так долго его искала, что наконец устала и бессознательно определила его как уже мертвого. Наверное. Или же, будучи ребенком, предельно всерьез восприняла бабушкины слова.

Мама рассказывала, что, когда я родилась, бабушка пришла в роддом два дня спустя. Она вошла в мамину палату, взяла чистое полотенце, расстелила на сиденье стула, затем несколько раз совершила салават и только потом села на стул:

– Не обижайся, невестка. Тут всё нечистое. Я перед тем, как выйти из дому, совершила омовение.

Затем старуха взяла меня на руки и внимательно посмотрела в лицо:

– Не самая красивая девочка, но очень белая, как снег. Назовём ее Гейчяк.

С того самого дня мое имя Гейчяк. Бабушка недолюбливала маму, но, как и все бабушки, любила меня. Потом я узнала, что именем Гейчяк звали ее невероятно красивую старшую сестру, утонувшую в канале совсем юной.

Совру, если скажу, что позабыла Эльшада.

Но в последние годы, в отличие от прежних лет, я не думаю о нем беспрерывно. Я часто думала о нем до того, как вышла замуж за ныне покойного своего мужа. Я создала семью, рутина, дела, заботы отвлекали меня. Потом мой муж погиб в автокатастрофе, не оставив после себя наследника.

За эти пять лет, что я жила в одиночестве, я порой вспоминала Эльшада, вдобавок упрекала его. Почему же он не отыскивал меня? Говорил же: «Малышка, дождись меня, я отыщу тебя, где б ты ни находилась. Смотри у меня, ни за кого замуж не иди!»

Потом я стала забывать Эльшада. Раз в два-три года мимолетно видела во сне. Да и то издали, как призрачную тень...

Я была мелкой, худышкой, потому меня отдали в школу на год позже. Когда мои ровесники перешли в восьмой, я перешла в седьмой.

Мне было тринадцать, когда я впервые увидела Эльшада. Я только-только начинала становиться девушкой. Я узнала его, когда оканчивала седьмой, он учился в десятом. Высокий, худой, курчавый, смуглый парень. С блестящими зрачками, умеющими смотреть пронзительно.

Поначалу он шел за мной украдкой, а потом в открытую. Я выходила с уроков и шла домой, он шел следом, когда мы таким вот образом доходили до моего дома, он скрывался за деревом и выжидал. Как только я, открыв калитку, входила во двор, он либо уходил, либо под каким-либо предлогом наведывался к своему однокласснику Чингизу, живущему напротив нас.

Однажды, поднимаясь по холмику, ведущему к дому, я ощутила за спиной его теплое дыхание. Знала, если обернусь, встречу с ним глаза в глаза. Боялась. Больше всего боялась, что он меня поцелует. До тех пор никто меня никогда не целовал.

Мы добрались до подъема, и тут он схватил меня за руку. Я обернулась и взглянула ему в лицо. Кажется, он подвыпил. В тот день у них прозвенел последний звонок. Он становился выпускником. А я, если б не армяне, еще три года должна была топтать в эту школу. Эльшад заскользил рукой вниз и задержался на моем запястье. Затем о чем-то задумался и тут же выпустил мою руку:

– Малышка, начинается война... Наверно, через пару месяцев армяне доберутся и до этих краев.

– Досюда добраться не смогут, – сказала я с детской наивностью, – наши горы очень высоко.

Он улыбнулся и покачал головой:

– Смотри у меня, если начнется война, дождись меня. Ни за кого другого не выходи. Я вернусь после войны и сам не тебе женюсь.

– Чего? Сдурел, что ли? Пьяница, – сказала я и ушла.

Я впервые слышала о замужестве, о том, что меня хотят взять в жены. Вдобавок Эльшад сказал это настолько прямо и без прикрас, что это немного задело меня.

Затем начались летние каникулы. Эльшад каждый день приходил в наш квартал, беседовал с парнями по соседству, поглядывал украдкой в нашу сторону. А я смотрела на него, взиравшись на набитый опалью жестяной мусорный бачок возле стены. Чуть спустя брат, кажется, что-то заподозрил. Как только видел, что я смотрю через забор, прикидывал и заставлял слезть.

Стояла середина июля. Эльшад не появлялся больше недели. Я не смогла бы что-нибудь разузнать о нем. Ведь мы жили в районе. Попробуй я спросить, мне житья бы не дали.

Меня охватила такая сильная тоска по нему. Всем своим детским разумением я мечтала, порывалась увидеть его.

Однажды под вечер ко мне подошел наш сосед Чингиз:

– Малышка, знаешь, твой смуглец отправляется на войну. А через неделю отправят и нас.

Чингиз впервые говорил со мной столь откровенно. Он никогда не заводил со мной речь об Эльшаде. А сейчас меня немного задело, что он говорит со мной без утайки.

– Этот смуглец меня вовсе не интересует, – не стала я подавать вида. – Пускай идет, куда хочет. Ему решать.

– Хватит, ты взрослая девушка, – иронично улыбнулся Чингиз. – Хватит кокетничать. Говорю тебе, он отправляется солдатом на войну, а ты околесицу несешь. – После небольшой паузы он добавил: – Завтра на рассвете выйди во двор. Он придет с тобой попрощаться.

В ту ночь я не спала до самого утра. Как только рассвело, умылась холодной водой и вышла во двор. Всё вокруг погрузилось в глубокий сон. Эльшад дожидался меня, стоя за маленьким деревцем. В солдатской форме. Как всегда, жевал в уголке рта соломинку. Я отворила калитку и тихонько вышла на улицу. Его лицо озарилось теплой улыбкой, как только он меня увидел. Будто ласковый ветерок прошелся по былинкам. У меня затрепетало сердце. Я приблизилась. Он взял меня не за руку, а за запястье, и потянул к себе. Внимательно взглянул мне в лицо: «Да, малышка, отправляюсь. Не выпала возможность подать документы в институт. Но ничего страшного, я вернусь в день окончания войны».

Он говорил, а мне становилось всё грустнее и грустнее. Как только он сказал, что вернется, я заплакала. У него с лица пропала улыбка, когда он увидел слезы, скатывающиеся по моим щекам. Погладил меня по голове и взял в ладони мое лицо. Я ощутила его горячее, пропахшее травинками дыхание. Поняв, чего он хочет, рванулась из объятий, как дикая кошка. Он расстроился, но всё-таки улыбнулся. Не обиделся... Но ни он, ни я не знали, что я долгие годы буду нести в сердце боль оттого, что отказала в одном-единственном поцелуе. Ведь на некоторые раны не стоит лить бальзам.

– Скоро здесь будут идти ожесточенные бои, – сказал он как ни в чем не бывало. – Все покинули район, уезжайте и вы. Обязательно отправляйся к родственникам в Баку. Но не плачь. Обещаю отыскать тебя даже в Баку. Только дождись меня. Смотри у меня, ни за кого замуж не выходи. Не то вернусь и убью и тебя, и того парня.

Больше Эльшада я не видела. После оккупации мы прожили в Баку пять-шесть месяцев. Затем отец начал торговать. Однажды забрал нас с собой в Турцию. Я вместе с семьей прожила в Турции ровно двенадцать лет. Там и училась, там и работала, там и вышла замуж. После того, как отец разорился, наша семья вернулась в Баку. Всё это время я искала Эльшада только и только в своей душе. Не было рядом ни одного знакомого человека из района, от которого я могла бы получить весточку о нем. После возвращения в Баку не раз и не два пробовала отыскать его по интернету. Но все попытки заканчивались неудачно. Вдобавок прошло ведь столько лет. Эльшад либо погиб на войне, либо давно создал семью и занимался ее заботами.

В последние годы я не вспоминала Эльшада столь часто и глубоко. Сейчас перед глазами проходило каждое связанное с ним мгновение. Его горячее дыхание, что я ощутила у себя на шее, поднимаясь по холмику. Те самые теплые и искренние слова, что он сказал в последнюю встречу. Всё это будто относилось не к той прежней жизни, а ко вчерашнему дню, сегодняшнему, к минувшему только что часу. Что заставляло меня непрерывно вспоминать его? Увиденный под утро сон?

Сны, связанные с собой, всегда оборачивались явью. Но не сны с Эльшадом. Ни один сон не дал нам встретиться. Да что там встреча, мои сны за последние двадцать лет не стали вестником того мига, который принес бы хоть какую весточку о нем.

Я налила себе чаю в кухне и прошла в гостиную. Взяла пульт и включила телевизор, чтобы нарушить тишину квартиры, к которой давно уже привыкла. Дикторша сообщала зрителям кровавые новости с фронта. В Тертере и Газахе шли кровопролитные бои. Обе стороны несли потери. Наша сторона потеряла двенадцать шехидов. На экране показывали фотографии всех двенадцати. Все молодые и симпатичны. Теперь они обречены покоиться в сырой земле вместе со столькими своими светлыми мечтами. Среди них один постарше. Лет под сорок, плотного телосложения, бородатый. Светлый взгляд смягчал серьезное выражение бородатого лица, и потому пропадал весь страх перед этим человеком. Он так воинственно сжимал автомат в руках, будто хотел пронзить им экран и выпалить зрителям: «Чего стоите, берите это оружие, пойдем освобождать наши земли».

Как только новости закончились, я выключила телевизор и вышла из комнаты. Подумала про себя: если начнется война, наверное, я осуществлю давнюю мечту. Возьму и отправлюсь на фронт. Нет у меня ни мужа, ни ребенка, которые могли бы удерживать меня здесь.

Я расстроилась, глядя на фотографии двенадцати этих шехидов. Не ощущала никакого голода, чтоб позавтракать. Потеряла весь аппетит, весь душевный настрой. Двух пилотов сбили прямо в воздухе. Одни пали во время переброски снарядов, другие отдавая команды. Последний, взрослый шехид был военным. Его жизнь прошла в окопах, в ущельях, рядом со снарядами. Наверное, он мог проводить родных и близких, свою семью, свою женщину лишь раз в месяц. Сегодня его безжизненное тело окажется в родном доме лишь на день и в последний раз. Последний шехид. Тот, кто шел под священным числом двенадцать...

Вдруг меня чуть ли не молния сразила. Я вздрогнула от своего же крика. Бегом вбежала в гостиную и бросилась на диван. Схватила пульт, включила телевизор. Это был он! Эльшад! Это его глаза, его взгляд. Я не могла ошибаться.

Я прошла по всем каналам. Отовсюду слышались яростные слова. Я задержалась на канале с новостями. Эфир начался только что. Дикторша повторила новость о военных событиях и упомянула о двенадцати шехидах. Затем на экране появилось табло с именами павших.

Из глаз моих дождем полились слезы. Нет, я не ошиблась. И это не наваждение. Его имя и фамилия вонзались мне в сердце словно осколки разорвавшего снаряда.

Гулиев Эльшад Атахан оглу, 1977-й год.

Шукюрова Самира Ашраф гызы родилась 5 октября 1980 года в Джебраильском районе. В 1992-1996 годах училась на юридическом факультете Бакинского экономического колледжа, а в 1997-2001 годах – на юридическом факультете Азербайджанского международного университета. С 2010 года публикует статьи и колонки в периодических изданиях, литературных газетах и журналах, на сайтах под именем Самира Ашраф. Имеет многолетнее сотрудничество с газетой «Адалят» и «Литературной газетой». В настоящее время является редактором культурного портала Kulis.az. В 2012 году за рассказ «Уродец» Самира Ашраф была удостоена первого места в номинации «Лучший рассказ» на 4-м Национальном литературном конкурсе имени Насими. В 2019 году в серии изданий «Литературной газеты» вышла книга «Четвертая стена», а в 2022 году – книга рассказов «Роза для меня». В книгу вошли 12 рассказов, написанных писательницей в разные годы. В рассказах в основном повествуется о моральных ударах и боли, которые нанесла людям Первая Карабахская война.

ЗЕМФИРА МАГЕРРАМЛИ

О РОМАНЕ ВЮСАЛА НУРУ «ГАРАГАШЛЫ»

На долю нашего поколения выпало немало трудностей, бед и мучений. На протяжении тридцати лет часть нашей Родины находилась под оккупацией, гусеницы вражеских танков корежили наши богатые плодородные земли, опустошены зеленые сады и поля, земля позабыла о своем былом величии, о славных мирных днях.

I Карабахская война. Воздух был пропитан ненавистью людей, которых около ста лет назад наш народ приютил на своей земле и дал возможность жить в мире и уверенности в завтрашнем дне. Противостояние достигло апогея. Кровавая бойня, развязанная бывшими переселенцами против местного населения, увеличивалась с каждым днем. Количество замученных и расстрелянных людей исчислялось сотнями. Краса и гордость нашей Родины – венценосный Карабах – находился в когтях врага. Города и села подвергались грабежу, насилию и мародерству. Местное население спасалось бегством от зверств. Оказавшись в новой реальности, люди открыли для себя такое понятие, как «вынужденные переселенцы», причем на своей же земле.

Среди таких обездоленных оказалась и семья 12-летнего Вюсала. В современной литературе его имя уже стало известным. Вначале он полюбился читателям как автор стихов, а затем и прозы. Вюсалу пришлось пережить все ужасы войны, оставившие тяжелый след в его душе, он стал свидетелем многих человеческих трагедий, кровавых «разборок» оккупантов с местным населением, издевательствам непрощенных «гостей» над пленными. Позднее Вюсал Нуру, уроженец Карабаха (родился в городе Агдам в 1981 году), талантливый публицист, писатель и сценарист, с точностью описал все пережитое и увиденное в своих произведениях. Полностью уничтоженный врагом Агдам (в городе сохранилась только одна мечеть, минареты которой армяне использовали как смотровую площадку) считался опорой Карабаха. Армянские варвары потопили город в крови, но из последних сил Агдам отчаянно сопротивлялся захватчикам. Жителям пришлось покинуть свой родной город, они разлетелись по городам и весям страны. Оставшись наедине с врагом, город словно оплакивал свои потери и боль. Все это тяжким грузом легло на сердце Вюсала. Это были самые горькие воспоминания из детства. Роман «Гарагашлы», написанный им четыре года назад и изданный в период II Карабахской войны, передает дух того времени – и прежде всего смятение, растерянность и горечь разочарований в центральной власти, оставшейся безучастным к агрессии Армении против Азербайджана.

По мнению доктора филологических наук, известного критика Ирады Мусаевой, «жанр романа в период обострения общественно-политических, социальных противоречий, войн-революций, выходит из личной сферы и координирует с национальными, глобальными проблемами».

Авторский анализ конфликта в контексте «военной» составляющей и сравнение с реалиями сегодняшнего дня привлекают внимание читателя.

В начале романа повествуется о «Дагдагане» – горном дереве. Согласно поверью сельчан, дагдаган – очаг надежды, обладающий магической силой. Седовласые женщины, молодые матери и девушки «украшали» ветки священного дерева разноцветными головными платками, веря в то, что их желания когда-нибудь сбудутся.

Читая роман, вспоминаешь 90-е годы. Как бы воочию представляешь полные тревоги и страха будни местных жителей, подвергавшихся нападкам со стороны армянских террористов. Прозаик доподлинно описал морально-психологическое состояние людей, ставших беженцами на своей же земле.

В романе мы встречаем галерею совершенных образов. Суть событий здесь передается как диалогами, так и описанием со стороны автора. Наблюдая за мужеством горожан, с трудом раздобывших оружие и защищавших свои земли от захватчиков, буквально захватывает дух. Это не что иное, как народное противостояние злу. В своем романе прозаик показал достоверную картину борьбы карабахцев против оккупантов. В те годы Национальная армия только-только начинала формироваться. Герой романа, смелый Ибад, возглавил отряд добровольцев. Недовольные оккупацией земель агдамцы отчаянно сражаются с врагом, выводят из строя их боевую технику, уничтожают живую силу, отбирают военное снаряжение. Боевые успехи главного героя Ибада и его соратников читаются с интересом. Автор словно передает репортаж с поля боя и находится на передовой. Особенно впечатляет тот момент, когда Ибад ночью пересекает линию сопротивления – вражеские посты, уничтожает военную часть врага, участвует в партизанских вылазках. Писатель описывает период, когда по указанию проармянского Центра у азербайджанского населения насильно изымали охотничьи ружья. Наиболее интересный образ в романе – это мельник Мовсум-киши. Являясь символом мужественности, аксакал всегда помогает защитникам родной земли. Как зеницу ока, он бережет свою винтовку «Гарагашлы». И тот факт, что ее обнаружили в доме Аракела, которого он считал своим «другом», говорит о двуличности «братана-армянина». «Вернули самое дорогое», – сказал Ибад, передавая ружье отцу. У Мовсум-киши от волнения затряслись руки. Никогда ни перед кем не склонивший голову аксакал прослезился, но это были слезы радости. Так же, как и Мовсум-киши вернул себе свое ружье, так и наши воины, одержав победу, вернули нам наши исконные земли, избавив нас от синдрома «проигравших войну».

По словам критика Наргиз Джаббарлы, «в изображении реальных событий винтовка «Гарагашлы» становится символическим образом. Вначале потерянное, вернее – изъятое, а затем возвращенное ружье, становится символом вновь возродившейся силы в тот момент, когда Ибад начинает защищать свою Родину».

Нельзя без волнения читать некоторые эпизоды об освобождении пленниц, заточенных в монастыре Амарас, о переправке их в госпитали Агдама и Агджабеди. Роман, раскрывающий подлинное лицо пресловутых «лидеров» – Монте, Левона, Татоса, Мхитара, Аракела, выводит на чистую воду подлые намерения врагов. Сказавший «нет» оккупации, Ибад заявил: «Кто, кроме нас, защитит эту землю?.. Там страдают и умирают наши дети... Мы не имеем права на усталость...».

Эта мысль проходит красной нитью через весь роман.

Смешанные браки в период войны, этнические конфликты, беспомощность, напряженность передаются на примере еще одного героя романа – Сабир-муаллима, его семьи – жены армянки Майрануш, детей Азер и Азерин. Автор рассказывает также о трагедии проживающих в селе азербайджано-армянских семей. Матери шехидов, вдовы и молодые девушки, увидев Майрануш с ребенком на руках, готовы растерзать ее. Но милосердие берет верх, и они не решаются на это, говоря, что «бес их попутал».

В те горькие времена наши лица перестали улыбаться, наши сердца погрузились в тьму, но вера в светлое солнечное утро не угасала ни на минуту. Нельзя победить тех, кто не сдается. И день Победы настал! Всего за 44 дня Отечественной войны наша Армия, доблестные сыны Азербайджана, освободили от оккупации Карабах. Героизм защитников Страны огней завершился грандиозной Победой. Освобожденный от оккупации Карабах приветствует своих когда-то изгнанных с родины детей. С их возвращением вернулась и жизнь.

Отныне люди пера, долгие годы, жившие с болью Карабаха в душе, могут открыто вещать миру об освобожденных землях, как это сделал уроженец Агдама – молодой прозаик Вюсал Нуру.

Перевод Панаха РУСТАМЗАДЕ

АЗЕР ЭФЕНДИ

Гимн Солнцу!

Раздвинул шторы – день впустил,
Луч солнца лёг на подоконник
И на мгновенье ослепил
Меня, но я – огнепоклонник!

Я веки медленно смежёл,
Чтоб не рассыпать искры света,
Их рой в глазах моих кружил,
Как рой стрекоз в разгаре лета!

И вот распахнуто окно,
И ливень солнца хлещет, жжётся,
И моё робкое акме
Навстречу, ввысь к нему несётся!

А тело в коконе огня,
И на висках стучатся жилки...
И губы, пламенем клеймя,
Жжёт поцелуй небесный, пылкий!

О памятном концерте в Швейцарии в 2008 году

Посвящается Франгиз Ализаде

Ты звуки превращаешь в искры –
Оркестр жжётся страстью той,
А Монигетти¹, весь лучистый,
Сгорает чисто, как святой!
И Президенты рукоплещут!
Народ швейцарский стонет – бис!
И вот смычки уже трепещут –
Ты исполняешь их каприз...
А после – радостные лица,
В фойе приветствия обряд...
У гардеробной люд толпится,
И между делом говорят:
«Бетховен – лев! Она – тигрица!..»

¹ Выдающийся виолончелист, ученик Ростроповича.

Ляман Багировой

Вот в Баку пришла весна,
И без проволоочки
Побежали по траве
Синие цветочки.

Ветер дует, как всегда,
Но теплее норов...
Над бульваром перезвень
Птичьих разговоров!

Ветки голые ещё
Тычут небу жесты,
Только вишенки в цвету,
Как в фате невесты!

Каспий дышит и дрожит
Солнечною зыбью...
Рыболов сидит, блестит
Чешуёю рыбьей.

Я ни разу не удил –
И не бойтесь, рыбки!
Я ловлю – всегда ловил...
По весне улыбки!

Жизнь хороша – пусть даже ни гроша
В твоём кармане, и забыт ты всеми...
И время, листьями опавшими шурша,
Бредёт тропинками унылыми, осенними...

Увы! Всё в прошлом – а теперь дожди,
Но прошлое, как «домик» черепахи,
Уйди в него и зиму пережди,
И вновь услышишь голос певчей птицы!

И вновь падут горячие лучи!..
Пригреют спину, отопреют душу,
И зажурчат прозрачные ручьи...
И ты, как прежде, опьянённый, будешь
Красивой женщине смотреть в глаза
И уплывать куда-то потихоньку...
Куда иным путём попасть нельзя –
Как в сон, который невесом спросонку...

Где копятся слова, чтобы в стихах пролиться?
Поэты, виршеплёты, витии всех времён!
Где копятся слова?! Вот притча во языцах!..
Скажите, вас же уйма: кто знающ и умён!

И грянул морок песен цыганского веселья,
И вышел с чаркой водки пропащий брат Барков:
– Вот! Для пиита чаша и огненное зелье!
И шибче закаляйся движеньем без портков!

Захохотал и сгинул... куды? Поди ж, кто знает,
Где числятся палаты «энциклопедьи» той...
С цепи сорвался ветер и крепко заметаёт
Следы его хмельные метелицей крутой!

Вдруг лето!.. На Кавказе... Шумит и блещет Терек!
И ладный кабардинец фырчит и пьёт взахлёб,
И офицер в черкеске, оглядывая берег,
Коня по крупу нежно рукою шлёп да шлёп!

И говорит: «Вот так вот, стихов стихию должно,
Поэту пить, а если... ты рифму ищешь час,
То испытай-ка лучше на поприще сапожном
Себя, вдруг согласишься, прославишься как раз!

Ну, а теперь, друг ситный, пора тебе курбеты
Выписывать ногами – не мешкай, поспешай!
Там за рекой мелькнули чеченов силуэты...
Сейчас здесь развернётся такая тамаша!..»

Да... лучше в златоглавой проехать к Мюр-Мерлизу,
В Столешниковом, в *булошной* пирожное купить,
А после, на Пречистенку, поспеть на антрепризу...
Там в кабаре «Летучей Мыши» можно зацепить
Кого-нибудь из россыпи Серебряного века ...
Вот к «сказочному»¹ дому подъехало ландо!
Я подал руку даме в предчувствии успеха –
Она сошла не глядя и скинула мантию...
Я подхватил, поплёлся... рождённая из пены
Морской, она сверкала жемчужной чистотой!..
Я с горечью подумал: «...всё-всё на свете бrenно...»,
И слышу жаркий шёпот: «...вот, мой секрет простой:

ОТ ПОЛНОТЫ СЕРДЦА ГОВОРЯТ УСТА...»

¹Знаменитый «Дом Сказки» в Москве, где располагалось кабаре «Летучая Мышь».

Куррат аль айн!¹

**О, первая любовь... Она необъяснима!
Она – мерцание неподвластных тайн!
Все размышленья мудрых – мимо, мимо...
Куррат аль айн! Куррат аль айн!**

**О, первая любовь! Вне тела, вне сознания –
Венецианская баўта²... вечный май!
Восторг и боль, и горькие стенанья!..
Куррат аль айн! Куррат аль айн!**

**О, первая любовь! Всё небо нараспашку!
Чуть оттолкнись, и по небу летай!
А сердце так стучит, что теребит рубашку!
Куррат аль айн! Куррат аль айн!..**

**Над нами вечность –
 под ногами время.
Пружина взведена, просчитаны шаги.
Но я храню в своей душе беспечность,
В моих часах нет стрелок,
 и круги...
Ну, что круги?! Беспомощные цифры...
Они заснули – гладок циферблат...
Во мне живут божественные шифры,
И я для них безропотный солдат.**

¹₂ Куррат аль айн (арабск.) – услада очей.

² баута – маска, символ венецианского карнавала.

ЭЛЛАДА ГОРИНА

Э Ю Я

Рассказ

Наше будущее – для кого-то прошлое.

Наши внуки – для кого-то деды.

Наша антибиотиками защищенная и интернетом облегченная жизнь – для кого-то, полная дремучих опасностей и трудностей.

Наши футуристические стройки и автомобили – для кого-то архитектура старины и раритет.

Наши предсказания – для кого-то древние руны.

Наши грандиозные проекты – для кого-то устаревшие утопии.

Наш фантастический мир будущего – для кого-то сказка на ночь.

Наше будущее – для кого-то прошлое...

В тёмном углу аптеки по улице Низами скучал пыльный фикус. Даже широкий солнечный луч с миллионом пляшущих точек не дотягивался до листьев.

Мне хотелось сломить оборону растения и нарушить его самодовольное одиночество. Коснуться жестких листьев, смахнуть пыль, придвинуть горшок ближе к солнцу. Но строгое выражение лица аптекаря убедило меня сдержаться порыв.

Аптекарь, смешно сдвинув очки на лоб, выдавал маме серебристые шелестящие конвалюты с цветными и белыми кругляшами таблеток.

Я вздохнула. Как же долго всё у взрослых! Неинтересным вещам, вроде умывания и воспитания, они уделяют чересчур много времени. А на приятные дела, к примеру, игру «бороться», когда я пытаюсь добраться до папиного живота, тот сопротивляется, хитро подставляя руки, но в конце я одерживаю верх и со всей силой «тпрукаю» побежденного в живот, он залиvisto хохочет, – у них вечно нет времени.

От нечего делать взгляд снова вернулся к фикусу. До чего же он унылый! Ни одного цветочка! То ли дело кусты садового гибискуса в «Сабирке», – так мама называла сад Сабира, с одной стороны его крепко обнимала крепостная стена, с другой – пологим склоном спускался самый любимый отрезок улицы Коммунистическая с её завлекательными «Академкнигой» и кафе «Серин».

Сиреневые в прожилках цветки я звала «дюймовочками» – если вывернуть лепестки наружу, они напоминали платье, а мучнистая длинная сердцевина – туловище сказочной героини из мультфильма.

Пару раз я незаметно пробовала цветки на вкус – сладковато-горький вкус расползался по языку и небу.

Или взять олеандры. Мама твердила, что от них болит голова. Меня же охватывал восторг, стоило только пройти мимо знакомого куста почти у самых ворот Гоша Гапы. От теплой, сладко дурманящей волны щекотно на душе и в пятках. Такое удовольствие от запаха я испытывала ещё разве что от выхлопов автобусов, выстроившихся в ряд на площади Молодежи, ближе к крепостной стене.

Свое пристрастие я держала в тайне, хотя была уверена, что у всех жителей Баку в крови водится нефть. Ведь даже мама признавалась, что грешит нежной привязанностью к запахам керосиновой природы. Но мне не хотелось в очередной раз слышать о том, что, наверняка, всё это очень вредно.

О том, чтобы обсуждать эту тему с папой, не было и речи. Даже совсем маленький человек вроде меня уже твердо уяснил: «Молчание – золото». Особенно, если твой отец – врач. Тем более, что его слово – главное, с которым все остальные соглашаются. Так было во всем, за исключением моего появления. Меня утвердила мама. Сказала: «Будем рожать!» Тут уже папа оказался в числе соглашающихся.

Позже, правда, он настаивал, что это был лично им спланированный проект под названием «Эллада Горина», для домашних – «Буся». Так, последнее слово снова оказалось за ним.

– Пойдём, Буська! – мамина ласковая улыбка давала надежду уговорить её на что-нибудь интересное или вкусное.

О, у меня сладостно сводило челюсти при одной мысли о прохладном помещении кафешки «Серин» с его вечно залитой газированной водой стойкой, сколько бы ни протирала её продавщица выдавшей виды тряпкой.

В трёх стеклянных треугольных, подвешенных основанием вверх сосудах привлекательно мерцали цветные сиропы – золотистый дюшес, зелёный тархун, темная вишня. Продавщица в бесформенном, когда-то белом, халате, уверенным движением выпускала скромную порцию сиропа в прозрачный стаканчик, а затем со всей силой жала на ручку сифона. Пенясь, в стакан врывалась газированная вода и, расплескивая, поднимала со дна драгоценное содержимое.

Но главным сокровищем заведения был молочный коктейль – кружевная пенка, ледяные катышки на языке. Если существовал Бог вкуса, то он жил здесь, в неприютном бидоне, хранящемся в тархтящем холодильнике. Продавщица доила такую белоснежную струйку в треугольный стаканчик, что хотелось заплакать, затем взбила содержимое сурово гудящим металлическим миксером.

Я точно знала, чего хочу – остаться жить в «Серин», когда вырасту – продавать коктейль детишкам и по праву продавца иметь к нему неограниченный доступ. Но боюсь, папа не согласился бы. Его мечтой была моя жизнь, связанная с белым халатом, но те, что носили здешние продавщицы, точно не входили в его планы.

– Нет, Ладунюшка, «Серин» не по пути, нам в химчистку и домой, – таков был мамин вердикт. Мне было непонятно, почему бы не отправиться сперва туда, куда хочется, но спорить смысла не было – с недавних пор я была убеждена, что ни один взрослый не может толком объяснить, чем химчистка важнее молочного коктейля, и почему брикет сияющего восхитительного пломбира заканчивается быстрее тоскливой тарелки супа.

Жизнь не слишком логична, – пришла я к выводу. Но самое большое её коварство и несправедливость заключались в том, что, хотя с рождения я полагала, что родители – часть моего мира, внезапно открылось, что они, в свою очередь, абсолютно уверены, что я, Буся, принадлежу им. Кажется, то же самое происходило во всех семьях повсеместно.

Пришлось справляться с разочарованием вздохами и искать утешения у чьих-то будущих питомцев – высокие двери зоомагазина соседствовали с входом в аптеку. Здесь царил рай. Нарядные амадины неугомонно щебетали, волнистые попугайчики косились круглым глазом на посетителей, кенары выводили коленца. За толстым зеленоватым стеклом аквариумов стайками мелькали гуппи, золотые рыбки с как будто облезавшей чешуей молчаливо раскрывали рты. В центре магазина в картонных коробках возились самые прекрасные существа на земле – котята и кутята. Охваченная нежностью и любовью, я касалась их трепетных, горячих тел и сама начинала дрожать под летним платицем.

Каждого из них я готова была утащить домой и любить до конца жизни, но мне раз и навсегда было наказано испытывать такие нежные чувства только к маме, папе и бабуле. К тому же, по утверждению взрослых, животные – это значит микробы. Война с микробами в нашем доме носила характер военных действий. Мне было известно исключительное количество способов оградить себя от захватчиков, поэтому я была уверена, что с легкостью справлюсь с выведением вражеских колоний с любимого питомца. Но папа был непреклонен – страшные истории про червяков в печени и мозгах заставляли понуро отступать.

Я сделала очередной вывод о жизни – когда чересчур много полезного, начинаешь грустить, и даже если ты самый стерильный человек на свете, то часто чувствуешь себя так, как будто у тебя червяки в сердце.

Вырасту и стану целоваться со всеми десятью собаками и кошками, которых заведу! – я исподтишка погладила двух темненьких щенков из коробки, после чего припала носом к аквариуму. Мама воскликнула: «Грязно!» и, пригрозив микробами, вывела меня наружу.

Короткий путь через площадь Фонтанов – и мы в химчистке. Небольшое помещение с тусклым светом, повсюду сливочного цвета тюки, напоминающие гигантские грузинские хинкали.

Маме выдали тюк, работница химчистки ловко вывернула его наружу, встряхнула нашу одежду. Я притрагивалась к тёплым шерстяным отцовским брюкам, маминому светлому платью, к своему жакету с вишенками. Рука нащупала край ткани тюка, похожей на грубую многослойную марлю. Сбоку была подшита прямоугольная бирка с несколькими буквами. С любопытством оглядевшись, я обнаружила на каждом тюке подобную бирку с набором букв для распознавания. Склонившись к бирке нашего тюка, прочитала три буквы: Э... Ю... Я...

Очередной вывод о жизни не заставил себя ждать – случаются удивительные штуки, которые другим могут не показаться значительными, но именно они очень важны!

– Мама, смотри, это про нас! – я ткнула пальцем в бирку. – Э – Эльдар, это папа. Ю – Юля, это ты, а Я – это я! ЭЮЯ!

– Что ты говоришь, Ладунюшка? – не расслышала мама, расплачиваясь с работницей.

Я только махнула рукой. ЭЮЯ. Когда я вырасту, то напишу книгу. Лучшую в мире. В ней про ЭЮЯ обязательно будет.

Перешептывания с музой скрасили дорогу домой, Впрочем, не они одни – мы с мамой заглянули в хлебную. Огромным зубчатым ножом-пилой, встроенным в стол, женщина за прилавком разрежала для нас круглую буханку напополам, протянула поджаристой горбушкой наружу.

Мама доложила к хлебу несколько мягких рогаликов и булку с кишмишем – чуть сыроватую внутри, но с хорошо запеченной глянцевой корочкой – объеденье!

Из хлебной по улице Зевина отправились к дому мимо огромной пыльной витрины парикмахерской.

Женщины с фольгой в волосах лениво вращались в креслах и листали журналы. Мерно жужжал фен-колпак над головой старухи с каменным лицом в металлических бигуди. Беззвучно травила свои байки про мужа парикмахерша Валя.

Я скривилась. В прошлый раз мы с мамой зашли сюда постричься, но не успела я устроиться в кресле, как Валя прошлась по голове машинкой, невзирая на мою арию дикой кошки. Через пару минут из зеркала на меня смотрела обритая наголо девочка в красных сережках. Это преступление против личности возмутило меня до глубины души. Я была унижена, растеряна, в гневе. Собиралась мстить. Правда, мама несколько реабилитировала себя хорошей порцией мороженого, но вывод был сделан – в любой момент от взрослых можно было ожидать как подарка, так и подвоха.

Ичери шехер вывешивает балконы над проспектом Нефтяников, аристократически улыбается фасадами старинных зданий, зазывает змейками узких проходов. Аптека, хлебная, парикмахерская, книжный – цивилизованные лица домов, спины которых, продолжая крепостные стены, образуют единый хребет внутреннего города.

Соскользнув с улицы Зевина на брусчатый подъем внутрь, мы оказались под защитой Ичери шехер.

Город в городе. Незнакомцев узкие улочки, петляя и кружа, заводили в бесконечные тупички. Своих же улицы подхватывали, несли легкими ручейками на пригорок Губернаторского сада, к метро «Баксовет», сбегали вниз к садику Сабира, площади Молодежи, Дому медработников и полыхающему зеленым Бульвару.

Как бы ни кружил город, но рано или поздно он выводил каждого к Девичьей башне – сердцу своему, не скрытому крепостной стеной и развернутому в море.

Город глубоких дворов-колодцев, город бельевых верёвок, натянутых чуть ли не по вертикали. Город довольных кошек, разноцветными пятнами липнущих к стенам старых домов. Город, где любой камень – настоящий музей, полный историй и загадок, а каждый пяточок – жизнь, происходящая прямо сейчас.

Город за крепостной стеной бережёт, защищает, но оставляет на связи со всем миром – ворота открыты. Пара минут – и ты в центре современного Баку. Но сам – вечно остается особенным, полным магии.

«А, ну вы ичеришехерли!» – посмеиваются папины друзья, и этим все сказано.

Я жила в лучшем месте на земле. С раннего утра из распахнутых настежь окон ковроткацкой фабрики доносился завораживающий ритм – мастерицы пальцами вытягивали шерстяную нить. Дробный звук точно совпадал с барабанным – тем, что я слышала в Доме пионеров, пока переодевалась для занятий балетом.

Несколько раз после уроков балета бабуля была в настроении сводить меня «к голубям». Через Малую Крепостную она выводила нас к щербатой деревянной двери с давно облупившейся краской. За ней жила Минавер и ее стая почтовых голубей. Пока бабуля с Миной шептались о своем, я щедро крошила специально припасенной сухой булочкой, после чего гонялась за курлыкающими ленивцами. Меня вело страстное желание потискать каждого – коричневатого-кофейного с белоснежным хвостом, ослепительно белого с единственным неровным пятном вокруг глаза и глупыша рябого! Ох, это была та еще задачка! Кроме голузино хвоста, больше ничего не существовало в мире в то мгновение.

Мы с бабулей обе считали это достойным развлечением. Она была мастак колнуть вредным словом, но изумительная убежденность в гедонизме и приветствие его зачатков во мне примиряли с досадным недостатком.

Насилу оторвавшись от голубей, я следовала за бабулей к Девичьей башне, откуда было рукой подать до дома на проспекте Нефтяников, где выдавали подписные издания книг по записи. Именно оттуда к нам попадали лучшие книги. Чаще их за-

бирал папа, но как-то раз мы с мамой, выстояв очередь, получили на руки два толстеньких аппетитных тома.

– Что это у нас? Голсуорси? – нетерпеливо спросил впереди стоящий мужчина у сотрудницы, распределяющей книги за столом. – Как он вам?

– Ммм... томительно, – задумчиво протянула та.

– Пфф! – фыркнул мужчина.

– Но жизнеутверждающе, – быстро поправилась сотрудница.

– Одним словом, по-западному, – высокомерно хмыкнул мужчина.

Сотрудница высоко подняла брови.

Я, по обыкновению, сделала вывод: есть люди, которые во всем торопятся. Например, хотят заранее обсудить книгу, даже не заглянув в неё.

Позади здания с книжным складом проходит тихая улица со старым караван-сараям, в центре двора – колодец с черным пятном воды внизу. В комнатухах, где в средние века останавливались заезжие купцы, после нефтяного бума проживали большими семьями. Здесь жила мамина бабушка с дочерьми. Маленькой мама проводила у неё много времени – заглядывала с соседской ребятней в колодец, стаскивая железную крышку, смуглый дядя Гашиш подкармливал её варёным нуттом, в общей кухоньке сторожила соседку Нюру – та пекла блины, и мама, сглатывая слюну, ждала своей очереди, чтобы уплести за обе щёки самый вкусный блинчик на свете. Нюру частенько колотил муж, и мама считала, что напрасно она выдает ему блин первым. Уж лучше последним, а справедливости ради его вообще стоило снять с очереди.

Мама часто вспоминает, как начался ливень, и по двору караван-сарая, пузырясь, бежали водяные потоки. Старики попрятались, а молодежь, хохоча, выскочила наружу. Схватившись за локотки, с криками помчались на бульвар. Мама, избалованная вниманием старших друзей, привыкла всюду за ними таскаться, но тут они позабыли про нее. Мама – в рёв, а Нюра ей: «Беги, что же ты, горю плачем не поможешь!»

«Да как, как?» – маму пугали пузыри. «А вот так, с места на место!» – Нюра показала пальцами – «скок, скок, скок!» Окрыленная мама побежала вслед удаляющимся друзьям.

Каждый раз, слушая эту историю, я радовалась за маму. Когда мне не хватало смелости на то, что нравилось, так хотелось, чтобы рядом оказывался тот, кто скажет, как делать и покажет на пальцах.

Ещё мама рассказывала про молодого соседа, спортсмена, который спустился в тот колодец при помощи рук и ног, без страховки. «Он выбрался?» – с замиранием сердца торопила я маму с ответом. «Да. Так же – на руках и ногах. Но позже утонул. На пляже». Бабушка сказала: «Он искал воду и нашел».

Эта история отзывалась тревожным эхом в душе, а мама задумчиво продолжала:

– С того двора еще одна девочка утонула. Тоже на пляже. Вчера еще бегала, играла, а на завтра её не стало.

Мама всегда помнила ту девочку, и я запомнила.

Мой вывод: ты будешь помнить не только того, кого знаешь, но и тех, с кем не был знаком. Достаточно того, что их знала твоя мама.

Свернув с Зевина в Крепость, мы проследовали домой, мимо действующего хамама. Из-за двери выглянула полная, потная банщица, приветственно помахала. В конце недели бабуля, мама и я мылись здесь. Бабуля считала, что важным персонам полагается личный номер, а мама придерживалась идеи всеобщего равенства, по-

этому мы с ней проходили процедуру очищения в общем зале. От стен поднимался пар, в полутьме деловито сновали голые женские тела, противореча самой идее бани, как места расслабления – лишь единицы неподвижно сидели на каменных сиденьях. Шипел кипятилок, позвякивали алюминиевые тазы, обдавало ледяными каплями – их разбрызгивали моющиеся по соседству. Мама трижды намыливала мне голову и дважды терла тело, после чего я была предоставлена играм с водой.

Несколько раз в открытую крышу бани заглядывали, хихикая, бесстыжие мальчишки. Большинство женщин не обращали на них никакого внимания, а я в ужасе и смущении приседала в надежде спрятаться за чужими телами.

В прохладном предбаннике мама быстрыми движениями обтирала меня махровым полотенцем, одевала – то ещё испытание, натянуть липнущую к распаренному телу ткань – в одежду, особенно кусачую после бани.

В приятном утомлении мы возвращались домой, нагруженные хозяйственными сумками и тазами, которые вкупе с покрасневшими лицами выдавали нас с головой.

– С легким паром! Хемишетемизликде! – выкрикивали, одобрительно улыбаясь, соседи с балконов, шушебендов и со двора. Впрочем, таким талантливым разведчикам не многое было нужно, чтобы знать всё обо всех.

Дом встречал нас. Это был самый красивый и необыкновенный дом на свете. Он стоял на Большой Крепостной – единственной широкой улице Крепости. Светлый трехэтажный прямоугольник с по-бакински плоской крышей. На фасаде четыре длинных балкона с красивыми резными перилами. С боковой и задней сторон каменные части дома соединялись между собой замысловатыми шушебендами. Система хитро взаимосвязанных коридоров словно повторяла само устройство внутреннего города.

Очертить почти полный круг – незаметно выскользнуть из квартиры, бегом вниз на второй этаж, оттуда подкараулить возвращение домой соседок Ирки и Наташки. Стремглав, по шушебенду – к задней лестнице, или подобраться к ней, спустившись во двор и прошмыгнув мимо входа в мастерскую дяди Асифа – знаменитого на весь город точильщика, к которому приезжали даже из микрорайонов, потому что – бях, бях! – кто еще так остро наточит ножи, не повредив зубьев, и не соьёт нарезок с плоскогубцев. Юркнув через деревянную дверь, настичь девчонок у их убогой, пропахшей спиртным, из-за матери алкоголички, квартиры, чтобы выманить поиграть. Заручившись их согласием выйти через десять минут, медленно профланировать, слушая, как восстанавливается дыхание, к бабулиной квартире – она напротив нашей.

Сделать вид, что зашла поглядеть, как они проводят время – бабуля, папина мама, пригласила в гости бабушку Веру, маму мамы. Бабушки чинно распивают чай, болтают как добрые подружки. Бабуля искрометно шутит – ух, чертовка! Бабушка Вера улыбается, словно поглаживает бесконечно добрым, терпеливым взглядом.

Бабуля, подливая чай, придвигает к собеседнице сахарницу, вздыхает: «Ах, завидую я тебе, Вера, ты можешь сахарок есть, а мне ни-ни! Диабет. Только мёд можно!»

Мною уже давно был сделан вывод о бабуле – она королева перевернутых смыслов, умеет ловко смещать акценты. Благодаря бабушке Вере я поняла еще кое-что – существуют удивительные люди – их единицы, с ними не работают никакие уловки, их не затрагивают ни чужой напор, ни хитрость. На всё они отвечают ровным сочувствием и пониманием. Их ведет внутреннее добро, которое невозможно подделать. Можно сколько угодно стараться быть хорошим, но в этом лишь внешнее сходство с добром – дорожка, как две капли воды похожая на ту, что ведет к морю и бульвару, хитро заведет в тупичок.

Филиал музея-заповедника под открытым небом «Гобустан» располагался на первом этаже нашего дома. Всякий раз, когда между соседями вспыхивали ссоры или в семьях разгорались скандалы с криками и побоями, я сильно переживала и мысленно обращалась к древним людям. Даже они тратили свободное время на то, чтобы рисовать на камнях свои картинки вместо глупых разборок. Кажется, им было бы стыдно за людей современных. В остальное время, когда баталии стихали, и воцарялись мир, дружба и пахлава, меня распирала гордость за Крепость. Если Девичья башня была сердцем, то наш дом, несомненно, – центром Ичери шехер.

Наша квартира располагалась на третьем этаже. В ней я больше всего любила вид за окном, пол и потолок.

...В минуты отдыха мама любила, полулежа животом на широченном подоконнике, «в обнимку» со стаканом семечек, наблюдать жизнь улицы.

Из нашего окна и с бабулиного балкона открывалась картина, от которой немедленно захватывало дух, а сердце билось в ритме счастья – кроны высоких деревьев, за ними широкая полоска моря, «чертовое колесо», утопая в зелени, вертится до глубокой ночи, на плоской крыше дома напротив, в увитой плющом беседке, по вечерам пьет чай семья; слева – Музей археологии и этнографии со статуей на крыше – ходило много разговоров о том, что со времен революции в её голове запряты драгоценности; дальше – горизонтальный рубчик Девичьей башни и убегающие каскады крыш; слева – двойные ворота Крепости, к ним прилепилась комендатура – солдаты маршируют строевым шагом к гауптвахте. Внизу вся Большая Крепостная – как на ладони: мальчишки гоняют мяч, дворовые псы трусят, весело помахивая хвостами-бубликами, под тополем на подушечках расселись соседи. Бакинский ветерок заигрывает с душой, солнце обещает приключения и свободу, а луна, зацепившись за статую на крыше музея, – волшебство и томные секреты.

Малышкой я постоянно возилась на деревянном полу – широкие неровные доски, волнистые слои рыжей краски. Как-то раз отыскала между двумя досками прижавшую карамельку. С настойчивостью белки отколупывала конфетку от пола. На вопрос мамы: «А что это там делает моя доченька?» ответила: «Ишкодиюапалу», что означало «шкودничаю на полу». Мама залилась смехом.

Что-то, а хохотали мои родители так открыто, свободно и счастливо, что в эти моменты они были для меня воплощением идеальных людей, которым доверяешь безоговорочно. Тогда же я сделала вывод: хочешь знать, стоит ли иметь дело с человеком – послушай его смех.

По ночам я засыпала на небольшом диванчике. На потолке лежала таинственная тень окна и узорных занавесок. С каждой проезжающей машиной тень подсвечивалась желтым светом фар и плыла по потолку. По направлению движения я угадывала, в какую сторону едет автомобиль.

Совсем крошкой папа укачивал меня на руках, расхаживая по комнате. Я разглядывала светлые доски потолка, папа баюкал, напевая вековое «аа-аа-а». Папин голос заставлял мои косточки, прижатые к его груди и животу, вибрировать в такт, казалось, что звук проходит через все тело, потолок растворялся, веки закрывались...

Но случалось, что не спишь всю ночь напролет – горишь, горло облеплено злой простудой, мечешься на простынях-мучителях, зарываешься под три одеяла, но всё равно противные островки зяби по всему телу, и кажется, что по потолку бегут сотни окон, и так – до самого азана. Мама проверяет лоб и шею прохладной ладонью, подтыкает края одеял, поит водой или чаем с лимоном. Откуда у нее столько сил, чтобы по многу раз подниматься среди ночи? Я не смогу так.

Со временем узнала, что жертва ради другого возможна лишь из любви и веры.

– А что тогда вы привели её, если ни на что не жалуетесь? – моложавая женщина в белом халате надевала мне на голову обруч, присоединяла электроды. – Характер, что ли, крутой?

– Ой, крутой! – закивала мама. – Упертая. Ни обнять, ни поцеловать.

Врач внимательно считывала показатели с ленты.

– Крутой, говорите?... все нормально, просто она у вас – высокочувствительный ребенок.

– Что же это значит? – растерялась мама.

– Это значит, дорогая мамаша, что воспринимает она всё в разы сильнее, реагирует болезненнее, чем другие, помнит дольше.

– О, господи, и что теперь делать?

– А ничего, это уже природа. Такие дети, чтобы в обиду себя не дать, стены выстраивают, крепости.

– Ну вот, недаром мы в Крепости живем, – вздохнула мама.

– Вот-вот! – рассмеялась врач.

– Очень слабо! Научись нормально читать. Отстаешь! – кричала учительница в подготовительной школе. Корыстная женщина облизывалась на перспективу индивидуальных занятий со мной – рассчитывая на возможности моего отца, она безжалостно принижала мои. Не догадываясь о нечестных замыслах, я вся сжималась. Казалось, дыхания не хватит, чтобы сдержать гнев и обиду.

Неожиданно тело приобретало силу крепостных стен – новым скелетом поднимались они ввысь, чтобы сберечь растерянного человечка, ветры над Девичьей башней веселили сердце, огонь на крыше – эге-гей! – призывал добрые суда, разливаясь теплом по груди.

Остановить поток жалящих слов было не в моей власти, но они больше не причиняли мне вреда.

Новый вывод не заставил себя ждать: когда перед тобой тот, с кем справиться не под силу – справляйся с собой. Сделай что-нибудь для себя.

– Марожна, марожна! – старенькую коробку-тележку тащил за собой на толстой бельевой веревке косматый мороженщик. Колесики, задорно подпрыгивая, возвещали о наступлении лучшего часа дня.

Срываясь абшеронским ветром, мы наперегонки с соседками неслись вслед, чтобы, не дай бог, не опоздать. Стоило показать монетку на раскрытой пятерне, как повелитель мороженого распахивал перед нами дверцу в рай – среди сияющих глыбок льда рядком выложены прямоугольники пломбира и фруктового, поверх разбросаны вафельные и бумажные стаканчики со сливочным и кофейным.

Ради мороженого стоит жить и не так страшно умереть. Его единственный недостаток – сколько ни ешь, всё мало.

Если какой-то человек не слишком любил мороженое, то казался подозрительным, от него можно было ждать всего что угодно.

Покончив с мороженым, мы возвращались к игре. Я торопливо наслаждалась каждой секундой – нужно было успеть вернуться домой до возвращения папы.

«Если ты не станешь врачом, то будешь дворником!» – из года в год отец предоставлял мне весьма скромный выбор, и, по его мнению, игры с соседской детворой стремительно приближали меня ко второму варианту. Поэтому наши веселые встречи с русоволосыми дылдами Ирккой и Наташкой проходили втайне от него.

Городки, ручеёк, ловитки-салочки – победа в погонях по коридору обычно доставалась жилистым, с крупными коленками на длиннющих ногах, соседкам; прятки – что может быть чудеснее: затеряться в дальних закоулках дома, и неожиданно выскочить перед самым носом у «вады» – стук-стук, палочки!

Нередко нашей компании случалась охота поиграть в дочки-матери – тогда мы тащили своих кукол-любимец в общий коридор, сооружали кровати на подоконниках шушебенда. К нам присоединялась соседка снизу – смуглая оливка Рейхан, с роскошной копной кудряшек, упрятанных в конский хвост. Её отец, подтянутый мужчина с тонкими усиками, любезными манерами и подвешенным языком, легко ладил с соседями, в то время как обрюзгая, с отчуждённым выражением лица мать казалась посторонней и не вписывалась в общее настроение нашего двора.

Во время игр в мяч Рейхан отчаянно «джигалила». Ирка начинала тонко голосить, Наташка, взяв на себя судейство, обнуляла прежние рекорды – и игра начиналась сначала, до следующего «джигальства». Если к нам присоединялись дворовые мальчишки, то на сцену выходило Иркино кокетство. «Мы когда-нибудь нормально сыграем?» – хваталась за голову я.

Эх, часто шумной гурьбой компания отправлялась играть к главному каравансараю или лазить по камням вокруг Девичьей башни, а я оставалась дома – столь откровенного выбора в пользу дворника папа не потерпел бы.

Оставалось лишь сокрушаться – почему приходится портить себе детство желанием поскорее вырасти, чтобы наверстать упущенное!

Светочка – пропащая мать Ирки и Наташки, была отчаянной пьянчужкой. В не трезвом угаре буянила, швырялась вещами, орала благим матом на свою мать, тетю Тоню. Шаталась по Крепости и «Сабирке», там же в бесчувствии валялась на каменных скамьях. В кратких перерывах между попойками вела себя исключительно прилично и тихо, смущенно здоровалась с соседями.

Светочка носила жуткий медно-каштановый парик, похожий на паклю, сверху подвязывала его косынкой. Однажды я случайно подглядела, как Светочка, совершенно лысая, намазывала помаду перед зеркалом и при этом ласково ворковала со своим котом-хулиганом Барсиком. Уже после смерти дочери тетя Тоня показывала мне фото Светочки в юности – миловидное лицо, тонкие светлые волосы.

Я жалела Светочку, сочувствовала ее судьбе, но испытывала ужас, когда та бывала пьяна – вдруг она прикоснется ко мне, и я сойду с ума от отвращения?

Действие закона «чего боишься, того и дождешься» мне пришлось испытать на собственной шкуре. В коридоре, в бабулином сундуке хранились редкие издания чудесных сказочных книг. В предвкушении я выскользнула «поживиться» новым литературным сокровищем, как навстречу, пошатываясь, вышла Светочка. Отступить было стыдно перед собой, я стиснула зубы. Продолжила путь, инстинктивно отклоняясь телом в противоположную сторону. Поравнявшись со мной, Светочка будто почувала мой страх – резко качнулась, нетвердые ноги подкосились, и она рухнула мне на плечо. То, чего я боялась, произошло. Взвять мне помешал удушливый запах перегара. Через пару секунд Светочка встrepенулась, выпрямилась и неровной походкой последовала из коридора вон.

Долго переживать случившееся мне не пришлось – внезапно смолкла ламбада, несущаяся из каждого телевизора, и вместо нее послышался гвалт человеческих голосов. Перевесившись через лестничные перила, я разглядела удаляющуюся аккуратную спину рейханкиного отца.

В одной руке мужчина держал большой, бордового цвета чемодан, другой вел растерянно оглядывающуюся на мать Рейхан. Женщина стояла здесь же, на лестнице, ничего не говорила, но и не уходила.

Из громких перешептываний соседок я поняла, что она всю жизнь прожила в нашем дворе, а её «шириндил» (*сладкоязычный* – **Ред.**) муж совсем из других мест. Несколько лет назад они съехались с этим пришлым франтом, и женщина стала приемной матерью Рейхан. У пары не заладилось, и теперь отец с дочерью возвращались в микрорайон. Я даже не успела проститься с подругой, но сделала вывод: когда люди нам симпатичны, мы почитаем их почти за родню, когда не слишком – считаем за чужаков.

С боковушки бабулиного балкона интересно наблюдать за балконом тети Соны – он напротив и ниже на этаж. Сейчас тетя Сона метёт пол куцом веничком. Кажется, еще совсем недавно на табуретке в углу возвышался аппетитный двухэтажный торт, из-за окон гремела музыка – симпатичный сын Соны – Рауф, женился на худенькой, в нарядной фате, Миле...

Теперь на этом балкончике бесконечно играют в догонялки и мутузят друг дружку их сыновья, а Мила с Рауфом округлились в фигурах, он работает за двоих, а она не смогла даже вспомнить, где ее фата, когда я о ней спросила, но выглядела при этом совершенно довольной.

Меня накрыло новыми озарениями. Первое: не всякий торт гарантирует вечный праздник.

Второе: настоящее счастье не похоже на торт. Скорее, на аппетитные запахи из кухни, когда поднимаешься по лестнице домой. Тебе уютно на сердце, и ты улыбаешься.

Третье: счастье живет там, где нет желания цепляться за воспоминания и одержимо помнить, где твоя фата.

Ах, какой ажиотаж поднялся утром погожего денька – соседи, перекрикивая птичью перекличку, кучковались на Большой Крепостной, с балконов свешивался и стар, и млад – с крыши музея украли голову статуи! Взбудораженных жителей Крепости больше всего волновало, поймут ли вора, и было ли сокровище? Потихоньку интерес иссяк, соседи разбрелись по своим углам и делам.

– Если твоя голова чего-то стоит, за ней всегда будут охотиться, – подытожил происшествие дня папа.

Вскоре на место прежней установили новую статую – точно без всяких сокровищ.

– Мама, почему мы не оставим себе котенка?! – черный комочек славно сопел в углу дивана. Раз в два дня я приносила его домой от соседки Мары, поиграть.

– Потому что твой папа скажет: «Микробы»! – мама складывала в сушильный шкаф вымытую посуду.

– Просто папа не любит животных! – обвинила я.

– Любит, – не согласилась мама. – Когда он задавил котенка, вернулся домой весь белый, долго мучился, места себе не находил.

Пришлось признать – папа переживал за котят. А мама – за папу.

Вообще я была уверена, что дружила бы со своей мамой, будь та маленькой девочкой. Почему? Потому что, когда мама в детстве жила с родителями на Малой Крепостной в крохотной комнатухе в тупичке, куда солнце проникало на пару часов в день, она хорошенько залепила по спине хулигану, который терроризировал ребятшек со всей округи. Да так, что его мать – язык жадный до сплетен и перебранок – приходила жаловаться маминной маме на поведение дочери.

Но маму даже не пожарили.

А еще она постояла за подружку чуть помладше её самой, когда, заигравшись с котенком, в которого была «влюблена», неожиданно увидела, что их сосед дядя Омар запустил руку под юбку девчужке. Мама была совсем мала, но нехорошее чувство шевельнулось в груди, и она поскорее увела подружку.

Как-то раз жена Омара, вернувшись с работы, торопливо забежала в дворовый туалет, когда там рассиживала, фантазируя, мама. Приложила палец к губам – тс-с! – и после долго высматривала, чем занимается ее муж в их квартире на втором этаже.

Через некоторое время они удочерили девочку. У мамы долго скребли на душе кошки – бедная девочка, что ждет ее!

Позже тот самый дядя Омар продлил балкон своего второго этажа, и солнце перестало бывать в мамином тупичке.

Приблизительно в то же время маленького папу моя бабуля водила по вечерам прокричаться в парк имени Кирова. «Да, а то в нём через край энергии было, соседи спрашивали, чего он вопит целыми днями, мы и договорились отыгрываться в парке».

Мне в деталях представлялась картина: красивый мальчик самозабвенно кричит среди старых сосен Нагорного парка. Хотелось бы оказаться рядом и на пару с ним кричать во всю глотку.

Мне пришло на ум, что, когда сложно ладить с родителями, то можно представлять их маленькими, и тогда вполне может оказаться, что вы могли бы дружить.

Заскорузлые лапы деревьев хватаются за угрюмое январское небо. Я жмусь к боковине плотно закрытого на все щеколды двойного окна, напряженно вглядываюсь в неприветливое море. С утра насчитала 20 военных кораблей, и они всё прибывают.

Неужели танки пройдут через Гоша Гапы?

Чтобы успокоиться, я рисую акварелью в альбоме, не покидая широкого подоконника. Родители в Москве, бабуля запретила подходить к окну, но я не слушаюсь.

Слышатся грохот и лязг металла – в крепостные ворота медленно въезжает бронетранспортер. Преодолев проход, прибавляет скорость, за ним цепочкой следуют еще десяток машин.

Прежде я видела танки только в книгах и по телевизору. Замираю, глаза расширяются. Неужели это происходит? Неужели это происходит сейчас?.. Здесь, с нами?..

Март сбрасывает тяжёлое одеяло зимы, распевается дроздами, волнует нежностью зацветших деревьев, тревожит юным томлением души. Солнце поднимается гоголем, звезды-пахлава мерцают на все раньше светлеющем небе, а месяц шекербуры, если соединить со второй штучкой, превращается в полную луну.

Открываю глаза и знаю – Новруз! Весенний шум врывается в окна, на мостовой разводят тонгалы, возводят подмостки для танцев, эй, хозяйки, вывешивайте ковры!

Кебабчи ловко смахивают сочащиеся жирком куски мяса в горку лука. Пожилые женщины в келагаи пересыпают аппетитные полулуния кутабов сумахом. В ларьках кипит торговля бесполезной мелочью.

Зурна изгоняет духов зимы, кеманча веселит душу, балабан разжигает в теле огонь, публика гудит, ликуя. Танцоры, соскочив со сцены, замешивают в толпе пляс.

Бабуля лукаво подмигивает – пойдём туда, где главный праздник! Пробираемся с трудом через галдящую, поющую, танцующую во главе с Кёса и Кечалом на ходулях толпу. Перемежая поход шутками-прибаутками, бабуля ведет меня к нижнему караван-сарая, рядом с банями. Здесь я часто резвлюсь среди древних камен-

ных статуй баранов и испещренных вязью надгробий, выдумываю истории любовных похищений и героических побед.

Сегодня по всей территории разбросаны столики. Старушка – лицо в сеточку, как растрескавшаяся земля Абшерона в июле – железным крюком выбрасывает из горла тендира огненный чурек прямо в нашу тарелку. Бабуля кладет поверх брусочек масла, рядом твердый соленый сыр – ммм, упоение!

Мы сидим за столиком с видом на Девичью башню. Разглядываю морщины родных стен. Закончатся праздники, людской поток обмелеет, я снова приду прыгать с камней у подножия башни, сочинять истории, встречать новых друзей или даже влюбиться, копаться в старом книжном, собирать выпавшие ласточкины яички и так – тысячу лет подряд...

– Это главный вход – Гоша Гапы.

Знакомлю своих иностранных друзей с Ичери шехер.

– Р-раз, и – другой мир! За спиной остается прекрасный современный город, а здесь – его таинственное сердце. Хотя, пожалуй, каждый житель Баку сам определяет, где находится его персональное сердце.

Сразу слева находилась военная комендатура, справа – солдатская гауптвахта.

– А что на этом месте теперь? – друзья заинтересованно вертят головами.

– Когда комендатуру снесли, обнаружили старинные бани еще более древнего «нижнего города». Идет реставрация. А на месте гауптвахты открыли замечательный ресторанчик, – подмигиваю я.

– Остатки «нижнего города» раскопаны и вокруг Гызгаласы – дома, бани, караван-сарай. Раньше Крепость называли «город в городе, а теперь – «город на городе».

Друзья под впечатлением, магия города очаровывает их, выдавших виды путешественников. Меня приятно щекочет чувство гордости.

– Покажу вам отчий дом, – подвожу ребят к зданию отеля в центре улицы Бёюк Гала. Четыре длинных, увитых плющом балкона, собственная парковка с красующимся на ней Харлей-Дэвидсоном, центральный вход через массивные двери там, где прежде был филиал гобустанского музея.

Предлагаю зайти внутрь. Внутренний двор превращен в атриум, сквозь прозрачное стекло в полу видны убегающие глубоко вниз лестницы и колодцы.

– Во время ремонта под нашим домом также обнаружен «нижний город». Неприятно в детстве мне казалось, что соседей у нас в два раза больше, чем на самом деле, – подшучивая над собой, я веду друзей на крышу.

Теперь здесь кафе. Завидев обзор с застекленной веранды – море, зелёные кроны, каскады новостроек и исторических зданий, рубчик Девичьей башни, – мои туристы умолкают. Восторженные вздохи, кое-кто даже жмурится от удовольствия.

– Теперь мы понимаем, почему ты такая, Лада! – друзья единодушны в своих выводах. – Ты и твои родители жили здесь и ежедневно видели вот это всё!

Это все и многое другое, да. То, что вспоминаешь с теплом и смехом, и то – что с сожалением и горечью.

– Скажи, – не унимаются ребята, – когда ты бываешь здесь, о чем думаешь в первую очередь?

– Хм... если честно, то ... а были ли сокровища в голове статуи, и куда они подевались?

Друзья поспешили на экскурсию по Гызгаласы. Я осталась на родной крыше. На душе мир, в хрусталике армуду – рубиновый бархат чая с долькой лимона.

Воспользовавшись призывом тихо царапающейся музыки, набрала текст:

По ту сторону воронок

Раз покинув чрево матери, будешь бежать вперед – от теплой груди оторвешься, оставив последние пару стекающих капель, с рук отца, к потолку подбирающегося, с тобой в два голоса хохочущего, а всё равно – соскользнешь, поползешь по полу дощатому, в сад с розами, прошлепаешь по лужам, поскачешь по камушкам к морю – речке, мимо могилки твоих предков усопших, тобой не виданных, не упомянутых, в историях отца и печалях матери живущих, звонко вскочишь в автобусы и трамваи, унесешься, портфелем размахивая, гоняться по паркетам школьным, уедешь на поездах, уплывешь на кораблях гудящих, на самолетах, турбинами взывающих, улетишь, пёхом, собрав рюкзачок, уйдешь в дальние края-страны манящие – к новым знаниям, к тобой не покоренным вершинам, к пока неизвестным, зовущим людям. Смеясь, уходить будешь, облизываясь от предвкушения, так оно устроено – оторваться от родного порога, крыши, быть событиями закрученным, будущим захваченным, на жизнь богатым, осваивать прекрасный, жестокосердный и любовный мир. Поступишь в институты и высшие школы, станешь по ночам цифры складывать, фразы да формулы зубрить, исподтишка любоваться чьими-то черными глазами. Зелеными, карими, серыми или вдруг голубыми – как уж случится. А там недолго и – бегом в работу, шуршать бумагами, по клавишам стучать, людей провожать-привечать, унесешься в деловые поездки и на стройки, заводы возведешь, нефти накачаешь, над статьями работать станешь, картины, что перед глазами и в сердце, на холсты класть мазками щедрыми будешь.

А там чьи-то глаза – серые, синие и зеленые, а вдруг черные, как предназначено или повезет, – останутся с тобой, и завертитесь в любовном угаре, перипетиях страстей, в хороводе семейных праздников, в траекториях быта: покупка продуктов, мойка машины, ремонт, уборка, стирка, разбор антресолей, искрящие розетки. Бегом, бегом, а потом заведутся внезапно маленькие копии черных, карих, зеленых глаз, уж как ген выпадет. И только покажется – мой он, мой навечно, плачет, выжить без меня не может, как тут же оторвется, задрыгает ножками, ручками, уползет от груди и рук родительских, побежит по полам и камешкам, а ты за ним вдогонку, с каждым годом отставая все больше.

Махнув на эту гонку рукой, замедлишься и своим ритмом заживешь. Огороды выпалывать, статьи писать, клавишами стучать, сталь варить. Все вперед, вперед по своей дороге-дорожке. Еще горы, еще озера и леса, новые города, любимые места. И то ли вдруг покажется, что ты уже не вперед, а по зачарованной спирали движешься или сон особенный приснится, и ты, как есть, бросив всё, кидаешься со всех ног и бежишь, от радости обезумевший, позабыв о работе и быте, о путешествиях и огороде – по взлетным полосам, по морской глади, по дорогам асфальтированным и полям с травой звенящей, мимо могилки, по камешкам, по полам дощатым, утирая невесть откуда взявшиеся слезы, ручьем льющиеся, – назад, домой, во двор влетаешь, хохочущего отца слышишь, мама сидит, молодая, капельки молока на груди не просохли еще, на тебя кудрявого смотрит, улыбается, стремглав к ней, припадаешь, млеешь в аромате молочном, и слезы тают, заволакивает тебя блаженством, и тут во всепобеждающем яростном наслаждении, от которого и петь, и мучительно рычать хочется, заходишься криком, втягивает тебя в темное материнское чрево, и шторм счастья воссоединения утихает, ты почти спишь в умиротворении под сердцем, отмеривающим то блаженство: тук-тук, тук-тук, тук-тук...

Э Ю Я.

МАРГАРИТА ГРОСС

Э Т Ю Д Ы

Столичные прогулки

Bakı: bu adı necə düzgün tərcümə etmək olar?

(Баку: как правильно перевести это название?)

Я очень люблю Баку. Кто-то, может быть, удивится: «Как можно полюбить место, если побывать в нём всего один раз? Разве такое возможно?»

Представьте себе – да. Бывает же любовь с первого взгляда – вот и здесь то же самое.

Мне пришлось многое прочитать про этот город. С большим интересом я рассматривала открытки и фотографии, на которых он изображен. Сколько пересмотрела фильмов о Баку – уже сбилась со счёта. Как-то так получилось, что в Азербайджане я мечтала побывать с детства. Мне повезло, потому что мечта моя сбылась. Мало того, что мне удалось побывать в этом городе – в нем живут мои друзья. Но об этом как-нибудь в другой раз. Сегодня я хотела бы написать, откуда произошло название этого города, и как оно переводится на русский язык.

– Конечно! Переводчику всегда и везде надо знать больше остальных! – может воскликнуть кто-то и будет прав.

Дело в том, что переводчик – уж такой человек, ему и вправду всегда надо знать «чуть больше»: хоть с точки зрения топонимики, хоть с точки зрения словообразования. А уж перевод – это святое дело! Профессия, если можно так сказать, обязывает!

Итак, Баку.

Попробуйте спросить у жителей этого города, как же переводится это название. Многие ответят: «Город ветров». А почему же именно «город ветров»? Только потому, что с Каспийского моря, на котором стоит этот город, постоянно дует ветер? Но там и солнце светит довольно часто, и, тем не менее, «солнечным городом» Баку назвать не поторопились.

Начать хотелось бы с того, что некоторые страны имеют отличные от тех, как их называют в географии, названия. Так, услышав «Земля Обетованная», любой сразу поймёт, что речь идёт об Израиле. А какую страну часто называют «Поднебесной»? Конечно, Китай! А почему, интересно, «Большое Яблоко» (Big Apple) – это Нью-Йорк, а Одесса – не просто Одесса, а «Одесса-мама»?

– Так привыкли! – скажет кто-то. – А, как известно, «привычка свыше нам дана».

Так, быть может, называть Баку «городом ветров» – это не более чем устоявшаяся привычка?

Что же? Вперёд, на штурм топонимики – науки, изучающей названия городов. Всё дело (приготовьтесь удивиться!) в... произношении. Да-да, именно в нём. Ни один, занимающийся историей языка человек не обойдёт такой важной вещи, как произношение. Итак, в России, а так же в Казахстане, Кыргызстане и почти во всех европейских странах Баку так и произносится – «Баку». Для языков вышеперечисленных стран другое произношение не то, чтобы нетипично – да никому в голову не придёт называть Баку как-то по-другому. Ах, да, прошу прощения. Забыла упомянуть ещё татарский язык. Из полнейшей солидарности то ли к русскому языку, то ли к европейцам татары произносят Баку так же, как это делаем мы. А вот башкиры решили подать руку азербайджанцам. И те, и другие называют Баку несколько иначе: Баки (Bakı). Тут кроется маленькая хитрость. Буква «i», которую мы привыкли видеть с точкой, в азербайджанском языке может иметь правописание без точки. И тогда произношение «и» меняется на «ы». Где уж буква ухитрилась «потерять» крохотную точку – сложно сказать. Но факт остаётся фактом: раз точки нет – читать приходится по правилам, то есть – «Баки». Ну, да и ладно.

Турки же, язык которых, как утверждается, очень похож на азербайджанский, букву «ы» в названии этого города и по давню читают как «ю». Соответственно, «Баку» видоизменяется и произносится как «Бакю». В таджикском и узбекском произношении конечная «у» не претерпела никаких изменений. Только «а» поменяли на «о». И получилось «Боку». (Только слова «мерси» впереди не хватает! Но это, конечно же, шутка).

Почему речь пошла о произношении – только потому, что произнесенные по-разному звуки могут в переводе дать разные значения.

Итак, «город ветров»...

Заглянем-ка внутрь истории, но не будем шагать далеко. Ограничимся XVIII веком. То есть обратимся не к древне-, а к староперсидскому. С начала века Баку назывался... «Бадкубе» (هبادكوب). Это ещё что за название такое? Да всё очень просто. Староперсидское «Бад» обозначает «ветер», а «кубе» (образованное от глагола «кубидан») – «колотить», «сильно бить». Стало быть, место, в котором разгуливает («сильно бьёт») ветер, – это и есть «Бадкубе». Однако до сих пор идут споры, имеет ли такое объяснение научную основу. Или же это больше образное сравнение, близкое уж если не к мифологии, то к народной этимологии?

Шагнём ещё глубже, в XV век. И там, в среднеперсидском языке, оказывается, есть другой перевод этого слова – «Гора Бога». Да и Баку пишется как-то совсем уж не так, как привыкли его читать: Багкух. («Baǰkuh»). По одному утверждению получается, что Баку – это «город ветров», а другие источники говорят о том, что перевод здесь совсем иной: «гора Бога». Весьма интересно. Не желая соглашаться с этим переводом приводят в пример название похожего города в Ираке – «Багдад». Его название происходит от среднеперсидского bag-dād, bag-dāt, – «богом данный». Есть ли что-то близкое в звучании слов «Баку» и «Багдад» – вопрос спорный. Однако такая теория имеет право на существование.

Получается немного запутанно, потому что всё настолько похоже звучит, что с первого раза и не разберёшься. Версий перевода названия города всего-то из четырёх букв оказалось более, чем достаточно. Но какая же из них верная?

Чтобы не строить догадок на пустом месте, обратимся к книгам, написанным Сарой Ашурбейли (Sara Balabəy qızı Aşurbəyli, 27.01.1906 – 17.07.2001). Она была выдающимся азербайджанским историком, востоковедом и ученым, крупнейшим специалистом по ранней и средневековой истории Баку. Проведя исследования, Сара Ашурбейли пишет, что в научных кругах существует предположение (опять же предположение, а как хотелось бы знать это точно!), основанное на исследованиях английского египтолога Флиндерса Петри. Он полагает, что

название «Баку» тождественно слову «Bakhaus», которым обозначается гора, над которой стоит небо. Этимология слова, как считает английский ученый, здесь та же: оно может быть возведено к слову бакá – «утренняя заря». Однако не следует забывать, что такую версию перевода слова «Баку» предлагает исследователь Древнего Египта, египтолог. Баку и Египет... Что между ними может быть общего? Версию можно было бы сразу отринуть, как несостоятельную, если бы не... раскопки. Они лучше всяких других свидетельств говорят о связях Древнего Египта с Азербайджаном. В частности, в районе села Човдар нашли бронзовую статуэтку богини Баст с головой кошки. В Мингечауре (Мингячевире) при раскопках были обнаружены фигурки египетских скарабеев, возраст которых был определен как II тысячелетие до нашей эры. Существовала ли между Египтом и Азербайджаном какая-то связь? Однозначно – да. Найденные артефакты перевесят сотню других доказательств. Но при этом про Баку не говорится ничего, поэтому придется отложить в сторону отождествление топонимики с названием этого города. Слишком мало доказательств.

И всё-таки, какой же из переводов названия города самый правильный? Из всех версий наиболее распространённой является всё-таки «город ветров». Это совсем не значит, что остальные варианты не имеют права на существование. Имеют! Если честно, мне больше по душе перевод «гора Бога». Но каким бы ни был перевод, Баку – это Баку. Один из самых любимых моих городов. Город с невероятной энергетикой, достопримечательностями, которые больше нигде не увидишь, и богатой историей.

Город, который я, наверное, буду любить вечно.

Как человек, конечно.

Не как переводчик.

И терпеливый бывает ироничен

(К 160-летию азербайджанского поэта-сатирика Мирзы Алекпер Сабира)

Март 2020 года. Мы идём по бакинским улицам. Ощущение у меня такое, что зима внезапно сменилась на лето. Два дня назад в Москве был очень даже приличный минус. Муж, который ждал отхода поезда «Москва-Баку» с Курского вокзала, больше походил на снеговика. Ещё бы! Казалось, снегу, который падал с тёмно-синего, почти чёрного, неба, не было ни края, ни конца. Или наоборот – ни конца, ни края. Это уже было не очень важно. Особенно для провожающих, которые, подняв воротники и засупонив куртки, приплясывали на перроне от холода.

В Волгограде снега не было, но дул очень сильный ветер. Вышедшие было из тёплых вагонов пассажиры быстро поняли ошибочность своих действий и поспешили вернуться назад, в купе.

Махачкала, в которую мы прибыли утром, нас встретила едва наметившимся теплом. Но такое оно было робкое, это тепло, такое слабенькое, что сложно было поверить в то, что оно вообще где-то есть. Короче говоря, в России было ещё довольно холодно, а здесь...

Здесь уже вовсю зеленела трава. Цвели абрикосовые и алычовые деревья. На улицах продавали пучки первой, только что сорванной кинзы.

Баку – благословенный город! Очень приветливый и улыбчивый. Наверное, это оттого, что люди, которых мы видим на улице, тоже постоянно чему-то улыбаются.

– Народ у вас очень доброжелательный, – обращаюсь я к Ляман, – такое впечатление, что город состоит из одних улыбок.

– Собственно, почему бы им не улыбаться? – отвечает она. – На улице весна, яркое солнце и хорошая погода. Разве этого недостаточно для хорошего настроения?

Впереди возникают стены Ичери шехера («*İçəri şəhər*» – «внутренний город» – **прим.авт.**), и руки сами тянутся к фотоаппарату. Величие каменных стен говорит само за себя, и совсем недалеко виднеется памятник. Что мне нравится в Баку – это особое, я бы даже сказала, трепетное отношение к культуре. Увековеченных в бронзе и камне политических деятелей там почти нет. Зато есть те, кому действительно можно поклониться за вклад в искусство. Статуи русских, азербайджанских и персидских писателей и поэтов можно увидеть и на Национальной Азербайджанской библиотеке, и на здании Музея Азербайджанской литературы. (Первые два дня я постоянно путала два этих строения – такими похожими они мне казались). Пока я смотрю на всё то, что меня окружает и делаю на память снимки, Ляман успевает уйти вперёд. Мне приходится ускорить шаги, а она уже ждёт меня у памятника, который я заприметила чуть раньше.

– Узнаешь, кто это? – задает мне вопрос Ляман. Я смотрю на неё, потом на памятник и... на секунду застываю от неожиданности. Это же Сабир! Поэт, стихотворения которого я услышала два года назад. Именно тогда я поняла, насколько красив азербайджанский язык.

В интернете фотографий поэта Сабира можно найти много. Правда, ни на одном фото он не запечатлен с улыбкой на лице, что поначалу меня сильно удивляло. Я никак не могла отделаться от мысли: «Какая же, наверное, тяжёлая жизнь выпала на долю этого человека, раз у него везде грустный и, я бы даже сказала, суровый взгляд!»

А жизнь у Мирзы Алекпера Зейналабдин оглы Тахирзаде (так звучит его настоящее имя) действительно была очень тяжёлой. Может быть, именно поэтому впоследствии поэт выбрал себе псевдоним «Сабир», что в переводе с арабского означает «терпеливый». Иногда он подписывался как Мират, Фазил, Алган-Гюлеген, но почему-то прочнее остальных за ним закрепился именно псевдоним «Сабир».

Нет сомнения, что многие, кому задали бы вопрос: «Что является главным в отношениях между членами одной семьи?», в первую очередь назвали взаимопонимание. Наверное, это и было бы самым правильным ответом. А как же иначе? Если люди, которые живут под одной крышей, постоянно видятся и общаются, но не понимают или не доверяют друг другу – семьёй такое общество уже не назовёшь. Мне очень нравится, как по этому поводу высказался профессор кафедры стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО Абузар Мусаевич Багиров: «Из-за отсутствия духовных связей и элементарного взаимопонимания между самыми близкими людьми одной крови их взаимоотношения становятся настолько отчужденными, что и самый гениальный романист не придумает ничего подобного».

Не согласиться с этими словами нельзя. Из-за неприятия взглядов одного члена семьи другими сломано много судеб и оборвано бессчётное количество жизней. Прото, сколько пропало талантов, не приходится даже говорить. Непонимание – по своей сути страшная вещь, если заглянуть в самую суть этого понятия и попытаться разобраться в нем более детально. Но в данном случае у меня нет цели вдаваться в психологию. Единственное, что хотелось бы подчеркнуть, – это то, что непонимание в семье будущего поэта царило постоянно. Прояви отец хотя бы небольшое внимание к стихам сына, которые он начал писать, будучи ещё совсем маленьким, – возможно, Сабир сложился бы как поэт намного раньше. Мальчик, у которого блестящие глаза, если случалось ему узнать что-то новое, тянулся к знаниям, как растение тянется к свету. Впрочем, знания тоже можно сравнить со светом. Только в духовном понимании. Ах, если бы ему удалось получить хорошее образование! Хотя... отодвинем в сторону все «бы». Жизнь не живётся в условном наклонении.

Противился ли отец будущего поэта-сатирика обучению своих детей? Отнюдь. Будучи сам не очень начитанным человеком, он не отрицал того, что его дети должны получить хотя бы начальное образование. Поэтому, как только маленький Мирза Алекпер научился писать и читать, его сразу же отправили учиться в медресе – религиозно-просветительское и учебное заведение. Здесь хотелось бы провести параллель: равно как в России школы существовали в основном при церквях, так и на Востоке учебные заведения зачастую открывались при мечетях. Точно так же основной упор там делался не столько на приобретение знаний, сколько на понимание основ религии. Порой учителя не отличались широким кругозором, зато были строги и даже несправедливы к ученикам. Розги, которые частенько шли в ход в русских церковно-приходских школах XIX в., применялись и в медресе. Правда, Мирзу Алекпера, который обладал скромностью и тихим нравом, наказывали крайне редко. Одним из «грехов», который он совершил в восемь лет, было то, что он написал на клочке бумаги небольшое стихотворение. Увидев строчки, набросанные на бумагу детским почерком, учитель рассердился и несколько раз ударил мальчика плёткой по рукам, а потом рассказал о «недостойном поведении» своего ученика его отцу. Тот, посмеявшись над глупым, по его мнению, занятием, разорвал бумагу со стихами на мелкие клочки и велел маленькому Алекперу впредь не заниматься никчёмным переводом бумаги.

Как было бы хорошо, если бы родитель в ту минуту похвалил сына! Если бы подобрал не насмешливые, а добрые слова! Увы, этого не произошло. Ведь у отца будущего поэта-сатирика были совсем другие планы и интересы в этой жизни. Нуждаясь в помощнике, он всё чаще и чаще просил паренька помочь ему торговать в небольшой бакалейной лавке, которую в своё время смог открыть с большим трудом. Алекпер не отказывался, стараясь совмещать работу за прилавком и учёбу в школе. Правда, надо отметить, что торговец из мальчика был никудышный. Как тут не вспомнить слова одного из героев фильма «Не горюй!», который попал в тюрьму за неплату налогов.

– Почему люди так боятся тюрьмы? – удивлялся врач Бенджамен Глonti. – Разве больному постель – не тюрьма? Торгашу его лавка – не тюрьма?

Именно такой тюрьмой и стала маленькая отцовская лавка для Мирзы Алекпера Сабира, который всей душой любил литературу и хотел писать стихи, а не простаивать часами за прилавком.

Надо же было случиться такому совпадению, что именно в это время выдающийся азербайджанский поэт Сеид Азим Ширвани открыл в Шамахи (*совр. Шемаха* – **прим. авт.**) собственную школу, в расписание занятий которой были включены история, география, астрономия, а также азербайджанский и русский языки. Видя, что пребывание сына в торговой лавке ни к чему не приводит, отец неожиданно уступил просьбам мальчика – отдать его в новую школу. «Может быть, освоив более сложные науки, он хоть в этой школе научится правильно считать деньги и превращать товар в доходы», – подумал он.

А двенадцатилетний паренёк был далёк от этих мыслей. Буквально с первых дней появления в школе он снова стал писать стихи, отметив про себя, что новый учитель придерживался совершенно иных взглядов на науку и в особенности на литературу. Поэтому всё то, что у него получалось, он незамедлительно показывал Сеиду Азиму. Тот, в свою очередь, сразу же разглядел, что его ученик обладал талантом стихосложения, и стал всеми силами его поддерживать. При этом он исправлял ошибки в стихотворных размерах, которые Мирза Алекпер допускал по незнанию. Позднее, увидев, что любимый ученик тяготеет не просто к сочинению стихотворений, а к сатире, Сеид Азим Ширвани приложил немало сил, направляя творчество юноши в нужное русло. Можно сказать, что именно Ширвани сыграл решающую роль в формировании Мирзы Алекпера как поэта.

То, что перед ним личность далеко незаурядная, Ширвани понял сразу. В свои двенадцать лет Мирза Алекпер видел царившую вокруг несправедливость, и его строчки рождались одна за другой. Он словно не писал, а выплескивал на бумагу то, что видел. Но в этих строчках, помимо смеха, был гнев такой невероятной силы, что даже Ширвани, учитель, порой удивлялся тому, как тонко мог чувствовать мир юный поэт.

Но самое главное, на что мне хотелось бы обратить внимание, – это на то, насколько стихи, которым более ста лет, созвучны дням сегодняшним.

- Не смей глядеть!
- Не смею. Не гляжу.
- Молчи!
- Молчу. Ни слова не скажу.
- Не слушай!
- Что ж, попробую и так.
- Не смейся!
- Смех попробую зажать в кулак.
- Не думай!
- Стоп! Вот тут уж дудки! Нет!

*На мысль, прости, не выдуман запрет.
Коль я живу в бушующем огне,
Я вместе с ним пылаю наравне.
Спокойно тлеть немислимо в пути,
И ты со мной так глупо не шути.*

Читая эти стихи, невольно вспоминаются слова о том, что хорошие стихи сродни хорошему вину: как вино от времени приобретает более насыщенный вкус, так и стихи – и, наверное, я не ошибусь, если скажу, что стихи именно сатирического плана – не теряют своего злободневного смысла.

*Судьбы коварство испытал наш край,
А будет хуже.
Ликуем мы – ведь нам обещан рай,
А сами – в луже.*

Разве эти строчки нельзя применить к событиям сегодняшнего дня?

Если бы можно было перефразировать слова Максима Горького из его знаменитой «Песни о Соколе» – «рожденный ползать летать не может» и поменять глаголы «ползать» и «летать» местами, получилось бы так, что рожденный летать в небесах ни за что бы не смог ползать по земле. Из Сабира, который больше всего на свете любил литературу, так и не получился торговец. Зато получился беспощадный поэт-сатирик.

*Стих – это жемчуг драгоценный, его не обесценю ложью.
Не жди похвал – не одописец я! Мне льстить и угождать негоже.
Мой стих сатирую прольется – пути иного быть не может.
Пусть мир услышит голос правды: мне истина всего дороже*

Позднее Сабир начал печататься в сатирическом журнале «Молла Насреддин» («Molla Nəsrəddin»). От имени мудреца Насреддина со страниц этого журнала высмеивались пороки общества. Что хотелось бы отметить? Наверное, то, что быть напечатанным в известном журнале – всегда честь для автора. Но в данном случае произошло наоборот. Нельзя сказать, что в журнале считали за честь, если Сабир приносил в редакцию свои стихи. Однако с уверенностью можно отметить тот факт, что именно благодаря этому поэту журнал стал читаемым и переходил из рук в руки.

Когда-то русский писатель А.П. Чехов тоже сотрудничал с юмористической прессой: журналами «Стрекоза», «Осколки», «Будильник», «Зритель» и некоторыми другими. Чтобы проявить себя в подобных изданиях, юмористу нужно было уметь обличать злых тещ, обжор, модников, невежественных купцов и начальство не выше дворника. Длилось это сотрудничество более семи лет. Одновременно с популярностью писателя росла популярность журналов. Многие читатели стали покупать сатирические журналы, чтобы почитать именно Чехова. Если провести несложную аналогию, то же самое можно сказать про сотрудничество журнала «Молла Насреддин» и азербайджанского поэта-сатирика, который написал свои первые строчки в восемь лет. После этих публикаций прошёл целый век. Но сейчас сложно представить себе, стало бы популярным это издание, если бы в нём не были опубликованы стихи Сабира.

ГЮЛЮШ АГАМАМЕДОВА

Исторический реваншизм

История интересна всем, начиная с маленьких детей, перелистывающих красочные книжки с картинками гладиаторов и спартанцев, до увлеченных сединами ученых старцев, копающихся в архивной пыли в надежде обнаружить редкий документ, способный пролить свет на тысячелетнюю тяжбу между соседями. Каждое новое архивное свидетельство правоты одной из сторон придает сил, вдохновляет на новые подвиги. Побуждением, толкающим на великие деяния, часто является обида, resentment (*fr. Ressentiment*). Модное сегодня слово, но оно точно отражает состояние; это и обида, и злость, и желание отомстить. Чувство обиды разъедает личность, способствуя деградация морали. Пребывание в статусе обиженного непременно приведет к желанию отомстить. Богини мести Эринии будут жалить свою жертву, пока не доведут ее до состояния безумия. А если к тому же обида застарелая, вековая, то она передается следующему поколению, обрастая мифами, а иногда превращаясь в черную страшную сказку. Пример одной из таких страшных сказок, лежащих в основании юдофобии, – безумный миф о том, что евреи при приготовлении праздничной выпечки подмешивали в тесто кровь убиенных христианских младенцев. Что сказать?

Разве не нужно знать и ценить свою древнюю, а иногда и не очень древнюю историю, уважать своих героев и помнить о врагах? Никто не спорит с тем, что лучше знать историю и желательно не из одного источника, а из нескольких, но при этом не впадать в состояние пафоса, когда все, что касается собственного этноса, приобретает черты легенды, тогда как вековые соперники окрашены в стойкий черный нелиняющий цвет. Почему так происходит? Неужели нет возможности объективно рассказать о прошлых, да и происходящих сейчас событиях? Угол зрения – важный инструмент, которым пользуются все псевдоисторики и пропагандисты. Видение ситуации человеком, имеющим власть, и тем, кто работает, не разгибая спины, чтобы не умереть с голоду, не может быть одинаковым. Власть имущий чаще всего владеет информацией в большем объеме, чем обычный гражданин, и пользуется полнотой информации, умело маневрируя.

Пример: угол зрения на пакт Риббентропа – Молотова. Кто-то уверяет, что Сталин пытался выиграть время, чтобы укрепить советскую армию. Но есть и другое мнение: союз двух диктаторов, заключивших сделку, чтобы захватить и поделить Европу. Мотивы агрессора известны. «Ты виноват, уж тем, что хочется мне кушать». А как быть жертве? Культивировать чувство обиды, resentment, или «подставить другую щеку»? В истории есть много примеров умиротворения агрессора. Чем заканчивается подобная «миротворческая» миссия известно. Мюнхенский сговор не умерил аппетиты Гитлера, наоборот. Агрессор, распалившись от безнаказанности, требует все больших жертв. Сценарий повторяется неизменно, однако, как оказалось, уроков никто не извлекает. В нашем случае война в Карабахе продлилась столько лет и еще, похоже, до конца не завершена, по той же причине. Агрессор не был наказан в первой Карабахской войне.

Как все-таки отделить разрушающее личность чувство обиды от права на защиту? Сложно. Иногда просто невозможно. Однако стоит порассуждать на эту тему. «Взявший меч, от меча и погибнет» – библейская истина. Главное – отличить агрессора от жертвы. Для оправдания своих целей агрессор использует неоднократно испытанный «джентльменский набор», обязательной составляющей которого является

исторический реваншизм. Чаще всего этим грешат бывшие империи, либо те, кто живет мифами о своей исключительности и величии.

Рецепт оживления исторического реваншизма прост. Внушить народу, то есть каждому человеку данной общности, чувство обиды. Объяснить всем и каждому, что он обижен не потому, что правитель коррумпирован и вместо того, чтобы заботиться о благе народа, печется только о себе любимом и своем непосредственном окружении, а потому, что у него отняли то, что принадлежало бывшей империи, в которой жили его предки. И прежде всего у него отняли чувство превосходства. Тогда единственный выход из сложившегося «невыносимого» положения – месть, «справедливое» решение проблемы, которая им навязана их же собственной властью.

Россияне «мстят» украинцам с 2014 года.

Сначала они захватили Крым, «исконную» русскую землю, наплевав на признанные международным сообществом границы суверенной Украины. Проглотив жемчужину Украины, Крым, при попустительстве все того же международного сообщества, Россия не успокоилась, а пошла дальше. Агрессор не получил отпора. Также поступили и наши соседи армяне. Захватив Нагорный Карабах, они не остановились на достигнутом, а захватили почти 20% территории Азербайджана.

Каким образом агрессор, захватывая чужие земли, способен побудить свой народ на кровавую захватническую войну? Как ему удастся объяснить необходимость отправить на бойню мужчин и даже мальчиков? Почему те, кого используют в качестве пушечного мяса, не повернут оружие против своих мучителей? Тут вступает в игру идея «Исторического реваншизма». На сцену выходят пропагандисты, по сути, провокаторы, которые настойчиво объясняют людям, как их обидели. Денно и ночью внушают чувство resentimenta и обиды. В ход идут все подручные средства. Из пыльных архивов достают карты бывших империй. Если таковых нет, то не грех и придумать во имя «великой цели», как в случае с «великой» Арменией от моря до моря. Рассказы о коварных врагах, которые не сегодня завтра обязательно нападут на единственную цитадель Добра, горячо любимую Родину, звучат на всех информационных площадках с раннего утра до поздней ночи.

Подобная массированная атака на сознание людей, да еще в случае тяжелой беспросветной жизни, обязательно выльется в кровную обиду на соседа, другой образ жизни, другую систему, другие идеалы. Список бесконечен. Это они, другие, виноваты во всех твоих бедах. При умелой обработке сознания людей, через некоторое время ядовитые идеи внедряются в умы и, главное, в души людей и превращают их в послушное орудие властей. Чувство обиды культивируется в качестве базового элемента для обоснования агрессии. Исторический реваншизм победно наступает.

Вторая мировая война – следствие идеи исторического реваншизма Гитлера после поражения немцев в Первой мировой войне, потере Эльзаса и Лотарингии и заключения Версальского мира.

В качестве обоснования агрессии против Азербайджана Армения использовала миф об «исконной» армянской земле в Карабахском ханстве.

Современная российская агрессия против Украины – реванш ушедшей в прошлое российской империи, так и не избавившейся от идей о былом величии. Одно из последних заявлений господина Медведева, одного из столпов российского государства: «Украина – это, по-честному, часть России». Без комментариев.

Смогут ли народы когда-нибудь отказаться от агрессии и решать проблемы путем дискуссий и договоров? Не уверена. Но стремятся к этому все, кто не хочет повторить судьбу Пауля из романа Эриха Марии Ремарка «На западном фронте без перемен», оказавшегося не по своей воле в пламени войны и мучавшегося вопросом, почему он и его сверстники умирают сами и убивают других только потому, что кто-то из тех, кто на самом верху, решил, что пора показать всему миру, какой великой и могучей является их страна и какими никчемными и жалкими противники.

Информационный туман

Настоящий туман, опускающийся на землю и покрывающий все вокруг молочным покровом, сквозь который мало что различимо, случается нечасто. Отдельные предметы, люди, звуки выплывают из тумана. Картинка остается размытой, и ее большую часть приходится домысливать. О том, что же происходит на самом деле, выясняется только после того, как туман растает. Информационный туман очень похож на настоящий. Четкой картинки нет. Есть два диаметрально противоположных угла зрения на один и тот же предмет. В век интернета, когда любое событие мгновенно тиражируется и зачастую репортаж идет с места событий, такого рода туман становится возможным в случае искусной работы «fakemaker»-ов. Например, кроме обычного монтажа, когда кадры нарезают в нужном ракурсе, какие-то кадры исключают из репортажа и т.д., есть еще то, что называют «консервами», то есть заранее записанные ролики с ключевым персонажем, используемые затем в нужный момент. Любопытная практика, ставшая определяющей на российских каналах, когда мы видим российского президента в разных условиях и ситуациях, а уже потом въедливые зрители указывают на проколы в приготовлении тех же «консервов». Испорченные видео консервы – ядовитый продукт, впрочем, как и неиспорченные.

В документах Пентагона, слитых в сеть неумным молодым американцем Джеком Тейшером, несмотря на их доказанную подлинность, также обнаружилась лживая информация. Все, кто более или менее знаком с темой, отметили, что 30% информации похожи на фейк. Кто ею манипулировал, осталось за кадром.

В нашем случае, в ходе 44-дневной карабахской войны, известный российский военкор Семен Пегов (и не он один) рассказывал о ситуации на фронте, которая, мягко говоря, не соответствовала действительности.

На что надеются те, кто запускает в эфир заведомо лживую информацию? На то, что потребитель, совсем как наркоман, привыкший к ежедневной дозе, не слезет с иглы, а будет потреблять один и тот же знакомый наркотик? Потребитель готов глотать любую инфу, лишь бы она повергла его в нирвану, где можно вообразить все, что угодно. Что российские чудо-богатыри спасают братьев украинцев от коричневой чумы нацизма, как когда-то их деды. Армянские вооруженные формирования, 30 лет оккупировавшие азербайджанские земли, разрушившие города и села, заминировавшие каждый клочок земли, чтобы туда не смогли вернуться изгнанные азербайджанцы, являются на самом деле «освободителями», проигравшими битву, а не сражение.

Возможно ли достучаться до любителей наркотического, заведомо фейкового информационного продукта? Не знаю. Начинаю сомневаться.

Понятна позиция тех, кто подобный туман напускает. Они в этом кровно заинтересованы. У них на кону стоят капиталы и, в конечном итоге, жизнь. Они будут до последнего изворачиваться и лгать. У них нет другого выхода. Те, кто их обслуживает, работники информационного фронта, выбрали себе хозяев. Им платят. Хорошо платят. Независимый журналист, пытающийся разглядеть истину, несмотря на густой информационный туман, как правило, небогат. Конечно, лучше быть «богатым и здоровым», как пел когда-то Шуфутинский. Но, если выбирать между светом и тьмой, можно согласиться на небольшие доходы. Мое персональное мнение.

Потребители фейков, те, кто «обманываться рады», чем руководствуются эти люди? Безграничной, безоговорочной верой.

И вот тут появляется интересный момент. Сближение фейкового нарратива с религией, где так же базой является безоговорочная вера, где не надо приводить разумные аргументы. Вера, по определению. Как веруют в Христа, Мохаммеда, так же веруют в короля, наместника Бога на Земле, в современных условиях – в президента,

при автократическом режиме. Приблизительно такого рода веру формируют инфо-работники. Практически, религиозную веру в то, что вещают официальные источники информации.

На днях прошла любопытная и показательная информация от российского сайта Mediazona: «Из российского учебника для четвертого класса убрали упоминания Киева в разделе о Киевской Руси. В новой редакции учебника «Окружающий мир» для четвертого класса, выпущенного издательством «Просвещение», убрали несколько упоминаний Киева в главах об истории Киевской Руси. Об этом сообщает «Медиазона», которая ознакомилась с несколькими страницами новой версии учебника и сравнила их с версией 2021 года.

«Медиазона» также заметила, что в версии учебника 2021 года говорилось, что князь Владимир крестил весь народ в Киеве, а в новой версии – «в столице». Также поменялась фраза «После смерти Олега в Киеве стал править князь Игорь». Теперь она звучит так: «После смерти Олега Русью стал править князь Игорь».

Очевидно, что на глазах происходит переписывание истории. Можно быть уверенным, что если ситуация коренным образом не поменяется, то через какое-то время Киевская Русь может превратиться в Московскую Русь. Если принять во внимание, что текст, а вместе с ним достоверность информации фигурирует в учебниках для детей, то очевидно, что, повзрослев, большинство уже взрослых не будет сомневаться в полученных «знаниях». Не все же будут заниматься серьезными историческими изысканиями. Ложь, заложенная в учебниках в качестве мины замедленного действия, представлена в стиле *mensonge par omission*/ложь по умолчанию, полуправда. Заменяв название «Киев» на слово «столица», составители учебника формально не сказали неправды. Киев на тот момент являлся столицей Руси. Но именно в этом и состоит лицемерная тактика форматирования сознания: стереть из истории все, что не вписывается в национальные «скрепы», и уже с детства формировать определенное видение мира.

В современном мире, где существует международное право, уважаются права человека, признанные границы государств, апеллировать к истории, а, тем более, хорошо подкорректированной для того, чтобы оправдать агрессию, – преступно. Тем не менее, процесс идет. Апелляция к фейковой информации налицо. И главным элементом в успехе такого нарратива является внедрение в менталитет народа заведомо ложных идей об исключительности, древности, праве сильного, безнаказанности «великих» наций. При таком положении вещей не стоит удивляться, что целая нация может оказаться зомбированной. В плену своих представлений о «величии», ради которого и кровавая война, развязанная против соседа, находит оправдание. Как следствие, и поддержку преступных властей. Вероятно, прозрение наступит лишь после жестокого поражения. И то, заложенные «исторические» мины, совсем как мины, которыми, в нашем случае, армяне засеяли землю Карабаха, будут рваться и дальше. Никто не скажет, когда закончится безумие. Увы...

Превосходство

Любой из нас в определенной ситуации чувствует себя интереснее, сильнее, образованнее других. Конечно, могут быть исключения из правил. Какой-нибудь мудрый-премудрый монах-отшельник почитает за благо объявить себя самым ничтожным из земных созданий. Хотелось бы верить, но кто может знать наверняка, какие мысли одолевают монаха в его уединении.

Недавно прочла рассказ Тараны Вахид «Я – пылинка». В нем главный персонаж, женщина, прошедшая сложные испытания, хотела бы стать пылинкой, частичкой Вселенной, ничего не значащей, ни за что не отвечающей, легкой, свободной, вольной. Самой малой частичкой Вселенной. Пылинкой.

Через что должна была пройти эта женщина, чтобы пожелать себе такую судьбу. Уничтожение. Желание потерять свою личность, исчезнуть. Стать ничем. Та невидимая грань, перейдя которую, человек растворяется в массе таких же безликих пылинки. Крайность? Возможно. Эта крайность позволяет другим, тем, кто верит в свое превосходство, самоутверждаться.

Идея превосходства сопровождает человечество на протяжении всей его истории. Превосходство мужчин над женщинами (в редких случаях женщин над мужчинами), сильных над слабыми, умных над глупыми, белых над черными, гетеросексуальных над гомосексуальными, в конце концов, просто взрослых над детьми. И самое главное: превосходство одной расы над другой. Именно это чувство превосходства позволило совершить тем или иным народам, расам, геноцид над теми, кого они определяли, как «недочеловеки».

Всем известна расовая теория Гитлера, ввергнувшая образованную и культурную нацию немцев в ад геноцида других народов. Раса Ариев, Арийцев провозглашалась высшей расой, имеющей бесспорное право на владычество над миром. И в первую очередь расширение жизненного пространства. Совершенно законными, по нацистской расовой теории, объявлялся захват чужой территории и уничтожение местного населения. Данная теория, кроме того, что она псевдонаучна, смешивает лингвистическую и антропологические характеристики, она еще и просто преступна.

Арийцами в научном контексте называли носителей индоиранских языков. В эту группу входили индусы, персы, цыгане и таджики. Да, те самые цыгане, которых Гитлер наравне с евреями обреч на уничтожение.

Расовую теорию фюрер позаимствовал у французского дипломата и философа, аристократа Жозефа Артюра де Гобино. В его труде «*Essai sur l'inégalité des races humaines*» («Эссе о неравенстве человеческих рас», 1853), граф в соответствии с названием убеждает читателя в том, что есть расы высшие и низшие. В его труде определение «раса» расплывчато. В некоторых случаях оно трактуется как этнос. Данную трактовку использовал Гитлер.

Как получилось, что вполне разумные в самом начале пути Веймарской республики немцы пришли к такому трагическому разлому своей истории? Вопрос, на который до сегодняшнего дня ищут ответа и находят с разной долей успеха. Он остается актуальным и поныне. Дело в том, что в XXI веке идея превосходства одной расы над другой не потеряла своей актуальности, а значит сползание какой-либо нации в пропасть геноцида и сегодня возможно.

Теория, настаивающая на превосходстве одного этноса над другим, оказалась востребованной ярким армянским националистом, в сегодняшней Армении возведенным в ранг героя, Гарегином Нжде. В качестве идеолога Нжде придумал свой термин. *Цехакронизм*. В этом слове соединены два армянских слова: род и религия. Род, этнос, чистота крови, а для освящения данного постулата просто необходима религия. «Чистота крови» – одно из главных условий процветания и сохранения нации по Нжде. Мы помним, как трепетно нацисты относились к вопросу о «чистоте крови». Они приняли так называемые «Законы Нюрнберга» от 15 сентября 1935 года. Было принято три закона. «Закон о знамени Рейха», «Закон о гражданстве Рейха» и «Закон о защите немецкой крови и чести». Да, именно так назывался закон. О защите немецкой крови и чести. Евреи не имели права, по этому закону, вступать в законный брак с немцами и даже иметь внебрачную связь. За подобное «преступление» полагалось наказание в виде тюремного заключения, вплоть до смертной казни. Много чего еще придумали нацисты, не буду углубляться. Вот чистота крови и соответствующий антураж, ведущие к образованию моноэтнического государства, где этнос выступает в качестве истины в последней инстанции – это и есть квинтэссенция нацизма и, как следствие, геноцида «недочеловеков». Идея превосходства нации, рода, племени, «расы» неотвратимо приводит к деградации, к краху.

Гитлер пришел к власти в результате многих причин, но упомяну об одной из них, о которой не всегда вспоминают. А именно, об идее превосходства.

В Веймарской республике, первой демократической республики Германии, во главе государства стояли аристократы, в частности, вторым президентом был Пауль фон Гинденбург. Генерал и аристократ. Рейхсканцлером стал Франц фон Папен.

Гитлер, чтобы своротить электорат, поставил на карту «своего парня», близкого к простому народу, понимающего чаяния простых немцев. То есть, для привлечения электората он выступал в качестве антипода персонажей по определению «превосходного», аристократического происхождения. Изображая на публику простого «рубаху-парня», он в то же время вел с аристократами тайные переговоры. Уже позже, придя к власти, он использовал ту же идею «превосходства» для того, чтобы привлечь всех немцев, уверяя их в том, что они «высшая раса», которой позволено все. В том числе и геноцид. Очевидно, что фюрер очень ловко поймал момент и манипулировал сознанием немцев. Политика фюрера, использовавшего в построении Рейха все низменные инстинкты человеческой природы, привела к известному всем результату.

Идея превосходства может прорасти из многих постулатов. Древности нации, избранности богом, просвещенности. Выбор большой. Выбирай постулат (бездоказательное положение) и начинай культивировать идею превосходства (конечно, чаще всего политики в подобных случаях действуют в своих корыстных целях. Правда, иногда увлекшись идеей, они и сами начинают в нее верить). Собственные корыстные цели и роль пророка вполне могут дополнять друг друга).

Идея превосходства бесспорно присуща имперскому менталитету, по той причине, что империя, поглотив множество народов и, как правило, подчинив их, хотя бы условно, титульной нации, несет в своей основе идею превосходства этой самой нации. Империя, как любая чрезмерная и негибкая институция, рано или поздно разрушится. Но вот имперский менталитет... С ним все сложнее и хуже. Он, как заразный вирус, может отравлять сознание титульной нации долгие годы, иногда столетия.

Сейчас, когда благодаря интернету мы можем наблюдать то, что происходит в любой точке мира, все, как на ладони.

К примеру, президент Макрон, приехавший в Ливан и пожуривший, как плохих учеников, премьер-министра Ливана и высокопоставленных ливанских чиновников после взрыва горючих материалов в порту Бейрута в августе 2020 года. Такое возможно, только если вспомнить, что Ливан когда-то был под управлением Франции после первой мировой войны. По этой причине, вероятно, французский президент позволяет себе патерналистский тон. Чувство собственного превосходства он даже не пытается как-то скрыть. Отмечу, что Франция первая оказала помощь ливанцам. Кто-то скажет, что в подобном случае можно проглотить высокомерие бывшего патрона. У меня другое, противоположное мнение.

Противоположностью превосходству является равенство.

Равенство, как таковое, совершенная утопия. Нет в природе равенства, никогда не будет. Кто-то умнее, сильнее, красивее, хитрее.... У каждого из людей свой потенциал.

Так же обстоит дело и с этносами, и с государствами. Но разность не предполагает превосходства. Именно в разнообразии, в разноцветье мира и возможно найти рациональное зерно. *Melting pot*, плавильный котел, где смешались культуры разных этносов, позволил американской нации обрести свою силу. Сегодняшний расовый и этно кризисы в американской культуре, надеюсь, будут преодолены, учитывая их богатый опыт в этой области.

Мы все свидетели того, к чему приводит идея «превосходства». Не стоит об этом забывать ни одному народу, и нам, азербайджанцам, в том числе.

Градус ненависти

Под утро разразилась гроза. С неба доносились раскаты грома.

Атеист и тот начинает задаваться вопросом, что или кто свирепствует, рычит, угрожает. Зевс-громовержец, первый из небожителей приходит на ум. Чем разгневали люди верховного Бога? А может, людская ненависть, проклятия и крики ненависти превратились в небесный гром и оттуда сверху обрушились на неразумных людей.

Есть ли надежда на то, что люди прислушаются к небесам? Никакой! Может, совсем истощенная, замученная людской ненавистью, слабая надежда.

На какой почве рождается ненависть? Что является той питательной средой, в которой ненависть расцветает пышным цветом? Много факторов способствуют появлению чувства, разрушающего личность, общество и целый народ.

Назову несколько условий для возникновения ненависти, на мой, не претендующий на истину в последней инстанции, взгляд.

Первое необходимое условие – близость объекта ненависти. Он, этот объект, должен мозолить вам глаза. Все время раздражать своим присутствием. Парадокс заключается в том, что ненависть возникает иногда, а в последнее время все чаще, от близости, тесного соседства (*promiscuité*). Насилие в семьях, вражда между соседями. Правда, бывают и другие примеры.

Второе условие – страстное желание, зависть. Как ни странно, но два понятия желание и зависть неразрывно связаны. Во французском языке есть слово «*envie*». Первое значение этого слова – желание, а второе – зависть. Вы очень хотите того же, что и ваш соперник – денег, земли, женщину (мужчину), положения в обществе и т.п. Желать можно чего угодно. Очень часто после того, как вы получили то, чего так страстно добивались, наступает опустошение и разочарование. Потом тщетно пытаешься объяснить небесам, что ты хотел другое, а не то, что получил. Издержки. В идеальном варианте, зависть может способствовать конкуренции. Побуждать человека совершенствоваться. Однако чаще мы наблюдаем возникновение сначала неприязни, а дальше, при определенном стечении обстоятельств, ненависти.

Третье, но не обязательное условие, непохожесть объекта ненависти на вас. У него может быть другой цвет кожи, разрез глаз, традиции, одежда, да мало ли. Они – другие, и это вызывает раздражение, пока что лишь раздражение. В случае, если вокруг достаточно места для жилья, еды, условия для жизни приемлемы, то до поры до времени градус ненависти не переходит стадию раздражения. А вот если случилось так, что разразился кризис, нет еды, работы, нормальных условий для жизни и развития, вот тут градус ненависти начинает подниматься.

В контексте более или менее благополучного общества раздражение, первая стадия ненависти, может так и остаться раздражением. Цивилизованная форма общения, принятый в обществе этикет, столь модная сегодня толерантность определяет вполне сносное отношение к тому, что вызывает раздражение. Мигранты из неблагополучных восточных и африканских стран, живущие в западных странах, могут догадываться о том, что местные жители, автохтоны, не в восторге от их присутствия. Тем не менее, градус ненависти в отношении мигрантов не так часто достигает точки кипения.

Первое условие – тесная близость, в прямом и переносном смысле, может показаться парадоксальным. Казалось бы, любящие друг друга люди не могут желать друг друга зла. «От любви до ненависти один шаг». Банально, избито, верно. Если нет личного пространства и относительной свободы, уважения к личности, то раздражение, злость, а следом ненависть обязательно разрушат родственную связь. Вспомним Шекспира. «Гамлет», «Король Лир».

В наше время домашнее насилие – больная тема, ее обсуждают на международных форумах, принимают законы. В Азербайджане домашнее насилие присутствует особенно в сельской местности, где все больше живут по законам шариата. В частности, в зоне Лянкярана, Астары, родные все чаще отказывают девочкам в получении среднего образования и рано выдают их замуж. О том, что терпят девочки в традиционных мусульманских семьях за закрытыми дверями, можно только догадываться. Вспомним поэму Сабира «Qoyma, gəldi!» «Не позволяй, чтобы он пришел!» Он – это страшный старик, в возрасте деда, предполагаемый жених. Поэма с каждым днем становится все актуальнее. Как и все творчество Сабира.

Градус ненависти может достигнуть своей вершины, и тогда люди убивают. Сестры Хачатурян, три девочки, обвиняемые в убийстве своего отца. Московские ток-шоу смаковали (сложно подобрать другое слово) подробности вероятного преступления. Похоже, ни одна из сестер не пожалела отца-тирана, по словам очевидцев.

В патерналистском обществе, где власти берут на себя функцию покровителя, отца «неразумного» народа, ограничивая его права, низводя людей до уровня марионеток, накаляются страсти между властью и оппозицией. Чем больше амбиций у власти, тем больше разногласий с социумом, что ведет к небывалому росту ненависти в границах одного государства, одного народа. Что мы и наблюдаем в современных государствах «демократической» диктатуры.

О том, на что способна зависть, рассказано, разыграно, спето неисчислимое количество произведений, а кроме того, мы наблюдаем зависть в действии в реальной нашей жизни каждый день. Завистливые друзья, соседи, не говоря о недругах, способны на многие «подвиги», среди них коварство занимает видное место.

Наши ближайшие соседи-недрузи ведут с нами долгие годы гибридную войну за земли. Они считают эту землю своей, мы – своей. Земля называется Qarabag, Карабах в русской аллитерации, в переводе с азербайджанского означает Черный сад. Вот за Черный сад и сражаемся. В международной практике эту войну называют замороженным конфликтом. Это для них, для международного сообщества, конфликт «замороженный». А для нас... И для армян.. А что такое гибридная война? Та, которую ведут не обязательно на фронте, а везде, где можно и где даже нельзя вообразить при самой богатой фантазии. Война идет больше 30 лет для нынешнего поколения и больше 100 лет в целом. Градус ненависти то повышается, то понижается, но никогда не исчезает. Ужас в том, что ненависть, то чувство, что разрушает душу, культивируется и передается из поколения в поколение.

Конечно, есть среди азербайджанцев и среди армян люди, способные трезво взглянуть на ситуацию.

Филипп Экозьянц, историк, пытающийся найти рациональное зерно в безумном хаосе. Он с Украины. Он написал книгу «Израэл Ори. Ларец Пандоры. Книга 1: Персия». То, что говорит Филипп, невозможно сказать, живя в Армении.

У Джалила Мамедкулизаде есть пьеса «Кяманча», написанная в Шуше, сердце Карабаха и Азербайджана 100 лет тому назад, вернее, в январе 1920 года в крепости Шуша. Так подписал пьесу автор: *Yanvar 1920 Şuşa qalasında*. Пьеса о том, как в разгар войны за землю между армянами и азербайджанцами, шушинец – воин-yuzbaşı (сотник) отпускает армянина, сыгравшего на кяманче (азербайджанском музыкальном инструменте) Segah-zabul təsnifi так, что у шушинца полились слезы.

А вот статья молодого автора азербайджанца Джавида Рамазанова «Карабах и Неправедливость» на Азлогосе, где он пишет:

«Xarici ölkələrin birində Ermənistanın ədalətsiz işğalına etiraz edən bir azərbaycanlı qızın əlində tutduğu bir şüar gözümə sataşdı. Qarşıtərəfdə toplaşan erməni kütləsinə ünvanlanan şüarda ingiliscə "Uşaqlarınıza nifrət etməməyi öyrədin" yazılmışdı. Çoxgüclü bir mesaj idi bu, problemin əsas səbəblərindən birini açıqlayırdı: nifrət».

«Не учите своих детей ненависти». Безумно сложно в сложившейся ситуации.

Не забудем о бенефициарах такого положения вещей, тех, кто дергает за ниточки, пытаясь сделать «бизнес» на крови и горе. Оружейные бароны, пропагандисты, манипуляторы общественным мнением, чувствующие себя важными персонами, чье мнение способно накалить обстановку, либо наоборот, и, безусловно, дирижеры-диктаторы, чья власть базируется на страхе и фобиях людей.

О том, какое воздействие имеет условие «непохожести», инакости на повышение градуса ненависти, известно каждому из нас. Другой, значит, пришлый, не исключено, что враг, у него другие интересы, другие идеалы, другая религия, раса, этнос, наконец. Еще удивительнее, когда разногласия, перерастающие в конфликт, а далее в войну, наблюдаем в лоне одной религии. У христиан долгое время шли религиозные войны между католиками и протестантами. Варфоломеевская ночь – то самое знаковое событие, потрясшее народы Европы. У мусульман многовековая тяжба между суннитами и шиитами.

В США расовый вопрос на глазах превращается в смерч, способный пошатнуть даже самую устойчивую демократическую систему.

В случае если 2 или все 3 условия совмещаются, тогда мы становимся свидетелями эффекта резонанса. Этот эффект чаще всего иллюстрируют разрушением моста, по которому марширует отряд солдат. Если колебания моста совпадут с колебаниями, вызванными строевым шагом, то мост разрушится.

Близость, сопряженная с завистью и инакостью, превращаются в гремучую смесь, зелье, способное отравить, вызвать ненависть, остающуюся в веках.

Израиль и Палестина (евреи и арабы), Армения и Азербайджан (армяне и азербайджанцы), Россия и Украина (русские и украинцы). Можно продолжить список стран и наций, у которых градус ненависти достиг высокого значения. Такого уровня ненависть выплескивается за пределы тех мест, где она зародилась и достигла самого высокого градуса, на мировые просторы. Этой ненависти тесно в рамках, предопределенных географией. Гибридная война, идущая сегодня между диаспорами Армении и Азербайджана во всем мире, свидетельствует о том, что ненависть достигла разрушительной силы среднего размера атомной бомбы. Наивысший градус ненависти. Трагедия диаспор заключается в том, что люди обеих национальностей, представляющие диаспоры двух стран, уехали из родных краев по разным причинам. Однако, одной из наиболее часто встречающихся причин является возможность жить в развитой стране, в которой нет, или не очень сильна коррупция, где можно заработать на жизнь, честно работая, и где не культивируют ненависть к вчерашнему и/или завтрашнему потенциальному сопернику, работающие законы запрещают разжигание расовой и иного рода ненависти. Люди приехали в благополучные страны, долго добивались гражданства. Терпели лишения, чтобы его получить. И вот теперь ненависть с родины догоняет их в новой стране, где они пытались от нее укрыться. Они становятся заложниками ненависти, достигшей своего наивысшего градуса.

Избавиться от ненависти, также как избавиться от болезней и других напастей, выпущенных из ящика Пандоры – невозможно. Пандору послал Прометей Зевс, разгневанный за то благо, что Прометей сделал для людей. Зевс наказал людей. Но вспомним о том, что в ящике Пандоры на самом дне оказалась запертой надежда. Нам осталось выпустить из ящика, томящуюся в неволе надежду. И тогда заживем, как люди.

МАРИЯ ШЕБАНЕЦ

(Белоруссия)

Жажда

Отче, послушай, отче!
Речи твои – вода,
Тихих небес нектар,
Блеск серебра в песках.
Весь изнемог я, отче,
Жажда меня печет.
Тысячу дней подряд
Пью –
и пустой досéле.

Снова в сухих руках
Выщербленный горшок.
Внёмлю тебе. Внемлю.
Льется вода в песок.
Видишь, я снова пуст,
Ка́пли не удержав!..
Приотворив уста,
Молвишь:
«Зато ты чист».

Нынче иной уж ты
Молвишь иному мне.
Тысячи лет прошли –
Я, как и прежде, пуст...

Может, хоть малость чист?..

Исход

Мы с летом смерть встречали постепенно:
Вдвоем на узком ложе остывали.
В объятьях слабых, неживых лежали,
Все меньше было чуда,
больше – тлена.
Мы исходили кровью, соком, словом.
Его венки в борьбе разорван был.
Нас этот бред обоих погубил,
Чтоб из пло́да родился кто-то новый.
И мы легли с ним в землю, мрака просинь –
Не стало нас, с лица земли нас смыло.
Я слышу тихий шепот:
«Жили-были...»
Младенец я. Меня лелеет осень.

Летняя сказка

Пододвинься поближе,
приляг головой на колени,
Дай коснуться губами соленой поверхности лба.
Нашепчу тебе в ухо

о сказочном и сокровенном,
Пока длится у вечера с летней жарою борьба.

Хочешь знать, чем луна наши взоры
к себе приманила?
О, столетиями души пленяет серебряный свет,
Чтоб взгляды живущих притягивать нынче магнитом
И потом обращать их в томящийся летний рассвет.

Оттого так отрадно, гуляя иль глядя из окон,
Забывать о часах, созерцая светило небес –
Как взбужает от взоров влюбленных
небесное око,
Чтоб и ты приобщился
к горящему кругу чудес.

Встреча

Встретились как-то на хуторе
Осень, зима и весна.
И до зари до утренней
Мед распивали без сна.

А с утра разбежались, сонные,
Оставив следы на бегу:
Из-под снега –
брызги зеленые,
Побуревший лист –
на снегу.

Ландыш

Капля крови́ набухает над лезвием листьев,
Тяжко склоняется к долу зеленый росток.

Жажду на зов твой откликнуться и покориться!
Каплет сквозь плоть оболочки
рубиновый сок.

Тяжесть и страх.
Истекаю бессилия лавой.
О, как же сладко касаться и видеть тебя!..

...Стану я болью твоей,
ты мне станешь отравой.
Лучше бы губительной страстью не мучить себя.

Скоро

Воздух сгустился донёльзя.
Жизнь проснулась в бутонах.
Жизнь пульсирует в почках.
Жизнь рвется на волю.
Жизнь готовится брызнуть
Сквозь листья, дома, маршрутки,
Дышать продолжает упрямо
И предчувствует: скоро!..

Песенка улитки

Все свое тащу с собой
Который день.
Ползет-бредёт
Вблизи меня
Моя же тень.

То по песку, то по поверхности
воды,
И в никуда,
Где предо мной –
Твои следы.

Накрыла тяжестью беда
Твои пути.
Но я бегу
К тебе сквозь сон.
Ты погоди!

Ты подал руку мне, и я –
Твоя теперь.
Не зверь ли ты
Из черных гущ?..
В чем видишь цель –

Барьер тропы преодолеть?
Тоску унять?
И морось, муть
Моей души
Сквозь шум поднять?

Прошу тебя: вовеки будь!
Твоя ладонь,
Мой поводырь,
Бессонных грез
Творит огонь!

На миг поднял меня к глазам.
Вокруг светлей,
И ярче мир
От блеска их,
И пульс быстрее.

С тобою легче мотылька
могу летать.
Но вечный крест:
Из года в год
Тебя искать.

Вязание

Вяжем, вяжем, вяжем, вяжем
Тропок паутину,
Вяжем цепью поступь нашу
От высот к низинам,
Сквозь узлы мостов и кладок,
Лентами течений
Вяжем, вяжем ровно-гладко
Чары разуменья.
Вьем слова и вяжем звуки
Точно по заветам.
У метафор греем руки
И о взор поэта.
Вяжем, сумраком окутав
Грезы над углями,
Чтоб никто не смог распутать,
Прежде всех –
мы сами...

Городу М.

Враг мой!
Сколько ненависти и сколько боли,
сколько стеклянного блеска во взоре моем.
Город мой!
Сколько ты обезволил,
скольким укрытие дал ты во чреве своем.

Проклятье мое!
Сколько напрасных стремлений расстаться с тобою,
сколько мечтаний пустых тебя позабыть...
Этот бульон из отходов
жестокой судьбою
вынес мне смертный вердикт, обязующий жить.

Нет на войне
победителей и побежденных.
И возможно ль вообще кому-то из нас победить?
Вольно мне
по ночам на путях твоих темных...
Может, пора перемирие нам заключить?..

*Перевод с белорусского
САИДЫ СУБХИ*

НУРМАМЕД РАГИМОВ

ШИРИН МАНАФОВ

ЖИЗНЬ, ПОСВЯЩЕННАЯ НАУКЕ

В актовом зале Национального центра онкологии состоялась научная конференция, посвященная столетию со дня рождения заслуженного деятеля науки, члена-корреспондента АН Азербайджана, доктора медицинских наук, академика Рагима Рагимова.

Модератор конференции академик Джалил Алиев во вступительной речи рассказал о заслугах перед наукой, здравоохранением Рагима Рагимова (1923-2013 гг.), возглавлявшего Онкоцентр с 1974 года.

Благодаря организаторскому таланту Р.Рагимова бакинский Онкоцентр быстро становится одним из ведущих центров онкологии в СССР. Возглавляемый академиком Р.Рагимовым коллектив завоевывает авторитет ведущего научного и лечебного учреждения в области онкологии как в Советском Союзе, так и в странах Европы и США. После распада СССР традиции сохранены, и Национальный центр онкологии поддерживает научные связи с онкоцентрами Украины, РФ, Узбекистана, Грузии, Турции, Европы и США. В годы пребывания академика Р.Рагимова во главе Онкоцентра врачами этого учреждения было опубликовано более 50 монографий, защищено сотни диссертаций, издано несколько тысяч научных работ, опубликованных в медицинских журналах стран Европы, Азии и Северной Америки.

Выступившие затем председатель комитета по здравоохранению при Милли Меджлисе академик Ахлиман Амирасланов, а также академик Асеф Гаджиев и ведущий специалист центра онкологии Азад Керимли поделились воспоминаниями о годах совместной деятельности с выдающимся ученым и организатором, каким был академик Р.Рагимов. В своем выступлении вице-президент АН Азербайджана академик Ирада Гусейнова отметила, что Р.Рагимов был одним из немногих ученых Азербайджана, с конца 1960-х годов завоевавших авторитет среди коллег-онкологов на всесоюзном уровне. С 1970 года он был избран членом Пленума научного общества рентгенологов, радиологов и онкологов СССР, а также членом редакционных советов всесоюзных журналов «Вестник рентгенологии и радиологии», «Вопросы онкологии» и ряда других. А также сообщила о запланированной в этом году по инициативе АН Азербайджана научной конференции, посвященной столетнему юбилею академика Р.Рагимова. После демонстрации документального фильма своими воспоминаниями об отце поделился доктор медицинских наук Чингиз Рагимов, отметивший одну из главных черт отца: внимание и заботу о молодых национальных кадрах, благодаря чему возглавляемый им Онкоцентр стал средоточием ведущих специалистов в области клинической и экспериментальной онкологии, лучевой диагностики и лучевой терапии.

Ученики ушедшего от нас в 2013 году ученого провели вечер воспоминаний о своем наставнике. Чем замечательно это событие? Профессора и доценты десятка вузов и научных институтов отметили 100-летие со дня рождения человека, который всю свою жизнь посвятил науке. Этому посвящена и книга воспоминаний о докторе медицинских наук Рагиме Рагимове, которую можно отнести к серии воспоминаний ученых об учителях – лидерах научных школ. Самое удивительное в книге – большое число педагогов, математиков, физиков, геологов, которые, по их словам, состоялись в науке благодаря врачу Р.Рагимову.

Как повторить феномен ученого, способного вовлечь в науку современную молодежь – об этом рассуждают ученики академика.

Р.Рагимов ставил перед собой задачу гораздо шире, чем создание научной школы, а именно – создание научной национальной базы Азербайджана. Речь идет о 1960-х годах, когда, кроме него, единицы осмеливались заявлять об актуальности этой задачи. Академик Муса Рустамов описывает тот день в 1945 году, когда для него начался путь в большую науку, именно тогда он, 12-летний мальчик, поставил перед собой цель: *«Я учился в 6-м классе. Это было в 1945 году. В класс вошел Рагим-муаллим и сразу захватил наше внимание. Он рассказывал о роли современной авиации в победе на войне. Он сумел увлечь нас благодаря эрудиции, увлекательному рассказу и ... удивлению. Он сказал, что будет очень удивлен, если через десять лет он не услышит о наших успехах по окончании вузов, а через двадцать лет мы должны прийти в свою родную школу точно так же, как сейчас сделал он. Рагим-муаллим раз и навсегда стал для меня и моих школьных товарищей ориентиром в жизни».*

Так судьба подростка была решена, в глубокой провинции дети увидели перед собой эрудита. Изумлению детей не было предела. Тот мальчик со временем стал академиком, директором НИИ нефтехимических процессов. Спустя 40 лет после первой их встречи вместе с наставником Р.Рагимовым он участвовал в заседаниях президиума Академии наук. А все началось с той самой лекции Р.Рагимова в 6-м классе.

В годы II Мировой войны Р.Рагимов был преподавателем в школе села Вананд – родине поэта Кудси Вананди, позднее в родном Ордубаде. Затем медицинский институт, защита диссертации в 1958 году в Ереване, работа в Онкологическом центре, который затем ученый возглавлял долгие годы.

Сочетание эрудиции и обаяния, безусловно, важно, но главное – целеустремленность. В 1950-80-х годах академик сформулировал свою цель так: выдвигать азербайджанцев на всесоюзную арену.

Собравшиеся на вечере памяти академика ученики Р.Рагимова – врачи, гуманитарии и выпускники технических вузов – находят в феномене Р.Рагимова ответы на актуальные вопросы. Врачи прежде всего ищут разгадку секрета интеллектуального и физического долголетия наставника, физики, математики – секреты вовлечения молодежи в науку, методы управления сложными научными коллективами. Р.Рагимов создал школу азербайджанских онкологов. Самая интересная фотография в книге так и подписана: «Армия онкологов Р.Рагимова». Но армия учеников гораздо больше и включает не только медиков, но и педагогов, представителей технических специальностей, а также деловых кругов на родине и в ряде стран СНГ.

40 лет все выпускники вузов Баку, независимо от избранной профессии, могли получить консультацию академика. Он организовывал для молодых экспресс-диагностику способностей с привлечением специалистов. Если желание совпадало со способностями, он получал рекомендации от академика, что придавало резкое ускорение научной карьере кандидата.

Создание и расцвет национальной онкологической научной школы – заслуга Р.Рагимова. Защита диссертации в Ереване в 1958 году проходила очень тяжело. Так, было много необъективности, попыток «срезать» молодого ученого, что после защиты он дает себе задание: опередить Ереван, сделать бакинский НИИ онкологии самым крупным и передовым в Закавказье.

В 1958 году ученый на собственном опыте убедился: в Ереване откровенно враждебная обстановка. Чем больше Ереван не заинтересован в развитии азербайджанской науки, тем больше необходимо внимание к повышению качества национальных кадров.

Став директором НИИ онкологии, он направляет на учебу в Москву, Обнинск молодых ученых, приглашает корифеев из Москвы в бакинский Онкоцентр, где создает атмосферу научного поиска.

Академик А.Амирасланов: *«Р.Рагимов – корифей рентгенологии СССР. Благодаря ему Баку стал одним из пионеров в развитии советской онкологии. На всесоюзном уровне состоялось много научных конференций с участием азербайджанских врачей и ученых».*

По признанию академика Н.Блохина, ряд изобретений Р.Рагимова стал вкладом в диагностику рака. В 1964 году Всесоюзная конференция признала одно из изобретений Р.Рагимова в качестве нового метода диагностики.

Вот уже многие годы с нами нет замечательного ученого, тем не менее, ученики на встречах стремятся изучить опыт незаурядной личности. От учеников он требовал: вы обязаны прежде всего получить признание как ученого за пределами Баку: в крупных научных центрах СССР и стран социалистического лагеря Восточной Европы, признание в атмосфере конкуренции и строгого контроля за качеством научных работ. Вернуться в Баку и создать на своих рабочих местах в вузах Баку такой же строгий контроль за качеством научной работы, учебного процесса и диссертаций.

Один из учеников академика, директор НИИ проектирования морских нефтегазовых месторождений Р.Агасиев рассказывает: *«Доктор Р.Рагимов интересен сочетанием качеств ученого и наставника. У него было много орденов и медалей, а он гордился успехами своих учеников. Опыт Р.Рагимова важен, так как успехами учеников, всей долгой и плодотворной жизнью в науке подтверждает, как важно диагностировать способности учащихся и уметь тактично направлять их развитие».* Нет ни одного направления, ни одного научного центра или вуза, где эта проблема не стояла бы остро.

Ученики академика стремятся систематизировать опыт Р.Рагимова по двум базовым направлениям: диагностика способностей и умение направлять развитие учащихся. Нужны диагносты широкого диапазона, каким был в течение 40 лет педагог-врач Р.Рагимов.

Вторая тема: высокая научная эффективность академика даже в 80-90-летнем возрасте. Сам факт научного долголетия академика интересен для «молодых» 60-70-летних ученых. Что уже говорить о совсем «юных» 50-летних профессорах, которые шли за советом к своему 90-летнему наставнику. И при его жизни, и сейчас учеников – 60-70-летних руководителей научных школ – остро интересует, как 90-летний ученый сохранил свой интеллект и в столь почтенном возрасте.

Стоит пересмотреть штампы и стереотипы о старости и увядании способностей с возрастом. С позиции геронтологии и особенно все более актуальной проблемы сохранения высокой эффективности творческих людей в преклонном возрасте, книга о Р.Рагимове дает богатый материал. Хотя академик пережил немало тяжелых периодов в своей жизни, одна из тяжелых утрат – гибель двадцатилетнего внука.

Академик Т.Агаев отмечает, что инновации в рентгенологии в Азербайджане на протяжении 50 лет были связаны с именем Р.Рагимова. На протяжении 50 лет Р.Рагимов отвечал за развитие онкологической службы в Азербайджане. На встречах учеников академика директора научных институтов учатся мастерству вовлекать молодежь в науку, что сейчас становится делом государственной важности.

Организаторов науки интересует и другое качество харизматичного ученого – формирование научной школы.

Секрет Р.Рагимова как директора Онкоцентра прост: включение молодых в большую науку, создание для молодых ученых творческой и конкурентной среды. Активное участие в международных научных конференциях – лучший метод формирования ученого. Пребывание ученого в состоянии творческого поиска в конкурентной среде вырабатывает волевые качества лидера.

«Элита должна формироваться в конкурентной среде, – настаивал академик. – В отношении онкологии – это закон. Нельзя допускать к лечению больных раком посторонних специалистов».

На все конференции он ездил с молодыми учеными и требовал от них отчеты и оценки конференции, а также активного участия в ней. Так Р.Рагимов растил научную элиту, и вскоре под его руководством Онкоцентр стал одним из ведущих научных и лечебных центров СССР в области онкологии.

Доктор физико-математических наук Ч.Абдинов отмечал, что опыт Р.Рагимова как организатора медицины и в целом азербайджанской науки очень актуален.

«Общение с ним неизбежно порождает вопрос самому себе: почему ты сам, профессор, лауреат международных премий, не можешь так же вдохновлять, мотивировать молодых ученых, как Р.Рагимов, – говорит физик Ч. Абдинов. – Эта тревога заставляет искать новые методы работы с молодыми коллегами, будоражит научную мысль. Нам необходимы организаторы такого высокого уровня, как Р.Рагимов».

Директора институтов, ректоры вузов и колледжей обсуждают подход Р.Рагимова в отборе и выдвижении ученых.

Если бы Р.Рагимов, начиная с 1960-х годов, не продвигал молодых специалистов из Баку во всесоюзные проекты и программы, 20 лет спустя мы не имели бы национальную школу онкологии. После распада СССР академик настаивал на включении как можно большего числа специалистов в международные программы. Самым опасным врагом науки, развития общества в целом академик считал провинциализм, местничество. Это неминуемо приводит к деградации научной школы. Контакты с коллегами из ведущих научных центров Европы и США, а в последние 20 лет и ряда стран Азии – единственный путь для развития в Азербайджане медицины, науки в целом.

Азербайджан – одна из немногих стран в СНГ, которая сохранила суверенитет, способность реализовывать свои цели и задачи. Долг научной элиты наряду с производственной безопасностью – внедрить доктрину технологической безопасности. Академик Р.Рагимов – один из немногих ученых, кто нацеливал учеников на подобную задачу в период, когда казалось, нет более прочной конструкции, чем СССР.

Всех учеников интересует в учителе одно редкое качество. Р.Рагимов доказал эффективность Soft Power – мягкой силы. Этот феномен делал 90-летнего академика интересным и актуальным для всего научного сообщества.

Ученик академика М.Алиев вспоминает: *«Он подчеркивал свое уважение ко мне, молодому доценту, публично и отзывался обо мне как о перспективном и трудолюбивом человеке. После таких рекомендаций юноша работает с удвоенной энергией. Я был поражен, с каким уважением относился к начинающему ученому Р.Рагимов. Самое страшное для меня было разочаровать учителя».*

Гуманитарии и технические специалисты равно отмечали, что работоспособность в 90 лет – мечта каждого ученого, достигшего такого возраста.

10 лет назад некоторые ученики поднимали эту тему.

Тогда 90-летний ученый им удивленно ответил: *«Вам всего 70 лет. По молодости лет вы забыли, что к старости надо подойти всесторонне подготовленным. Физически и интеллектуально. Для индусов 70 лет – возраст зрелости. Рецепт простой: спорт и постоянная работа над актуальными проблемами в таком же режиме, как и в 50 лет. Если будете себя беречь и не ставить перед собой новые задачи, значит, еще не все мои уроки усвоены».*

Доктор технических наук Р.Мамедов: *«Р.Рагимов – эталон ученого, мастер увлечь молодежь. Есть ученые, вокруг которых после них – выжженная земля, есть ученые – вокруг которых цветущее поле. Р.Рагимов относится ко второй, очень редкой группе. Поэтому мы не просто вспоминаем, мы изучаем своего учителя. Его слова: **К старости надо подойти всесторонне подготовленным.** Вот мы и пытаемся изучить опыт наставника».*

Долгие годы работавший директором концерна «Азеркимья» Ф.Садыхов отмечал высокую культуру общения, характерную для академика.

«Р.Рагимов – образец для профессионального сообщества, эталон для экспертов в разных областях науки, – сказал Ф.Садыхов, – для которых нужны четкие ориентиры, нужны герои и звезды, благодаря которым создаются кодекс чести, этические правила элиты. В этом сейчас гигантская потребность. Мы живем в период крушения границ, государств, изменения правил игры на всех уровнях. Именно сейчас потребность в элитарных сообществах – политических, культурных, научных – стала проблемой, соотносимой с проблемой сохранения экологического баланса на планете».

Если опыт медика Р.Рагимова изучается химиками, физиками, ведущими руководителями крупных предприятий, значит эта проблема для нашего общества актуальна. Потребность в объективном арбитраже растет год от года. У нас много научных и культурных школ, но необходимы такие авторитеты, как академики А. Мирзаджанзаде, Р.Рагимов.

У ставших педагогами учеников Р.Рагимова иной интерес к опыту академика.

Друг юности Р.Рагимова заслуженный педагог Б. Мурадов: *«1961 год. Мы с Рагимом распределили роли таким образом. Он помогает тем, кто хочет стать врачами, я – будущим педагогам. Очень скоро все мои ученики стали обращаться к Рагиму. Он не переманивал, просто он умел находить в каждом скрытые резервы и ставить точный диагноз способностей. Конечно, молодежь тянулась к нему. Каждый из нас в 15 лет хочет выбрать путь, который приведет к успеху. Я считаю моего друга Рагима основоположником в Азербайджане очень перспективной науки – ранняя диагностика способностей, чем во многом и объясняется интерес его коллег, учеников к этому неурядному человеку».*

Два друга в далекие 1960-е годы помогали состояться в профессии сотням школьников, настолько остро они сознавали свою ответственность в создании азербайджанской интеллигенции. Что значит помогать? Ставить точный диагноз способностей, затем все годы учебы и формирования специалиста консультировать, направлять. Как просто, но, кроме Р.Рагимова, системно этим занимались единицы.

Р.Рагимов – великий диагност в медицине и педагогике. Педагогов учил ставить диагноз талантам детей, а врачей – гибкости и тактичности в работе с больными.

«Школа, вуз дают знания, но этого мало для верного выбора профессии, – говорил академик. – Развитие детей обретает ускорение, если их изучают, ставят диагноз способностей и помогают в верном выборе профессии. В этом значение softpower: учитель управляет вами, найдя в ученике союзника».

Этот секрет Р.Рагимова пытаются выявить все его ученики. Обсуждают, вспоминают наставника, издали книгу о феномене Р.Рагимова. Даже в 90 лет этот человек блестяще справлялся с ролью координатора и драйвера. Судя по большому числу технических специалистов, чьи воспоминания напечатаны в книге о враче Р.Рагимове, в обществе есть большая потребность в творцах элиты. Формально он воспитал двух докторов наук, девять кандидатов. На самом деле десятки профессоров – нефтяников, химиков, геологов, врачей, педагогов – считают врача Р.Рагимова своим отцом в науке.

Уже став известным врачом, Р.Рагимов постоянно общался с педагогами и учащимися школ родного Ордубада. Общение с ним производило неизгладимое впечатление. Судя по воспоминаниям учащихся, они видели перед собой того, кем хотят стать.

На встречах со школьниками в Ордубаде известный ученый говорил: *«Я приглашаю вас в волшебный мир, где вы станете хозяином своей судьбы и гордостью родного города. Я буду изумлен, если вы не захотите войти в этот волшебный мир и не начнете работать над собой».*

Беседовал и с местными педагогами. Оказалось, с ними работать сложнее. Р.Рагимов неоднократно ставил вопрос в НАНА о необходимости изменения методов преподавания.

С детьми и учителями академик добр и приветлив, а с родителями строг и требователен: *«Надо все силы отдать на образование детей. А также проявить активность и поднять вопрос о дотациях для способных старшеклассников из бедных семей»*. Эту тему считал важнейшей для подъема качества образования. Иначе традиции, благодаря которым маленький Ордубад дал в советский период 300 ученых, причем многие из них союзного уровня, очень быстро исчезнут.

Высокий, красивый в свои 90 лет мужчина всем своим огромным опытом побед и достижений словно говорил ученикам: *«Я состоялся в голодные послевоенные годы. Добился своей цели: создал в Азербайджане один из лучших в СССР научных центров лечения рака. Буду поражен, если вы не поставите перед собой такую же высокую цель и не достигнете ее»*.

Воздействие Р.Рагимова на несколько поколений ученых говорит об огромной потребности общества в создателях креативного класса.

Как создать элиту? Очень просто – решили в бывших республиках СССР после распада Союза. Достаточно пять тысяч лучших направить на учебу в Париж, Милан, Турин, Брюссель, еще две тысячи в Оксфорд – и мы получим элиту европейского класса. Этот путь уже пройден и оказался иллюзией. Лучшие остаются на западе и становятся частью западной научной элиты.

Р.Рагимов и его ученики работали над созданием национальной научной школы, направляющей на обучение за рубеж не выпускников школ, а прежде всего перспективных молодых ученых. Секрет творческого долголетия – с юности Р.Рагимов вращался в среде активных и целеустремленных коллег. Надо создавать среду поисковиков, объединять креативных молодых ученых. Позиция Р.Рагимова в советское время – занять ведущее место в экспертном сообществе, причем на всесоюзном уровне. Сотни молодых ученых шли этим путем. Среди его учеников нет ни одного политика или чиновника, все только люди науки, культуры. Их объединяет сознание того, что назрела необходимость в создании национальных центров отбора и формирования элиты и экспертного сообщества. Лучшие ученые, такие, как Р. Рагимов, принадлежали советскому экспертному сообществу. Но теперь нужны несколько иные методы.

Академик М. Рустамов: *«Он не говорил нам, школьникам, общих фраз, мол, надо учиться, ваша цель – попасть в вуз, получить образование, диплом. Рассказывал, как развить интерес к профессии, как он сутками изучал корифеев, все время стремился работать и общаться с великими учеными, стремился быть интересным для них. Для этого надо поднимать большие проблемы, не отставать от мировых достижений»*.

Заслуженный педагог Б.Исмаилов: *«Независимо от возраста, к нему все испытывали доверие. Чувствуешь, его цель – ваш успех, рост»*.

Многие отмечали: Р.Рагимову было достаточно полчаса беседы, и потенциал ребенка выявлялся, как если бы он преподавал ему годы. Два встречных потока – чуткость учителя и доверие к нему ученика – творят чудеса.

Все ученики с белой завистью вспоминают мастерство Р.Рагимова в работе с молодежью. Он вел себя с молодыми людьми, как если бы они уже состоялись и стали заметными социальными игроками. Очень важно изучить опыт лидеров, которые умеют с таким мастерством ввести молодых людей в большой мир науки.

Книга об академике Р.Рагимове даст начало серии книг о тех, кто и сам реализовался, и умеет помочь молодым. Следующая книга будет об армии академика Р.Рагимова: врачи, гуманитарии, педагоги, математики, химики....

ЗЕМЛЯКИ

МАЛИК ДУРСУНОВ
(Украина)

ВОЛКИ И ЛОШАДЬ КАРА-ДАЙЫ

Повесть

Подобно тому, как лакомиться сладким нектаром спелого винограда налетает много черно-желтых полосатых ос, так и в одно время со всего округа в Зогаллы стали съезжаться желающие познакомиться с мудрым аксакалом Кара-дайы. Как осы, всасывая нектар, делают прокол на коже винограда и портят его внешний вид, наносят урон урожаю, так и большинство желающих знакомства с Кара-дайы гостей бесцеремонно врываются в его тихую жизнь, делая ее порой невыносимой. Часто злоупотребляя гостеприимством, присущим Кара-дайы, они не считались ни с его преклонным возрастом, ни с возрастом его жены. Если осенью, зимой и ранней весной было еще определенное затишье, то с наступлением лета и увеличением отдыхающих росло и количество любопытных, желающих познакомиться с «черным дедушкой». Приезжим почему-то казалось, что Кара-дайы обязан каждого из них радушно принять, устроить застолье, с каждым из них «выпить сто грамм» и еще рассказать им какую-нибудь байку из своей долгой и интересной жизни.

— Положат на стол коробочку каких-то дешевых конфет и ждут, — жаловался мне Кара-дайы на поведение незваных гостей, — и смотрят на меня, как медведи смотрят на сухую корку дуба в дождливую погоду. А я обязан им накрыть стол, напоить, накормить. Я понимаю — людям интересно, я понимаю, что они с дороги, но я-то им ничего не должен и ничем не обязан! — злился он. — С каждым днем все наглее и наглее ведут себя. Пора прекратить это безобразие! — говорил Кара-дайы, подготавливая себя для будущих решительных действий. — А коробочки считай что пустые, конфет внутри две-три единицы, трясешь — как игральные косточки нардов стучат!

Было непонятно, на что он жалуется: на возросшее количество наведывающихся его гостей или на то, что наведываются они к нему с пустыми руками?

Со временем стало ясно, что скупость приезжающих вкупе с их общим количеством подтолкнули-таки Кара-дайы к серьезным действиям, и он, замученный частыми набегами незваных гостей и горьким опытом, стал более избирательно подходить к их приему. Нарушив вековые традиции гостеприимства жителей Зогаллы, дверь калитки с улицы он стал закрывать на засов, а на железные ворота изнутри повесил массивный замок. Попасть в его некогда гостеприимный двор без предварительной с ним договоренности по телефону незнакомому человеку стало практически невозможно.

Но одному, очень настырному гостю повезло: он буквально ворвался во двор Кара-дайы, когда тот открыл калитку. И сразу очаровал старика, что случалось с ним тогда очень редко. Позже в разговорах со мной Кара-дайы называл его и другом, и приятелем. По его словам, это был жизнерадостный, образованный, полноватый мужчина среднего роста и приятной внешности с необратимой лысиной. На стыке двух веков, в самом конце прошлого века он три года подряд в начале лета приезжал к Кара-дайы в гости и останавливался у него. Что интересно, на третий год, попрощавшись перед отъездом, гость сообщил Кара-дайы о своем намерении и в следующем году обязательно погостить у них, на что Кара-дайы с удовольствием дал добро.

Но ни в следующем году, ни еще через один год и ни через пять лет гость больше не появился в Зогаллы, Кара-дайы даже не знает, что с ним могло случиться. Но он надеется, что с ним всё в порядке, и продолжает ждать его и сегодня.

Станным получилось их первое знакомство: июньское тепло повсюду грело Зогаллы, но до летней жары было еще далеко.

В один из прекрасных дней начала июня возле железных ворот Кара-дайы оставалась очередная машина. Одновременно из нее вышли водитель и пассажир. Водитель ключом открыл багажник машины и помог пассажиру выгрузить две картонные коробки. Коробки они положили возле калитки Кара-дайы, после этого пассажир с заднего сиденья машины достал небольшую сумку, надел ее на себя через плечо, рассчитался с водителем, и тот уехал. Пассажир попробовал открыть калитку, но она была заперта. Тогда он с земли подобрал небольшой камень и стал стучать в дверь, что, между прочим, и делали другие гости.

Как правило, постучав некоторое время, незваные гости поворачивались и уезжали, так как Кара-дайы им не открывал. Но этот гость не стал уходить и методично бил по железной калитке Кара-дайы. Кто ему посоветовал постучаться именно в дверь Кара-дайы и не уходить, пока тот не откроет, сегодня остается секретом. Но заранее скажу, что Кара-дайы он понравился не только своей настырностью, интеллигентным видом, но и, что немаловажно, невиданной щедростью, которая обнаружилась позже.

— Хозяин, хозяин, Кара-дайы! — стучал незнакомец камнем о железную калитку с улицы.

Кара-дайы в это время работал на скотном дворе, правду говоря, долгое время не слышал, что кто-то стучится к нему, что было неудивительно для восьмидесятирехлетнего старика с некоторой тугоухостью. К слову, в этом возрасте жена Кара-дайы слышала намного лучше, чем муж, но она страдала слабым зрением, тогда как Кара-дайы обходился без очков.

Так вот, гость продолжал стучать на улице, пока его не услышала жена Кара-дайы. Она прошла через весь двор к мужу и указала ему на калитку с улицы, хотя к тому времени и Кара-дайы услышал, что стучатся, но никак не решался открывать. Получив негласное согласие жены, Кара-дайы подошел к калитке и отворил ее. Жена Кара-дайы задержалась, чтобы увидеть, кто же к ним во двор стучится.

— Гостей принимаете? — спросил незнакомый солидный мужчина и, не ожидая ответа, занес обе большие коробки во двор, прикрыл за собой калитку и сам же закрыл ее на засов. Только после этого он во дворе за руку поздоровался с Кара-дайы и еще раз повторил свой вопрос: — Гостей принимаете, хозяин? — спросил он, обнял Кара-дайы и добавил: — Я к вам в гости, вас порекомендовал мне очень хороший человек.

Позже, когда заходила речь о нем, по словам Кара-дайы, он подумал, что этот человек появился у него по моей рекомендации, якобы именно поэтому он без колебания пустил его во двор, а потом пригласил в дом. Я не знал этого человека, но мне кажется, что Кара-дайы скорее соблазнился на тяжелые картонные коробки приезжего гостя, поэтому тут же указал в сторону двора, где стоял дом, приглашая его пройти.

Захватив одну коробку, гость по дороге поздоровался с женой Кара-дайы, отнес коробку и положил на обеденный стол, стоящий под тутовым деревом. Потом он вернулся за второй коробкой, то же самое сделал с ней. Ошарашенным хозяевам только и оставалось наблюдать за шустрым гостем.

На обеденном столе лежало несколько крупных желтых ягод шелковицы, сорвавшихся с дерева по спелости. Гость не спеша полакомился ими, движением головы демонстрируя хозяевам их невероятную сладость и только после этого распаковал коробки и стал доставать гостинцы и складывать их на стол.

– Вы думаете, я с пустыми руками к вам? – шутил гость. – Как так можно? – сам же отвечал на свой вопрос. – Приехать из Баку в гости к уважаемому человеку с пустыми руками не годится. Вот и я набрал вам всего понемножку...

Изумленные и любопытные хозяева молча следили за гостем.

А тот первым делом вытащил из коробки большой серый кусок подсолнечной халвы, внешне напоминающий речной камень, этим самым, можно сказать, автоматически забронировал себе место для жилья за время отдыха, воспользовавшись особым пристрастием Кара-дайы к этой сладости.

– Рахман был очень порядочным и на редкость щедрым гостем, – часто подчеркивал Кара-дайы, делая особое ударение на втором качестве гостя, вспоминая его. Тогда и я узнал, как звали гостя.

После халвы, как волшебник, Рахман выложил на стол всё содержимое коробки: тут были сахар, килограммов на пять, и столько же пряников, пачек десять чая, два чайных полотенца для хозяйки, два пучка бананов. И много чего ещё, сегодня уже Кара-дайы всё не помнит.

Ошарашенный и довольный Кара-дайы взял гостя за руку, поднялись они на второй этаж, в одной из комнат Кара-дайы указал гостю на параллельно стоявшие кровати, сказал:

– Выбирай, какую хочешь. Переодевайся и спускайся.

А сам спустился в подвал. Что интересно, жена Кара-дайы, которая в последние годы запрещала мужу ходить в подвал за спиртным, на этот раз не высказалась против, тем самым как бы одобряя его действия по приему гостя. А сама же двинулась на кухню для подготовки обеда. Гостинцы так и остались лежать на обеденном столе.

На обед гость спустился с большим блокнотом и ручкой; Кара-дайы подумал, что блокнот тоже, видимо, подарочный, скорее с какими-то картинками, и, наверное, Рахман подарит блокнот ему, как только начнется застолье. Рахман аккуратно положил блокнот на край стола, рядом поместил ручку. Позже, когда они обедали и пили красное домашнее вино, вначале всё шло мирно. Кара-дайы в свойственной ему манере начал рассказывать о войне, гость внимательно слушал и довольно улыбался. И вдруг, то ли когда он описывал ужасы зверств фашистов, то ли когда он подчеркивал стойкость и героизм солдат своего взвода, Кара-дайы первый раз за столом произнес крепкое ругательство. Знающие Кара-дайы зогаллинцы на его сквернословие не обратили бы внимания. Но гость, оказывается, будто этого и ждал, он тут же открыл блокнот и быстро записал туда услышанное. Действия гостя Кара-дайы не понравились: с одной стороны, впервые в его долгой застольной жизни он столкнулся с фактом конспектирования его слов. С другой стороны, стало обидно, что блокнот, которого он ждал как подарок для себя, оказывается, был предназначен для записывания его грязных ругательств с непонятным дальнейшим их использованием.

Как бы там ни было, резко, по-армейски остановив «прием пищи», Кара-дайы командирским голосом предупредил гостя, что шпионить за ним в собственном доме он никому не позволит, так как сам является бывшим разведчиком, – это раз. Записывать за ним тоже не стоит, тем более за обеденным столом и без предупреждения, – это два. Если еще раз гость запишет его ругательства, в каких-то не понятных для Кара-дайы целях, то он может собрать свои пряники, все остальные вещи и уехать обратно туда, откуда приехал. К тому же, слава Аллаху, они еще не убраны со стола, лежат, пальцем даже не тронутые, – а это три.

Что интересно, указывая на пряники и перечисляя остальные вещи, Кара-дайы почему-то не назвал в их числе подсолнечную халву, привезенную гостем.

Тот, кто рекомендовал гостю Кара-дайы, видимо, хорошо подготовил его к этой встрече.

Другой уважающий себя мужчина после таких слов собрал бы свои пряники и покинул бы двор. Но гость не обиделся – он поднялся, обнял Кара-дайы и извинился. Потом гость сказал, что он большой любитель народного творчества, любитель разговорного жанра Зогаллы, и пусть Кара-дайы не волнуется, поводов для беспокойства нет. Всё это он пишет для себя, чтобы, когда в Баку ему станет скучно, он мог открыть блокнот, почитать написанное и посмеяться. Заодно и вспомнить доброго Кара-дайы, его хлебосольный стол.

Одним словом, успокоил он Кара-дайы, к тому же гостинцы, привезенные гостем, продолжали лежать на столе, являясь дополнительными успокоителями, среди которых, конечно же, выделялась головка халвы, на которую частенько косился Кара-дайы. Успокоившись, Кара-дайы внес ясность в тонкости своей разговорной речи и информировал Рахмана, что при гостях и незнакомых людях он старается говорить без ругательств, но не всегда это у него получается. Ругается он с детского возраста, зогаллинцы, – что женщины, что мужчины, что дети, что взрослые – уже привыкли к его разговорной манере. Конечно же, говорил Кара-дайы, при женщинах и детях он старается не произносить особо грязных ругательств. Пусть гость его простит, по-другому говорить он не может.

Позже, по ходу обеда, Кара-дайы довел до Рахмана, что когда застолье носит более доверительный характер, ругательства он произносит очень часто.

– Прошу относиться ко мне с доверием, – попросил Рахман.

– И на разных языках, – продолжил Кара-дайы, кивком головы согласившись зачислить Рахмана в число людей, которым он доверяет, и добавил, что больше всего ругается он на русском. – Если Рахман понимает русский язык (тут гость улыбнулся), то он тоже по достоинству их оценит. Изредка и по настроению он ругается еще и на грузинском, но Рахман эти ругательства скорее не поймет, – уверенно сказал Кара-дайы, – поэтому их можно и не писать.

Тут же выяснилось, что извиняться за ругательства перед Рахманом не стоит, потому как, оказывается, гостю очень нравятся ругательства, которые звучат из уст хозяина дома и которые якобы придают особый колорит их беседе. Но больше всего гостю нравится неординарно-естественное их произношение Кара-дайы, особенно когда он ругается на русском языке с зогаллинским акцентом.

– Фольклор, народное творчество, – сказал он. – Ругайтесь на здоровье!

– Ну, тогда пиши, – успокоившись, ответил Кара-дайы, хотя и не понял, что сказал гость, – только успевай!

После нескольких тостов Кара-дайы окончательно перешел к своей обычной разговорной речи, покрасневший гость еле успевал за ним. Что интересно, со временем Кара-дайы даже понравилось, что гость записывает за ним, поэтому ругался он с особым энтузиазмом.

Обед получился долгим и продолжительным, и благополучно тянулся до вечера. С какого-то момента застолья, чтобы рассказ получился полноценным, Кара-дайы пришлось вспоминать свои детские и юношеские годы. Хотя Кара-дайы не любил вспоминать эти времена, застолье требовало определенной последовательности в описании жизни героя, каковым себя в тот день вновь почувствовал Кара-дайы. Тем более, гость был покладистый, не прерывал его, внимательно слушал и даже записывал за ним. Поэтому в нескольких вступительных тостах Кара-дайы вспомнил те нелегкие детские годы, вспомнил давно покойного друга отца, грузина Автандила и рассказал гостю, что в детстве часто гостил у них. Откуда и хорошее знание у него грузинского языка. Несколько раз, говоря о тех годах, Кара-дайы слегка выругался на грузинском языке. Но гость, как заранее и предполагал Кара-дайы, эти ругательства не понимал и ничего не записал к себе в блокнот.

Интересное началось позже, когда Кара-дайы перешел к войне, и когда он начал ругаться на русском.

Левой рукой гость держал стакан с вином, а правой писал без остановки.

Когда ругательства стали повторяться, гость позволял себе некоторую передышку. Надо бы отметить, что повторение ругательств скорее объяснялось особенностью русской разговорной речи, нежели скудностью репертуара Кара-дайы. Позже, когда речь зашла о послевоенной мирной жизни, Кара-дайы стал ругаться и на родном языке.

Если суммировать всех адресатов ругательств Кара-дайы, в тот день больше всех досталось, конечно же, немецким фашистам, которых в итоге удалось победить только благодаря таким отважным командирам, как Кара-дайы, и бойцам его взвода.

На втором месте оказался зогаллинский сельсовет, со дня образования занимающийся вредительством в отношении Кара-дайы. По ходу обеда Кара-дайы рассказал Рахману о причинах ненависти к сельсовету, например, о грязных попытках сельсовета в тридцатых годах отобрать у него отцовский каменный дом. Который, между прочим, тогда удалось отстоять благодаря русскому комиссару. Поэтому неудивительно, что любое упоминание зогаллинского сельсовета и сегодня у Кара-дайы сопровождается легким русским «Йофф их матт», и это в лучшем случае.

На третьем месте оказались соседние мугалы, которые, оказывается, являются виновниками всех бед зогаллинцев. О мугалах Кара-дайы обещал гостю подробно рассказать в будущих беседах, потому что, по словам Кара-дайы, «мугалы – это совсем другой, отдельный рассказ». Гость ничего не знал о мугалах и с удовольствием согласился послушать рассказ Кара-дайы о них, когда тот сочтет нужным.

Ругательств Кара-дайы в тот день также были удостоены сыновья Абдуллы детского возраста, двадцатилетней давности, которые в те годы обтрушивали его ореховое дерево и воровали урожай.

– Сейчас оба они, машаллах, здоровые усатые мужчины, выше меня и тебя будут. Считаю, вскормленные в детстве моими орехами, – Кара-дайы дал короткую внешнюю характеристику сыновьям Абдуллы на сегодняшний день, заодно указав на причину их здорового вида.

Во время обеда нехорошими словами упоминался также последний советский военком района, досталось корове соседа Сулеймана, смачным ругательством был награжден ливень осени 1943 года, чуть было не сорвавший ответственное военное задание разведвзвода Кара-дайы во время войны.

После обеда, ближе к вечеру, Рахман заявил, что он намерен побывать в Зогаллы около недели, и если Кара-дайы и его жена не против, он остался бы у них все эти дни и готов за это платить. А если гость каким-то образом их стеснит, то с утра он займется поиском жилья, благо, сдающих жилье приезжим много.

– Оставайся хоть на две недели или хоть на месяц, нас ты не стеснишь, – ответил Кара-дайы, и этим был исчерпан вопрос места бесплатного проживания гостя.

Утром за завтраком, когда Кара-дайы смаковал с чаем подсолнечную халву, Рахман поинтересовался, не держит ли Кара-дайы у себя в хозяйстве лошадей.

Оказывается, кроме фольклора в части ругательств, Рахман питает особую слабость еще и к лошадям, получает наслаждение от верховой езды и от прогулок.

– Сам ухаживал бы за ней, кормил бы, поил бы, купал бы на речке и ездил бы на ней. Уход и общение с лошастью очень успокаивает мне нервы, – сказал Рахман.

– А ты не нервничай и не терзай свою душу – посоветовал Кара-дайы. – Тогда обойдешься и без лошадей и без ослов! – как-то не к месту сострил Кара-дайы.

– Я стараюсь, но не всегда получается. Работа нервная, – ответил Рахман, подчеркивая, что ослы ему не интересны: в институте, где он работает, очень много ослов, и он устал от них. – Если у вас есть лошадь, предоставьте мне ее, пожалуйста, и на неделю забудьте о ней, – настаивал он. – Нравится мне уход за животными.

У Кара-дайы не было лошади, к тому же, в последние годы мало кто держал лошадей в Зогаллы, но отказать гостю тоже было неудобно.

– Если так тебе нравится уход за животными, могу уступить свою корову, ухаживай за ней, сколько хочешь. Уход за коровой и уход за лошастью, – в принципе, примерно одинаковые процессы, особо между собой не отличаются. Ездить, правда, на корове нельзя, – всерьез произнес Кара-дайы после некоторого раздумья. – А лошади у меня нет.

Рахман вежливо отказался от ухода за коровой Кара-дайы, при этом назвав это занимательным предложением, но ему интересны были только лошади.

– Никогда не держали в хозяйстве лошадей? – удивленно спросил Рахман.

– Никогда! – твердо ответил Кара-дайы, потом, правда, смягчил свой ответ. – Держал когда-то после войны, не помню уже.

Рахман был неуправляем, попросил помочь ему с лошастью.

– Может, кто-нибудь уступит мне свою лошадь в дневное время? Я готов даже заплатить. Вы поговорите с вашими, вы всех знаете, у кого есть лошадь. Может, кто согласится? – просил Рахман.

Кара-дайы после некоторого раздумья ответил:

– Если кто и даст тебе свою лошадь, то это только Тельман-муаллим. Вы оба люди интеллигентные, найдете общий язык. Я позвоню, чтобы он вечером пришел, и вы поговорите с ним.

Учитель биологии зогаллинской школы Тельман-муаллим и сотрудник какого-то научного учреждения из Баку Рахман быстро нашли общий язык.

Любовь к лошадям сблизила их так, что в течение трех лет Рахман по приезду в Зогаллы, хоть и останавливался у Кара-дайы, большую часть времени проводил то в общении с Тельман-муаллимом, то в общении с его лошастью, отдавая предпочтение последней.

Интересное случилось позже: когда Рахман перестал приезжать в Зогаллы, Кара-дайы попросил Тельман-муаллима, чтобы тот позвонил Рахману и узнал, что с ним случилось. Кара-дайы почему-то был уверен, что Тельман-муаллим и Рахман общаются не только в дни пребывания последнего в Зогаллы, но и круглый год. Поэтому Кара-дайы думал, что у Тельман-муаллима имеется номер телефона Рахмана.

– Мне как-то неудобно было попросить у него номер телефона. Думал, он ваш гость, наверное, у вас и имеются его контакты, – ответил Тельман-муаллим, и оба они поняли, что найти Рахмана у них не получится, если только он сам не появится. А больше не у кого было спросить. Если Рахман им не оставил номера своего телефона, не станет же он оставлять его лошади Тельман-муаллима, с кем больше всего общался в Зогаллы?

Как бы там ни было, у мугалов появился дополнительный повод, чтобы лишний раз смеяться над соседними зогаллинцами. А смеялись они над простотой и доверчивостью зогаллинцев в лице учителя биологии средней школы с многолетним стажем и старика с огромным жизненным опытом. Мугалы не могли понять, как такое может случиться в наши дни? Три года подряд принимали эти зогаллинцы у себя незнакомого человека, приютили его, открыли ему двери своего дома и при этом даже не интересовались: кто он, откуда он? Со стороны разумные вроде люди, взгляните хоть в паспорт человека.

Мугалам никогда не понять логику жизни рядовых зогаллинцев: говорил им гость, что он из Баку, они и верили ему, что он из Баку! Говорил гость, что работает он в каком-то научном учреждении, они и соглашались. Логика жизни зогаллинцев очень проста: если живешь на этой земле, надо верить людям. Не обязательно заглядывать в документы, чтобы удостовериться в порядочности человека! Вот и все.

А Рахман и в самом деле был порядочным человеком, и если он не оставил свой номер телефона, значит, не хотел навязывать себя ни Тельман-муаллиму, ни Кара-дайы.

Приезжал всегда с полными сумками, был всегда общительным, добродушным,

хорошим собеседником был. Часами мог слушать Кара-дайы, когда тот хорохорился, никогда не перебивая его. Где в Зогаллы в наше время для Кара-дайы найдешь такого слушателя?

А когда он уезжал, Кара-дайы силой заставлял его, чтобы он с собой в Баку брал хотя бы десять литров зогаллинского вина и пару литров тутовой водки. Не хотел ведь Рахман ничего брать, стеснительный был.

Вот такой он был, бакинец Рахман. Пропал и никаких вестей.

А сейчас что старик Кара-дайы, что учитель Тельман-муаллим, когда вспоминают его, волнуются и переживают за него.

– В следующий раз, если приедет, надо будет у Рахмана обязательно номер телефона взять, – говорят они друг другу и в этом находят успокоение. А Рахмана всё нет.

– Почему так мало простых и порядочных людей среди городских гостей, приезжающих отдыхать к нам? – неожиданно вслух произнес Кара-дайы; я сразу догадался, что приезжие городские чем-то сильно его задели и это начало какого-то серьезного разговора. Сидели мы с ним под старым грушевым деревом, лето было в самом разгаре. Отдыхающих в том году, как никогда, было много, Кара-дайы опять вспоминал Рахмана:

– Ты знаешь, чем меня подкупил Рахман?

– Нет, – ответил я, – не знаю.

– Своей любовью к лошадям! Только человек большого сердца и искреннего отношения к животным может так любить лошадей.

– Сейчас многие любят лошадей, – предчувствие меня не обманывало, Кара-дайы собирался рассказать что-то интересное, поэтому я старался поддержать его.

– Многие, говоришь? – подозрительно посмотрел он на меня. – Как бы не так. Вот я, например, живу всю жизнь в деревне, но никогда в хозяйстве лошадей не держал. Однажды, правда, после войны, у меня была лошадь, но ее волки загрызли. Ты, наверное, слышал об этом.

– Нет, конечно, – притворился я, хотя историю с лошадью Кара-дайы в Зогаллы знает даже младенец. Честно говоря, я давно собирался просить его, чтобы рассказал эту историю.

– Расскажу как-нибудь, – ответил Кара-дайы, – но я сейчас не об этом. Я об этих городских.

– Чем городские вам не угодили? – спросил я.

– Вот ты говоришь, многие сейчас любят лошадей, – повторил Кара-дайы. – А я говорю, что среди городских таких, как Рахман, единицы! Вот и всё! В моей памяти он вообще один такой был. Большинству горожан нравятся не лошади, а ослы! – заявил Кара-дайы, сам испугался своего заявления и уставился на меня.

Я прыснул и чуть со стула не упал.

– Не веришь, да? – как ни странно, не обиделся Кара-дайы на мою реакцию. – Тогда слушай.

– Почему не верю, – оправдывался я. – Просто смешно.

– Ничего смешного! – крикнул он, а я никак не мог успокоиться. – Возвращаюсь, значит, неделю назад с поминок из верхней деревни, – не обращая внимания на мой смех, Кара-дайы начал свой рассказ. – Умер старик Саид, ты его не знаешь. Лет на пять старше меня был, хороший хлебосольный мужик был рахматлик. Раньше он часто бывал у меня, я часто поднимался к нему. В последние годы, считай, не общались. Так вот, он умер, а я поздно узнал, на три дня не успел. Попросил соседа Сулеймана, чтобы отвез меня на поминки, хоть на седьмой день. Как же не поминать

Саида, как не выразить соболезнования родным? Сулейман сперва хотел отказать мне, мол, я летом никуда не выезжаю, машин много на дорогах, боюсь. Это я потом понял, почему он не хотел ехать. Одним словом, я настоял, а Сулейман – молодец, согласился, завел с утра свой старый «москвич», и пока не сильно жарко было, поехали мы на поминки. Приехали, помянули, как положено. Родня обрадовалась, что Кара-дайы не забывает их. Как можно забыть часть своей жизни, как можно забыть человека, когда столько времени хлеб-соль ели с ним? Так вот, возвращаемся назад, а по дороге мимо нас проезжает много красивых импортных машин.

– Стыдно на своем «москвиче» перед этими машинами, – под нос недовольно бурчал Сулейман, – быстрее бы добраться домой.

Приезжих отдыхало много, и все на красивых машинах. А «москвич» Сулеймана тарыхтел, как старый паровоз, и я догадался, почему утром он не хотел везти меня: Сулейман стыдился ездить на своей старенькой машине перед этими городскими импортными машинами.

Еще когда наверх ехали, я заметил, что, не доезжая до моста, на правой стороне дороги, между высохшей рекой и горой паслись два осла. Ну, сколько от дороги до горы? Пятьдесят-шестьдесят метров, не больше, поэтому они были хорошо видны с дороги. Так вот, спускаемся вниз, сам еще думаю, пасутся осла еще там или хозяева отогнали их домой? Только проехали мост – смотрю, осла уже не одни, рядом четыре амбала городских. А машина их возле дороги припаркована.

Крикнул я Сулейману:

– Тормозни! – сам не знаю, почему, но приказал Сулейману остановить машину. Тот недовольно тормознул, и остановились мы аккуратно напротив машины этих городских амбалов.

Вышел я из машины, перешел дорогу, спустился на речку. Сулейман остался в машине. От речки одно название осталось, воды нет, тоненький ручеек течет посередине. Иду медленно к ним, быстрее по камням и не пойдешь. Вижу, два амбала, как полоумные, взгромоздились на спины ослов, ухватились руками за их уши, как за поводья, и ржут. А двое, что рядом, фотографируют их. Амбалы, что сидят на ослах, по полтора центнера каждый, не меньше. Спины бедных животных согнулись, от тяжести они не могут даже с места сдвинуться, стоят, как вкопанные. Осел, который был чуть поменьше ростом, кричал, будто из доски выдергивали ржавый гвоздь. Увидев меня, оба амбала слезли. Ну, как «слезли», – опустили ноги, и всё, они на земле. Амбалы здоровые, а осла тощие, низкие, маленькие.

– Не стыдно? – еще издали спросил я криком. – Зачем мучаете бедных животных?

– Извините, аксакал, – начал оправдываться один, – мы не знали, что это ваши осла. – Решили, что осла мои, раз я их отчитываю. – Извините нас, сфотографироваться хотели и всё. На память об отдыхе. И всё. Уезжаем завтра.

– Чтобы осталась память об отдыхе, не обязательно лезть на спину маленьких животных! Лезьте друг на друга и фотографируйтесь! Тем более, вы сами от ослов далеко не ушли!

Обругал, конечно, их плохими словами, молча слушали. Потом еще раз извинились и бегом к машине. Сели и уехали.

Кара-дайы прервал свой рассказ и уставился на меня. По сценарию наших бесед здесь полагался мой вопрос к нему, чтобы узнать, в чем мораль его рассказа. А я намеренно молчал, хотел его немножко вывести из себя. В своих рассказах Кара-дайы нуждается в сопутствующих вопросах, чтобы убедиться во внимательности и сосредоточенности слушателя. Поэтому мое молчание его задело.

– И чего ты молчишь? Понял хоть, к чему всё это я рассказал?

– Ну, да, – я притворился серьезным. – А что тут понимать? Не дали вы им сфотографироваться.

– Дурная твоя голова, – указательным пальцем Кара-дайы чуть не просверлил мне голову. – Сам ты, видать, превратился в них!

– В кого я превратился? – недоумевал я.

– В кого, в кого? В ослолюбителя! Впрочем, большего от тебя и не стоит ждать!

Тут я сделал обиженный вид, что его последние слова мне не понравились, и умеренно возразил:

– Ни в кого я не превратился! Каким был зогаллинцем, таким и остался! Зря вы так...

Кара-дайы чутко улавливает смену настроения у собеседника, поэтому моментально спустил на тормозах, иначе ведь рассказ его останется половинчатым.

– Раз остался зогаллинцем, тогда слушай дальше, – тут он сбился и забыл, на чем прервал свой рассказ. – Так на чем я остановился? – обратился он ко мне.

– На ослах и на городских амбалах, которых вы сняли с ослов, не дав им сфотографироваться.

– Так вот, думаешь, эти амбалы одни такие? Как бы не так. Такие, считай, поголовно все приезжие: как увидят пасущихся ослов возле дороги, обязательно останавливаются! Кто более горазд – тот на осле, а кто боится садиться – тот рядом с ослом фотографируются. Ни разу не видел, чтобы кто-то стоял рядом с лошадьёю или с коровой и фотографировался. А вот с ослами – пожалуйста! Сейчас ты понял?

– Ничего не понял! – злился я, в самом деле не понимая, к чему он всё это рассказывает. – Вы можете объяснить, что этим хотите сказать?

– Что тут непонятного? Тянет их к ослам, тянет! Неужели не понятно? Сейчас хоть понял?

– Сейчас всё понял, – притворился я, но, честно говоря, всё равно не понял, к чему вся эта его лекция.

– Только один Рахман увлекался лошадьёю, и тот пропал. Ослов, говорил он, у меня на работе полно. Я их не люблю. Правду говорил, оказывается, Рахман, летом большинство этих ослов поднимаются к нам на отдых. А ты думал, откуда они?

А я ничего и не думал, я только слушал.

Раз уж завелся Кара-дайы, он никому не даст говорить и его не остановишь. О приезжающих отдыхать он и раньше часто высказывался. На этот раз Кара-дайы раскрыл все карты, и я лишний раз убедился, что мой Кара-дайы – наблюдательный старик, не зря в войну разведчиком был:

– Что я заметил, – медленно рассуждал он, – если приезжает чисто мужская компания, их отдых с первого дня, как правило, превращается в обыкновенную пьянку. Пить, конечно же, они не умеют. Нередки случаи, когда в первый же день приезда эта компания прямо с дороги поднимается на гору, находит там прохладное место и начинает пить. А когда к вечеру они спускаются вниз, от водки и резкого перепада давления у них случаются удары. Наши машины скорой помощи только и делают летом по вечерам, что с включенными сиренами – вий-вий, вий-вий – бегут с гор в районную больницу, везут этих горе-отпускников спасать их жизни. И не всегда спасают ведь. А какие они костры разводят, когда шашлыки жарят? Будто горит склад пороха. А когда спускаются вниз – или забывают тушить, или просто не тушат. Вот и всё. Потом по телевизору говорят, что в Гахе горят леса...

Много нехорошего о городских гостях говорил в тот день Кара-дайы, но больше всего его задевало их высокомерие. Если суммировать всё высказанное Кара-дайы в адрес отдыхающих из города, вычсть оттуда ругательства, а потом привести в литературный вид, то получалось следующее: Кара-дайы было искренне жаль высокомерного городского «интеллигента», для отдыха выбирающего Зогаллы и при

этом мучительно жалеющего его простых жителей в том, что те, бедные, помрут, так и не увидев, что такое театр, опера, балет.

– Некоторые умники, – говорил Кара-дайы, – с первых шагов на зогаллинской земле стараются демонстративно акцентировать внимание или проявлять остроумие на внешних проявлениях наших зогаллинских норм и адатов.

На самом деле, прав был Кара-дайы. Я сам не раз замечал, что иногда недоброй иронией, иногда издевательски-насмешливым отношением эти «цивилизованные, образованные и культурные» особи хотят подчеркнуть более низкий статус «дремучего народа» – зогаллинского жителя. Всегда вежливый и приветливый к гостям житель Зогаллы долго потом думает, почему, интересно, этот городской приезжий загадочно и ехидно улыбнулся, когда зогаллинец, проходя мимо него, не прошел молча, а, посчитав его пусть даже временным, но гостем Зогаллы, подошел и с ним поздоровался. «Ну, и что же, что мы с тобой не знакомы, – рассуждает, отходя, зогаллинец. – Раз ты приехал на мою исконно дедовскую землю отдыхать, подышать свежим воздухом, насладиться дарами зогаллинской природы и питаться выращенными моими руками продуктами, то почему, здороваясь с этими самыми руками, нездорово улыбаешься?»

Зогаллинцы в большинстве своем просты и доступны в общении, чувства у них не наигранные, они открыты и даже немножко наивны. Но какими бы наивными они ни были, кишащего чванливостью и дешевым необоснованным высокомерием горожанина они замечают быстро. В таких случаях наивность зогаллинца сменяется категорическим неприятием к страдающему непонятной гордостью приезжему. И тогда горожанину негоже оставаться в Зогаллы, ему лучше запаковать свою гордость и переезжать в другое место для отдыха.

Горожане приезжают и уезжают, а Кара-дайы как жил в Зогаллы с самого рождения, так и по сей день живет. И родители его тут жили, бабушки-дедушки тоже. Живет он своим устоявшимся и оправданным укладом и не думает, что все блага цивилизации обошли Зогаллы стороной и сконцентрированы в больших городах.

– Такие города я видел, что многим даже во снах не приснятся, – говорит Кара-дайы, когда речь заходит о городской жизни. – Всю Европу прошагал, до Дрездена дошел. Но лучше нашего Зогаллы нет места на свете, – добавляет он, подкрепляя свои слова стопкой крепкого зогаллинского напитка собственного изготовления.

– Вот загадка, – часто задумывается Кара-дайы, – столько народу приезжает к нам каждый год отдыхать, а лошадей среди них любил только наш Рахман, – подытоживает он разговор о городских гостях, – остальных всех почему-то тянет к ослам.

Как утверждает Кара-дайы, простым зогаллинцам достаточно разбираться в простых вещах. Якобы им больше и не нужно. На вопрос, а как быть со сложными вещами и кто в них должен разбираться, Кара-дайы спокойно отвечает:

– В сложных вещах должны разбираться умные мугалы, нам достаточно того, что знаем.

Лукавит, конечно же, черный старик, дедушка наш Кара-дайы, ох, как лукавит, когда мугалов называет «умными». Прошли времена, когда мугалы блистали умом на фоне отсталых зогаллинцев. Зогаллинцы сегодня ни в чем не уступают мугалам, во многом их даже превосходят. Они разбираются во всем, у них острый ум и не менее острый язык. Они могут часами рассказывать о технических данных трактора «Беларусь», грузового автомобиля «ГАЗ», комбайна «Ростсельмаш». Мотоциклы и велосипеды некоторые зогаллинцы разбирают и собирают с закрытыми глазами. Они хорошо разбираются в политике, знают в лицо всех министров и некоторых депутатов. Автобиографию любимых артистов зогаллинцы знают лучше самого артиста.

Темам, обсуждаемым зогаллинцами на автобусной остановке, напротив правления бывшего колхоза, завидовал бы распорядок дня пленарного заседания правительства. Однажды я стал свидетелем бурных дебатов, когда многонациональные силы собирались начинать военную операцию «Буря в пустыне» в Ираке против войск Саддама Хусейна. Тогда сход зогаллинских стариков и знатоков (сплав мудрости и ума) после двухчасовых обсуждений поздним зимним вечером вынес решение: «Операция ограничится освобождением Кувейта, американцы на территорию Ирака не войдут!» И угадали ведь! Не прошло и месяца, как Ирак вынудили уйти из Кувейта и заставили признать свое поражение, но дальше не пошли.

Но есть вопросы, где зогаллинцы слабы, об этом каждый раз с болью в душе рассказывает Тельман-муаллим, учитель биологии зогаллинской средней школы.

Например, как только вопрос касается лошадей, когда-то незаменимых домашних животных в селе, бурный энтузиазм зогаллинцев моментально угасает, и они замолкают. Зогаллинцы не разбираются в лошадях.

– Лошадь была незаменимым животным для наших предков, которые вели кочевой образ жизни. Столетия назад наши предки прибыли в Зогаллы, осели тут и после этого перестали кочевать. С тех пор мы сидим тут. Признаемся, когда не было техники, лошадь была нужна. На что она сегодня нам нужна? – удивляются зогаллинцы.

На сегодняшний день лошадь в представлении рядового зогаллинца – это голова, шея, хвост, грива и четыре ноги. При этом каждый второй зогаллинец уверен, что голова лошади дана только для того, чтобы надеть на нее уздечку с удилами, а шея у нее предназначена для хомута. А хвост нужен ей для того, чтобы отгонять мух. Всё, больше о лошади зогаллинцы ничего не знают.

Как-то приезжий тележурналист остановил случайного зогаллинца на улице, то ли возле продуктового магазина, то ли на остановке, где всегда много народу, отвел его у всех на виду в сторону, поставил перед камерой и спросил:

– Уважаемый, столько лет вы живете в этой деревне. Тут родились, тут выросли. Что вы знаете о лошадях? – а для солидности репортажа нагрузил его еще следующим предложением: – О животных, которые в течение многих веков верно и добросовестно служили вашим предкам?

От подобного бесхитростного и неожиданного вопроса зогаллинец растерялся и поначалу не понял, чего от него хотят. Хотел даже журналиста покрыть классическим зогаллинским ругательством, но потом одумался, посмотрел на него испуганно-удивленными глазами, сердито спросил:

– А почему именно я должен отвечать? Они что, только моим предкам добросовестно служили? Вон сколько народу, спросите у них.

Только после того, как журналист стал его просить, зогаллинец в поисках достойного ответа начал почесывать лоб и затылок в надежде якобы на восстановление забытых знаний по биологии. Так как этих знаний у него в голове сроду не было, следовательно, ничего там и не восстановилось, в итоге он пожал плечами и виновато замолк.

Последующие зогаллинцы оказались не умнее первого: многие сердито смотрели на журналиста, потом разворачивались и уходили, как и первый, ничего не ответив. Раздосадованный журналист к обеду уехал, так и не получив ответа на заданный им вопрос.

А уехал он недалеко, в соседнее с Зогаллы мугальское село.

Первый же мугал на вид показался журналисту интеллигентным человеком. Несмотря на жару, тот был в костюме, галстук, увидев камеру, сам подошел к ней и выразил готовность отвечать на любой интересующий вопрос. На радостях журналист задал ему тот же вопрос, с которым он приставал к зогаллинцам, то есть спросил о лошадях. Мугал не ожидал подобного вопроса, или он не был специалистом в этой

отрасли, но галстук обвязывал. Ему деться было некуда. Он начал юлить, хотел создать впечатление, якобы владеет вопросом.

– Лошадь, – ответил «сообразительный» мугал после долгого раздумья, – очень нужное животное в наших местностях! Но чуть выше от нас, в горных условиях, ее можно заменить ослом, – добавил при этом он после очередного раздумья.

– Сам ты осел! – в сердцах сказал ему журналист, собрал камеру и уехал, так и не выполнив редакционного задания.

Да, кстати, что касается ослов. Они, между прочим, в наше время, как ни странно, ценятся больше, чем лошади.

В верхних горных деревнях ни один «железный конь» их не заменит. Но в Зогаллы нет ослов, Зогаллы на низине. Поэтому тут вы не увидите ни осла, ни арбу, запряженную ослом!

Тельман-муаллима, учителя биологии зогаллинской школы, ослы не интересуют, он увлечен лошадьми. Ох, и злится Тельман-муаллим за столь поверхностные знания своих земляков о лошадях.

В Зогаллы он считается большим любителем лошадей и знатоком лошадиного дела. При надобности он-то уж точно вам расскажет о лошадях столько, сколько душа желает. Отношение земляков к лошадям Тельман-муаллим любит сравнивать с тем, как в Англии относятся к этим животным.

– Нам, зогаллинцам, в этом вопросе до англичан далеко, – говорит Тельман-муаллим, будто по остальным вопросам зогаллинцы догнали и перегнали англичан или стоят с ними на одном уровне.

– А что ты хотел? – и тут Кара-дайы не сидит без ответа. – В Англии каждый второй англичанин – это лорд. А у нас у каждого второго зогаллинца в жилах течет мугальская кровь.

Однажды я пытался уточнить у Кара-дайы, откуда ему известно это слово и что он знает о лордах? Он долго и внимательно смотрел на меня, покрутил головой.

– Из-за вот этих твоих лордов, чтобы ты знал, мы сегодня вот так живем, понял? – плюнул и ушел.

Я так и не понял, с каких пор лорды стали моими, как мы сегодня живем и что лорды нам плохого сделали. Больше к этому вопросу в беседах с Кара-дайы я не возвращался, хотя, нет-нет да и бывает, что он пользуется своим любимым выражением, обвиняя лордов наравне с мугалами во всех сегодняшних зогаллинских неурядицах.

Вернемся к Тельман-муаллиму: оказывается, по его словам, в древние времена лошадь была свободным, диким животным. Со временем она приобрела силу, быстроту передвижения, выносливость. Именно эти ценные качества и привлекли к ней древнего человека, который решил ее приручить. И приручил!

– Да, с помощью людей лошадь цивилизовалась, – говорит Тельман-муаллим, – обзавелась хомутом, седлом и удилами. Но она потеряла свою свободу! – так грустит после этих слов наш биолог, что невольно приходишь к мысли, что потеря лошадьми своей свободы в процессе их эволюции является самой большой несправедливостью на земле со дня ее сотворения.

Пока вы размышляете над масштабами этой трагедии, Тельман-муаллим философски добавляет:

– Да что там лошадь? Любая цивилизация подразумевает ограниченную свободу. Нынешний цивилизованный человек, разве он свободный? Разве мы с вами свободны?

– Да нет же, какие мы свободные, – отвечаю я. – Чтобы наши враги были такими свободными, как мы с вами!

– Так я же тоже об этом, – воодушевляется Тельман-муаллим. – Не будем судить о цивилизованности отдельно взятого зогаллинца. Пусть мугалы рассуждают о нашем развитии, им нравится это дело. А я, чтобы никого не обидеть, сужу по себе,

– без ложной скромности отведя себе роль авангарда зогаллинской цивилизации, Тельман-муаллим продолжает: – Со стороны может показаться, что кому-кому, а мне уж точно не на что жаловаться. Но только один я знаю, сколько груза навалено на мои плечи, и как мне тяжело в этой жизни. Некогда поднять голову и выпрямить спину! Представляешь?

– Надо как-то найти время, – не выдерживаю и смеюсь я.

– На что? – не понимает мой сарказм Тельман-муаллим.

– На то, чтобы поднимать голову и выпрямлять спину.

И Тельман-муаллим смеется.

– Разве я один такой?! Речь-то не обо мне, сынок! Я-то как-нибудь выпрямлюсь, вот ситуация с лошадьми все-таки тяжелее. Даже потеряв свободу, они на протяжении многих веков оставались надежными друзьями и близкими помощниками своих хозяев. При этом веками считались самыми ценными домашними животными. И транспортом служили, и на пашне использовали их, а на поле битв они были незаменимыми...

Когда Тельман-муаллим говорит о лошадях, собеседник должен делать вид, что всё, о чем толкует учитель, ему интересно. В противном случае он быстро раскусит вас и прервет свой монолог. Зная способ ведения разговора, я внимательно слушаю учителя, временами удивляюсь. Это его заводит.

– Будь проклят тот день, когда люди придумали машины и трактора! – тем временем, подобно старому трактору, который заводился с помощью веревки и громы-хал на всю деревню, заводится Тельман-муаллим и начинает возмущаться. – Надо же такое, будто назло лошадям трактора стали называть «железными конями». С тех пор, как лошади были заменены этими «железными конями», бедные животные стали никому не нужны. Чем больше тракторов, тем меньше лошадей. С появлением тракторов у нас в Зогаллы их поголовье катастрофически стало уменьшаться. И во всем винят трактора. А причем тут трактора, спрашивается? Виноваты ли в этом трактора? Да нет, конечно, трактора тут ни при чем. Это мы, зогаллинцы, – неблагодарный народ. Нам бы учиться у англичан в этом вопросе. Нам до англичан далеко.

– Вы что, сговорились, что ли, с Кара-дайы? При чем тут англичане? – недоумеваю я.

– А притом! Мы должны были брать пример с них. В Англии тракторов больше, чем вшей на спине у моей собаки.

– Болеет, что ли, она у вас? – перебиваю я Тельман-муаллима.

– Кто болеет? – не понимает он.

– Собака ваша. Почему она такая вшивая? – я еле сдерживаю себя от смеха.

– Да у меня собаки-то нет. Это я так, образно выразился. Раньше в Зогаллы старики часто использовали эту поговорку.

– Ну, тогда понятно, – соглашаюсь я.

– Так вот, – продолжает Тельман-муаллим, – в отличие от нас, зогаллинцев, англичане и сегодня продолжают ценить лошадей, восхищаться их скоростью и мощностью. А мы, увидев трактора, забыли лошадей, как мулла забывает молитву при виде вкусного плова. А англичане – молодцы, чтобы не расстаться с лошадьми, знаешь, что они сделали? – спрашивает у меня Тельман-муаллим.

– Не знаю! – твердо отвечаю я.

– Они вспомнили древнейший вид конного спорта – скачки! Вот что они сделали! Англичане вспомнили, а мы нет! Нам, зогаллинцам, было не до скачек. Нам дали трактора и грузовики, и мы тут же забыли лошадей. Как маленькие дети забывают своих родителей, когда их долго не видят. Мы, зогаллинцы, очень жестоко обошлись со своими лошадьми. Хоть бы кто стыдился подобного бездушия! Только я переживаю, остальным хоть бы что. Тот же Кара-дайы, дедушка твой, самый уважаемый аксакал среди нас, и то как-то отдал свою лошадь на растерзание волкам. А

в восьмидесятых годах многие зогаллинцы без зазрения совести сдали когда-то любимых животных на мясокомбинаты. Сегодня в Зогаллы лошадей осталось считанные единицы, и в силу своей хозяйственной ненадобности лошади в деревне ценятся ниже барана или годовалой телки. Ты представляешь, если бы сто лет назад кто-нибудь подобное говорил, его посчитали бы сумасшедшим.

– Это правда, – соглашаюсь я.

– Еще какая правда, – дальше заводится Тельман-муаллим и незаметно переключается на практическую часть своей беседы. – Как-то при встрече спрашиваю у своего соседа-электрика:

– Зачем ты продал свою лошадь, Ибрагим? Деревенский двор без лошади разве двор? Испокон веков азербайджанский мужик держал дома лошадь. Я учитель, и то держу, а ты взял и продал, – хотел пристыдить его. Ты думаешь, стыдно стало ему? Какой там стыд? А он:

– Я электрик, мне лошадь по работе не нужна.

– Если ты научился лазить по столбам, как обезьяна, это еще не означает, что лошадь по хозяйству тебе может не понадобиться, – говорю ему.

– Что вы пристали ко мне? – стал он еще больше возмущаться, вместо того чтобы признать свою ошибку. – Вам, может быть, как учителю биологии, Тельман-муаллим, интересно иметь дома лошадь. А мне она не нужна, я лучше десяток лишних барашек буду держать. Пользы больше будет. А от вашей лошади никакой пользы в наше время: только успевай кормить ее, да и убирать за ней. Хорошо хоть, нашелся покупатель, – смотрю, еще и радуется, что удачно продал ее.

Закончив рассказ, Тельман-муаллим горестно заключил:

– Никто, кроме меня, в Зогаллы не задумывается о последствиях исчезновения лошади в деревенской среде.

– Другая уже цивилизация, Тельман-муаллим, – успокаиваю я его. – Другое поколение, другой мир. Не стоит так близко принимать к сердцу.

– О какой цивилизации после этого можно вести речь? – кипит Тельман-муаллим. – Разве Ибрагим один такой? Последнего зогаллинского жеребца на днях погрызли волки, – продолжает он. – Встретился я с хозяином жеребца в магазине – вместо того, чтобы горевать, он улыбается. При этом догадывается, что обязательно дам нагоняй.

– Как же так, – спрашиваю у него, – случилось-то? Не сберег ты последнего коня в деревне. Куда сейчас лошадей будем водить? Сейчас сам будешь наших лошадей накрывать, да? – зла не хватает на них.

В ответ он как бы оправдывается, зная мою любовь к лошадям.

– Забыл, – говорит, – на ночь забрать жеребца домой. Пасся он днем в фундуковом саду вместе с овцами и буйволицей. Овец и буйволицу вечером привел домой, запер в сарае, а жеребца забыл. Там его и растерзали волки, будь они прокляты. Жену надо было слушать.

– Жена предупреждала, да? – спрашиваю у него, а сам в душе радуюсь, что хоть жена у него с понятием.

– Еще как предупреждала, – отвечает, – с осени твердила, что надо на мясокомбинат коня сдавать!

– Тыфу на вашу полумугальскую фамилию! – выругался я под смех присутствующих и ушел. – И знают же, что нельзя на ночь сейчас оставлять животных в саду. Думал, коня жалеют, а они, оказывается, жалеют, что не успели его вовремя на мясокомбинат сдать. Что им скажешь? – вдруг остановился и косо посмотрел на меня Тельман-муаллим.

– Кому? – не растерялся я.

– Людям. Хотя, с другой стороны, их тоже можно понять. Вот, например, моя лошадь второй месяц ходит босой. Нет подков. Пока жив был кузнец Исмаил, он ковал

мне подковы. Как он умер, некому продолжать его искусство. Кузню его на следующий же день после смерти закрыли, а я не могу найти подков. И в продаже они отсутствуют. Ездил в Гах, Шеки, Загаталу – нигде нет. Сейчас все оставшиеся в Зогаллы лошади ходят некованные. Так и хочется спросить у нашего министра, который ведет сельскохозяйственными делами: знаете ли вы, уважаемый министр, что лошадям нужно подковать? Если знаете, то где взять подковы? Беда и всё! Заграничной машине два раза в год резину менять можем. А раз в два года подковать лошадь – нет! С таким подходом к животным нам никогда не сравняться с цивилизованным миром. Нет, нам до англичан далеко, ох, как далеко.

Опять англичане. Но я уже привыкший, продолжаю внимательно слушать учителя. Редко в наше время встретишь человека, так искренне переживающего за лошадей. Неожиданно для меня он меняет направление разговора.

– Мало, что сами наплеватьски относимся к животным, так еще и, как назло, в этом году, сынок, волки с другой стороны им не дают жизни. Волков в этом году завелось столько, что даже не сосчитать. Не поверишь, к нашим волкам, будто их мало было, добавились еще и чеченские волки. Больше всех страдает кто? Конечно же, лошади страдают, больше всех их оставляют без присмотра. Лошадей никто не жалеет. Эх, народ, разве объяснишь им, – качает головой Тельман-муаллим и уходит...

...Разговор наш с Тельман-муаллимом состоялся в девяностых годах прошлого столетия. Тогда история с чеченскими волками в Зогаллы сделала много шума. А дело было в первую русско-чеченскую войну. В разгар войны зогаллинцы по ночам отчетливо слышали канонады артиллерийских залпов. Не один зогаллинец тогда страдал бессонницей, хотя мало кто признавался в этом. Никто не хотел первым признаться в страхе, вселившемся в его душу. В разговорах между собой зогаллинцы делали вид, будто ничего тревожного не происходит, грохот артиллерийских взрывов им нипочем.

– Как темнеет на улице, ложимся спать! С одной стороны я ныряю под одеяло, с другой – жена. Ничего не слышим, никого не боимся! Мы занимаемся своим делом! – примерно так в шутку отвечал зогаллинец Махмуд, когда я как-то у него поинтересовался о ночных звуках.

В тот год недалеко от Зогаллы в поле упал невзорвавшийся снаряд, прилетевший через горы с чеченской стороны. Вот тогда стало не до шуток! Ох, и испугались тогда зогаллинцы!

Кара-дайы, как знаток военных дел, на следующий день вместе с Абид-муаллимом съездили на место падения снаряда. Снаряда они не обнаружили, к тому времени военные забрали его и взорвали на пустыре.

– Я, конечно, не артиллерист, но, судя по воронке, это был именно артиллерийский снаряд, а не танковый, – по возвращении с места падения снаряда Кара-дайы доложил землякам и успокоил их. В те годы зогаллинцы почему-то танков боялись больше, чем артиллерии.

При этом никому из зогаллинцев не пришло в голову тогда спросить у Кара-дайы, какая может быть воронка от невзорвавшегося снаряда? Зогаллинцы – народ доверчивый: раз Кара-дайы увидел воронку, значит, она там была. Взорвался снаряд или не взорвался – их это меньше всего интересовало. Главное, снаряд был артиллерийский, а не танковый! И очень хорошо, что он не взорвался, подумали некоторые, поди потом определили вид снаряда.

Но больше всех тогда испугался Абид-муаллим, в те дни он ежечасно заходил к Кара-дайы. Абид-муаллим опасался наплыва беженцев с той стороны горы.

– Своих беженцев не знаем, где разместить, – жаловался Абид-муаллим, имея в виду беженцев карабахской войны, – а тут, не дай бог, если еще и эти перейдут.

Кара-дайы, как мог, тогда успокоил его. «Эти», тоже к большой радости Абид-муаллима, так и не перешли на нашу сторону, какая бы затягивающая и кровопролитная ни получилась в итоге у них война с русскими. Видимо, высокие заснеженные горы стали для них непреодолимым препятствием. Зато пришли другие.

К зиме зогаллинцы заметили, что в деревне по сравнению с предыдущими годами увеличилось количество нападений на домашних животных со стороны волков. Первыми жертвами волчьего разгула стали ни в чем не повинные овцы и бараны. Со временем обнаглевшие волки стали нападать и на коров и лошадей.

Зогаллинцы боролись с ними привычными методами, днем они пасли животных недалеко от деревни, а по ночам закрывали их в не доступных для волков помещениях.

А когда проголодавшиеся серые твари в поисках еды стали появляться во дворах зогаллинцев, кто-то из местных аксакалов выдвинул следующую гипотезу: возросшее количество волков и их наглое поведение во многом связаны с переходом на нашу сторону их многочисленных чеченских братьев.

На следующий день данную гипотезу подтвердил и Тельман-муаллим, согласившись с аксакалом. Оказывается, объяснил он своим землякам, животные, какими бы они ни были животными, то есть бессознательными в нашем понимании, не любят оставаться в местах, где происходят боевые действия, и в таких случаях массово покидают арену постоянного обитания. Но бывает и остаются.

– А все ли животные покидают места боевых действий? – спросили зогаллинцы у Тельман-муаллима.

– Почти все! – уверенно ответил тот и еще больше расстроил своих земляков.

– Разве есть в этом мире справедливость? – стали горевать зогаллинцы. – Из всех видов животных, которые покидают Чечню, к нам почему-то перебрались только волки.

А тут кто-то еще пустил слух, якобы, когда мы тут днем и ночью воюем с чеченскими волками, мугалы у себя чеченских овец и баранов стадами принимают. Аксакалы всерьез взялись за дело. В тот же день несколько молодых зогаллинцев под видом гостей срочно были откомандированы в мугальскую деревню. Вернулись командированные поздно вечером и навеселе.

– Встретили нас хорошо, ничего не скажешь! Но стада овец и баранов у мугалов нами замечены не были, – доложили они аксакалам результаты поездки. – Население, как и у нас, жалуется на волков.

Аксакалы сами успокоились и стали успокаивать остальных зогаллинцев.

Между прочим, по утверждению аксакалов и по наблюдениям зогаллинцев, чеченские волки были намного злее наших. В чем их злость выражалась, никто не объяснял, но, по рассказам тех же аксакалов, чеченские волки без разбору уничтожали всех животных, кого только могли поймать. Наши волки точно так же поступали, но зогаллинцы почему-то их считали менее злыми.

Некоторые пессимистично настроенные аксакалы посчитали плохим знаком переход чеченских волков на нашу сторону. Они боялись, что если война разбудит еще и чеченских медведей, которые, как и наши, зимой спали, тогда зогаллинцам придется совсем туго.

Слава Аллаху, то ли в ту зиму чеченские медведи крепко спали, то ли они не стали следовать за волками – случаи появления медведей в Зогаллы тогда не были замечены.

– Отношения между волками и людьми, – тем временем объяснял тот же Тельман-муаллим своим землякам, – исторически сложились неприятельскими, если не сказать напряженными.

– А как вы хотели, дружить, что ли, с ними? Они будут драть наших животных, а мы будем с ними дружить? Нет, Тельман-муаллим, вы хоть и учитель биологии, но вы должны выступать на нашей стороне, а не на стороне волков, – недоумевали зогаллинцы.

– Да я на вашей стороне и выступаю, – оправдывался Тельман-муаллим, – а вы никогда не думали, почему люди во всем винят волков. А волки, между прочим, особых претензий к людям не имеют. И в практике очень мало случаев нападения волков на людей.

– Это правда, – тут соглашались с ним зогаллинцы, – волки на людей редко нападают, избегают они людей.

– Вот именно! – продолжал Тельман-муаллим. – Случаев нападения людей на волков намного больше. Поэтому у волков больше оснований быть недовольными действиями людей, чем наоборот!

– Пускай тогда участковому Сабиру жалуются, раз они недовольны нами. Но наших животных пусть не трогают, – шутили зогаллинцы при участковом Сабире.

– Пусть только попробуют, – отшучивался Сабир, – я их так разжалую!

– В том-то и дело, что никуда они не жалуются, не получается у них так, как у людей. Точнее, не всегда получается. Они, может быть, и рады бы жаловаться, да не умеют. Поэтому живут себе, добывая где попало хлеб насущный. В природе для них хлеб насущный – в основном это дикие животные. Но они также имеют слабость к нашим домашним баранам и овцам, лошадям и козам, коровам и телятам, которых оберегаем мы.

– Вот с этого и надо было начинать, – перебивали его зогаллинские скептики, – а то неприятельские, напряженные отношения. Они будут наших животных уносить, а мы с ними дружить, да? Вы волков оправдываете, да? Нет уж, Тельман-муаллим!

– Я волков не оправдываю, упаси Аллах! Как вы могли такое подумать? – расстраивался Тельман-муаллим. – Я о том, что люди тоже имеют виды на овец и баранов, потому и оберегают их. Я просто хотел сказать, что именно на этом противоречии и построена многовековая борьба между людьми и волками! – заключал Тельман-муаллим.

– Не знаю, что на чем построено, – говорил один из скептиков, – как уничтожали волков наши отцы и деды, так и мы будем бить их! Я лично дружить с волками не намерен!

Чтобы разрядить ситуацию, один из присутствующих задал тогда вопрос Тельман-муаллиму:

– Вы, Тельман-муаллим, лучше, расскажите, где они днем прячутся? Как получается, что днем их с огнем не сыщешь? Мы бы их при дневном свете отстреляли и на этом закрыли бы дело!

Тельман-муаллим с удовольствием переходил к описанию поведения волков для несведущих.

– Вы правы! – при этом Тельман-муаллим автоматически включался в стихию школьного урока биологии. – В обычное, мирное время волки скрываются от людского глаза в неприступных ущельях, глубоких лесах, оврагах. Поэтому днем тяжело их обнаружить.

– Все ли они серого цвета?

– Преимущественно все они серого цвета. Как правило, живут и охотятся стаями. Но попадаются и волки, которые не уживаются в стаях. Их называют «одинокими волками».

– Как вы думаете, Тельман-муаллим, с чеченской стороны к нам волки перебрались стаями или в одиночку? – спросил я тогда у него с серьезным видом.

Рассмеялся Тельман-муаллим! Как любому специалисту, ему особо нравится, когда собеседник у него такой недогадливый:

– А кто его знает, как они перешли? Это не самое важное. Факт, что перешли, и смотри, что они творят.

Действительно, никто и тогда не знал, и сегодня не скажет, сколько стай чеченских волков перешло в ту зиму в Зогаллы.

Первым пострадало хозяйство начинающего местного коммерсанта Салима. Салим имел неосторожность оставить своих овец на ночь во дворе в открытом хлеву. Привыкший в последнее время считать только прибыль, при подсчете настигших его убытков коммерсант ужаснулся. Утром он обнаружил всех их убитыми, лежащими в обиженных позах по всему хлеву. Что интересно, волки полакомились только двумя овцами, остальным они разрывали горло и распарывали брюхо. Следующей жертвой стала корова Акбара, которая пользовалась дурной славой уходить от стада во время пастбы деревенских животных. Когда вечером она вместе со стадом не вернулась домой, вся многочисленная родня Акбара бросилась на поиски коровы. Искали до глубокой ночи, но так и не нашли. Только через день возле речки пастухи обнаружили свежообгрызенный скелет коровы. Голова была целая, по ней и определили пострадавшую.

Дошла очередь и до «одинокого волка», не ужившегося в стае. Один такой бродяга, ошавев, видимо, от одиночества, выскочил на дорогу и в конце зимы взял путь в Зогаллы. Среди белого дня, по словам Кара-дайы, он нагло вырос в его дворе в надежде на угощение бараниной. Вместо ожидаемой баранины он услышал от Кара-дайы очень нелестные и порой даже грубые выражения не только в свой адрес, но и в адрес всей волчьей семьи. Волк, ожидавший более теплого приема, от неожиданности потерял свою волчью голову. Кара-дайы тем временем, схватив вилы, перешел в наступление. Загребая отощавшими за зиму лапами и поджав куцый волчий хвост, волк убежал с максимальной для здешних условий скоростью в сторону фундукового сада Кара-дайы. Собака Кара-дайы при виде волка моментально и незаметно исчезла и на все призывы хозяина о необходимости преследования хищника не откликнулась, позорно прятавшись в скотном сарае. А напуганные появлением незваного гостя овцы и бараны Кара-дайы еще часа три держались в куче, боясь расхотиться.

Весть о забредшем во двор Кара-дайы одиноким волке быстро расползлась, и к вечеру аксакалами было решено выставить в деревне вооруженную охрану из числа добровольцев. Добровольцы должны были с наступлением темноты и до утра дежурить на улицах Зогаллы. Охранники имели негласное право в случае невыносимого холода заходить в любой дом и согреться, чем хозяева угощают. Этим правом они пользовались сполна.

Пара таких охранников и провела меня в ту лютую зиму вечером к дому Кара-дайы, которого я решил навестить по случаю очередного приезда. Охранники всю дорогу шутили и смеялись, видно было, что перед заступлением на дежурство они неплохо подкрепились. Когда мы дошли до дома Кара-дайы, один из охранников, просунув руку, каким-то только ему известным способом открыл изнутри железную калитку Кара-дайы, и мы все вместе зашли в его двор.

– Молодец, Кара-дайы, – похвалил тот же шустряк, – загнал всех животных в сарай.

Действительно, ни одной живой души во дворе не было видно. И через огромный двор мы направились в каменный дом Кара-дайы, откуда из окна одной из комнат просачивался тусклый свет керосиновой лампы. Времена были переходные, по вечерам в Зогаллы света практически не бывало. Кара-дайы меня ждал, мы с ним договаривались еще в обед по телефону.

Охранники с таким шумом зашли в комнату, что жена Кара-дайы, не узнав их, существенно испугалась. Испугался и Кара-дайы, но виду не подал.

– Кара-дайы, – доложил один из охранников, – примите внука.

Увидев меня, Кара-дайы и жена пришли в себя и перевели дух. Я поздоровался с каждым из них в отдельности.

– Мы ненадолго, – продолжал шутить тот остряк, – давайте наливайте, а то нам еще на службу!

Стол был накрыт, как всегда, щедро.

Охранники первыми и сели за стол, пока мы с Кара-дайы в двух словах интелесовались друг у друга состоянием здоровья и дел.

На столе было всего две стопочки, предназначенные нам с Кара-дайы. Других гостей, видимо, Кара-дайы не ждал. Разговорчивый охранник, не дожидаясь разрешения Кара-дайы, сам налил в стопки водку и поздравил Кара-дайы с приездом внука, и они вдвоем залпом выпили. Потом он опять налил в эти стопки и протянул нам. Мы тоже выпили. Наступила небольшая пауза. Все мы накинулись на еду, после столь крепкой водки не до разговоров было нам. Тишину прервал Кара-дайы и спросил у старшего охранника:

– Прошедшая ночь спокойная была? Никого не разодрали наши гости?

– Очень спокойная была, – пошутил охранник, – волки ночью спокойно напали на белую лошадь Абдулсалама и задрали ее.

– Как задрали? – удивился Кара-дайы.

– Как? Как когда-то вашу лошадь загрызли, помните, Кара-дайы? – добавил другой охранник, и они начали смеяться. Смеялись они от души, громко и настолько заразительно, что к ним присоединилась и жена Кара-дайы. Жена Кара-дайы смеялась не по годам визгливо. Я первый раз слышал, как она громко смеется, поэтому тоже улыбался. Сам Кара-дайы сперва молчал, позже, то ли посчитав шутку безобидной, то ли приняв ее за глупость охранников, тоже начал смеяться. Я не знал, о чем идет речь, поэтому мне оставалось только ждать, пока они успокоятся. Успокоившись, тот же шутник, повернувшись ко мне, спросил:

– Ты еще про лошадь Кара-дайы не писал? – в Зогаллы тогда уже многие знали, что я обещал Кара-дайы написать книгу о деревне.

– Про какую лошадь? – уточнил я.

– Ты про лошадь напиши, всё остальное ерунда. Как раз к месту будет. Да, Кара-дайы? – спросил он у него и продолжал смеяться. – Неужели вы ему еще не рассказали?

– Нет, не рассказал. Расскажу как-нибудь, – ответил ему Кара-дайы.

– Вот сегодня и расскажи, – неожиданно вмешалась жена Кара-дайы, обычно предпочитающая молчать, – а то только и делаешь, что хвастаешься перед ребенком и смеешься над другими. Расскажи хоть раз о своих глупостях.

– Ну, что вы пристали ко мне, – огрызнулся Кара-дайы, – тоже мне история. Надо будет, расскажу.

Охранники довольно улыбнулись в мою сторону, шустряк еще раз налил себе и товарищу, встал и сказал тост:

– Кара-дайы, еще раз за приезд вашего внука. Мы сейчас выпьем и уйдем на дежурство. А вы все-таки расскажите ему, как вашу лошадь волки загрызли.

– Чем быстрее уйдете, тем быстрее я расскажу, – ответил Кара-дайы и дал понять незванным гостям, что пора уходить, надо бы поторопиться.

Охранники встали, извинились.

– Извините, что зашли без приглашения, – сказал первый и, как артист, торжественно поклонился.

– Извините, что долго задержались, – добавил второй, повторил движение первого.

Кара-дайы не выдержал.

– Хватит вам! – закричал он, и охранники ушли довольные.

Только после того, как они закрыли железную калитку на улицу, заговорил Кара-дайы:

– Ну, расскажи, что у тебя нового? Есть продвижение по службе?

Каждый мой приезд в те годы Кара-дайы нашу с ним встречу начинал с этого вопроса. Ему очень хотелось, чтобы я быстрее продвигался по службе и стал «уважаемым человеком».

В первое время отсутствие продвижения по службе я объяснял наличием более достойных кандидатов, чем я.

– Видимо, с этим и связана задержка с моим выдвижением по карьере, – говорил я ему. И, как правило, добавлял, – если честно, мне самому тоже не сильно вперед хочется. Десять, двадцать рублей разница в зарплате, а ответственность такая, – оправдывался я. – А так ни за что не отвечаю.

Ох, и злился Кара-дайы.

– Дело же не только в деньгах? – кричал он.

– А в чем тогда? – спрашивал я.

– Как тебе объяснить, чтобы дошло? – задумывался он каждый раз над одним и тем же примером. «Сейчас пойдут бараны с колокольчиком, а за ними овцы», – только успел подумать я, как Кара-дайы в очередной раз начал приводить свой знаменитый пример, который я знал наизусть.

– Вот смотри, возьмем стадо овец. Впереди стада всегда идут бараны, да еще с колокольчиком.

– Козлы с колокольчиком, – моментально вставил я по памяти.

– Говорю – бараны, значит бараны, – недовольно буркнул Кара-дайы, – слушай и не перебивай! Овцы, которые следуют за ним, уверены, что бараны-то уж точно знают, куда их надо вести. А бараны, они на то и есть бараны, что ничего не знают. Бараны всего лишь желают быть впереди – потому что впереди не пыльно и хороший выбор травы! Понимаешь?

– Понимаю.

– Так вот, у людей то же самое. Людям кажется, что верхи знают, как обществу надо жить, по какому пути надо вести его. А ничего подобного! Как те бараны, которые возглавляют стадо и которые ничем не отличаются по уму от остальных овец стада, так и начальствующие люди не умнее нас с тобой. Просто они раньше нас с тобой поняли, что впереди не пыльно, и они щиплют лучшую траву! Щиплют столько, сколько хотят. Поэтому не бойся, иди вперед! Понял?

– Сейчас, конечно, понял, – ответил я.

Но сегодня я еще сослался на то, что страна развалилась, развалилось и наше предприятие. Так что сейчас не до карьеры, надо бы как-то продержаться. Как ни странно, Кара-дайы согласился со мной, неожиданно для меня предложил:

– Если там сильно тяжело, может, вернешься назад, а? Сейчас многие возвращаются. У нас, конечно, не лучше. Но с голоду тоже не умираем.

Жена Кара-дайы вмешалась в разговор.

– Ничего, сынок, потерпи. Всё уладится. Не спеши назад, назад всегда успеешь. С таким трудом пробился туда, – я, честно говоря, не понял, куда я пробился: как был рядовым сотрудником, так и оставался. – Не слушай ты его! – сказала она и повернулась к мужу. – Пример твой с этими баранами надоел всем. Сдурел совсем! Баран с колокольчиком, нет еще, с фонарем! Где ты видел барана с колокольчиком, ай, бесовестный? Ты лучше расскажи про свою лошадь с шинелью, – засмеялась она в конце.

Я ждал грубого ответа от Кара-дайы и примерно знал, какими словами он начнет оскорблять жену. Но Кара-дайы спокойно разлил водку по стопкам, поздравил меня с приездом и тихо проговорил:

– Может, даже, они и правы. Лошадь так лошадь!

– Точно такое нашествие волков в Зогаллы наблюдалось ровно сорок лет назад, – Кара-дайы выпил еще одну стопку, сделал несколько глубоких выдохов и, как мне показалось, очень даже охотно начал свой рассказ, пока его не перебила жена.

– Может, уже хватит пить? Мало что сам пьешь, так еще ребенка спаиваешь, – на удивление неожиданно и решительно сделала она замечание мужу.

Кара-дайы медленно обернулся, взглянул на жену, недовольным взглядом окинул ее и тихо приказал:

– Не лезь! – и жена Кара-дайы моментально замолкла, будто кричащий во весь голос телевизор отключили от сети.

– На чем я остановился? – спросил у меня.

– Сорок лет назад тоже было нашествие волков, – подсказал я.

– Так вот, в тот год зима была очень холодной, и продержалась она пять месяцев. – Кара-дайы еще раз повернулся в сторону жены, на этот раз намного грознее приказал: – Не лезь, и всё!

– Успокойся ты уж! Завелся, завелся, – пробурчала жена Кара-дайы в ответ, но на всякий случай встала и пошла в сторону кухни.

Сорок лет назад, к февралю месяцу, как и сейчас, проголодавшиеся волки стали нападать на домашних животных, заporоли даже одну буйволицу. Когда такое было видано, чтобы волки напали на буйволицу? Буйволицы, если пасутся парами, не боятся волков, растопчут и побьют любую стаю. А тут окружила стая, видимо, одинокую буйволицу и загрызла.

Как-то поздно вечером, когда наш Камиль покойный на лошади ехал на свою свиноферму, волки даже на него напали. Благо, что тогда Камиль с ружьем был, пальнул он по ним наугад. Не попал, конечно же, но волки рассыпались и отстали, а он промчался до фермы. Позже Камиль часто себя укорял, что стрельнул в стаю из десяти волков и не попал ни в одного. Волки тем временем продолжали бесчинствовать. А когда они растерзали всех овец председателя колхоза Гурбана, тот позвал к себе Камилу и спросил у него:

– Что будем делать?

Камиль в молодости был очень сообразительным парнем. В деревне чуть что, все обращались к нему. Так и на этот раз.

– Что будем делать? – повторил Гурбан. – Скоро меня с женой в постели загрызут.

– Надо отстреливать их! – твердо ответил Камиль.

– Почему тогда не отстреливаем? Кого ждем? Стрелков?

– Стрелки не нужны, сами отстрелим! Только пока не знаю, как их отстреливать, – ответил Камиль.

– Сегодня моих овец загрызли, завтра доберутся до твоих свиней. Неужели ничего нельзя делать с ними? – не отставал председатель.

– Свиньи не мои, они колхозные, – заикнулся было Камиль, но председатель перебил его.

– Знаю я, знаю! Это я к слову говорю. Как их отстреливать, этих волков, как? – заорал Гурбан. Председатель Гурбан был таким голосистым, что, когда он в правлении колхоза кричал на бригадиров, на другом конце деревни все его слышали.

– Надо думать, – спокойно ответил Камиль. – Их тяжело поймать. Они сегодня тут, завтра черт знает где. За одну ночь на пятьдесят-шестьдесят километров передвигаются.

– Ты молодой, вот и думай, – сказал председатель. – А мы поможем, чем сможем.

Камиль почесал голову:

– Дайте день-два. Что-нибудь придумаю. Мне бы с Кара-дайы посоветоваться, – сказал Камиль.

– С кем хочешь, советуйся, хоть с муллой мугальским! Но волков надо отстрелять! – поставил задачу председатель.

Камиль не знал мугальского муллу, поэтому не пошел советоваться к нему. В тот же вечер он пришел к Кара-дайы за советом. К его удивлению, тут же находился и сам председатель колхоза Гурбан. За хорошим вином в небольшой компании они втроем стали обсуждать вопрос, который беспокоил всех зогаллинцев: где, как искать и найти волков, чтобы отстрелять их? Ближе к ночи, после нескольких литров выпитого вина Камиль на радостях закричал подобно Архимеду, который, как известно из истории, когда-то залез в ванну мыться, а когда вода из нее выплеснулась на пол, он издал клич: «Эврика, Эврика!» Раз вспомнили мы Архимеда, для полноты картины о влиянии внешних факторов, приводящих к великим открытиям, вспомним и Ньютона, на чью голову упало яблоко, после чего тот открыл закон всемирного тяготения. А если учесть, что сила зогаллинского вина, выпитого Камилем в тот вечер, по тяжести удара ничем не уступала силе воздействия на человеческую голову гнилого английского яблока, с большой долей вероятности, его открытие тоже можно отнести к общечеловеческим. Что, несомненно, является большим вкладом в то время молодого зогаллинского парня во всеобщее дело ликвидации волков как класса хищников. Ну, а если еще учесть, что ни сам Камиль, ни Кара-дайы, и даже ни председатель Гурбан в то время не были знакомы с учениями Архимеда и Ньютона, то без преувеличения и Зогаллы можно отнести к прогрессивным центрам мирового масштаба, генерирующим передовые идеи.

– Нашел! Нашел! – радовался почти пьяный Камиль ближе к ночи. – А волков не надо и искать!

Любимое восклицание Архимеда, естественно, звучало на азербайджанском языке. В отличие от Архимеда, голым побежавшим из бани домой для продолжения эксперимента и опозорившимся на весь Рим, Камиль никуда после этих слов не убежал, на радостях опрокинул еще два стакана вина. Опозорился он позже, в конце эксперимента.

Тем временем Кара-дайы и председатель Гурбан подождали, пока Камиль успокоится. И только потом спросили:

– Сидеть и ждать дома, когда волки сами придут, да?

– Вот и не угадали, – ответил Камиль, – волков надо будет заманивать!

– Чем, кем? – заплетался язык у председателя.

– Приманкой.

– Какой приманкой? – Кара-дайы тоже ничего не понимал.

– Живой приманкой, – сказал Камиль и раскрыл свой план.

План был прост с одной стороны, гениален с другой. Кара-дайы как натура, всегда склонная к авантюре, поддержал идею Камилля, моментально подхватил его план. Председатель колебался долго, но в итоге через полчаса и он согласился. Камиль предлагал в виде приманки на ночь возле табачного сарая колхоза привязать чью-то лошадь, а ему с товарищем (из числа добровольцев-стрелков) сидеть на чердаке табачного сарая в засаде. То есть с чердака вести наблюдение и при появлении волков уничтожать их шквальным огнем.

– Готов хоть с Кара-дайы пойти на отстрел волков. Если, конечно, он не будет против. Навыки военные небось еще не потерял, как стрелять, не забыл.

Кара-дайы моментально отверг перспективу засады на волков в морозную ночь, сославшись на то, что в войну он был не снайпером, а разведчиком. А это совсем разные вещи.

– Если бы надо было поймать волка живым, может, тогда согласился бы, а так даже не просите, – отшутился он.

– Допустим, что ведете наблюдение с чердака. А что дальше будете делать? – спросил председатель Гурбан, до конца не разобравшись в хитроумном плане Камилля.

– Что дальше? Как только появятся волки, отстреливать их будем. На этот раз, поверьте, я не промахнусь! – твердил он.

– Ночью? С чердака? – колебался председатель. – Хорошо, а лошадь чью возьмешь? – спросил председатель.

– Можно с фермы, – ответил Камиль.

– С фермы нельзя, она колхозная! Нас потом в Сибирь сошлют, не дай Бог что. Промолчал бы Кара-дайы тогда, может, никто и не вспомнил бы о его лошади, нашли бы другую лошадь. Но Кара-дайы был бы не самим собой, если бы молчал в таких ситуациях, тем более очень уж неубедительным получился его отказ от ночного дежурства.

– Пусть мою лошадь возьмет, – сказал он, – всё равно толку с нее мало. Так и не смог наездить я ее.

– Твою так твою, – перспектива с возможным отпуском колхозной лошади в рискованную и сомнительную авантюру настораживала председателя, поэтому он моментально согласился с Кара-дайы и ушел домой.

Лошадь Кара-дайы была совсем молодой. Купил он ее весной у почтенного старика, у своего мугальского родственника по линии жены. Старик как узнал, что Кара-дайы хочет покупать у него лошадь, наотрез отказал.

– Кому угодно, только не Каре, – сказал он своему окружению, – чувствую, потом будут проблемы.

И как в воду глядел старик.

Но Кара-дайы стал настаивать на продаже, старик под любым предлогом уходил от темы. Как бы там ни было, после недельного торга в итоге победила настырность тогда еще сравнительно молодого Кара-дайы, старик согласился продать ему лошадь, к тому же в самый последний момент Кара-дайы более чем в два раза сбил цену на нее. Раздосадованный старик, развязывая лошадь, от злости кричал.

– Забирай, забирай! – говорил он Кара-дайы. – Только имей в виду, будут проблемы у тебя с этой лошадью. Я тебя предупреждаю! Так что, пока не поздно, можешь отказаться. Потом я лошадь назад не приму, будет поздно.

Еще не родился на этом свете мугал, который на равных мог бы спорить с Кара-дайы по житейским вопросам. И на этот раз, как только старик закончил свое предупреждение, Кара-дайы на высоких тонах артистично начал.

– С каких это пор вы стали заботиться обо мне и предупреждать меня? – спросил он у старика. – Когда я женился на вашей племяннице, вы почему-то забыли меня предупредить! – сказал ему Кара-дайы. – Почему вы тогда не предупреждали, что у меня со временем появятся проблемы с вашей племянницей!

От подобной наглости Кара-дайы у старика высох язык. Но того уже невозможно было остановить.

– Так что не волнуйтесь за меня! Если я с вашей племянницей разобрался, с лошадью тем более разберусь, – как-то очень грубо завершил Кара-дайы свой наезд.

Позже, вспоминая этот разговор, Кара-дайы оправдывался тем, что якобы он специально говорил со стариком на повышенных тонах, будто в противном случае тот не продал бы ему лошадь. А она уж больно, оказывается, нравилась Кара-дайы. С другой стороны, по словам Кара-дайы, с мугалами надо говорить только так, другого языка они не понимают.

Убитый старик готов был отдать молодую лошадь даже без денег, лишь бы больше с Кара-дайы не общаться.

Несмотря на это, придя в себя, на выходе со двора он еще раз повторил старое предупреждение:

– Имей в виду, Кара, лошадь молодая, не наезженная, учить ее надо к езде. Кто будет с ней работать, ты что ли?

Кара-дайы даже обиделся.

– А кто еще? Я фашиста оседлал за пять лет, гнал до Дрездена, у меня получилось. Неужели не осилю молодую лошадь?

– Мое дело предупредить, Кара! Чтобы потом не говорил, что обманул я тебя. Вы, зогаллинцы, и так на нас, мугалов, зуб имеете.

Как наездник Кара-дайы, конечно, что до войны был никаким, что после войны был никакой. Хотя, справедливости ради, техникой верховой езды он владел неплохо. Но одно дело – ездить на обученной лошади, другое дело – приучать молодую лошадь к езде.

Наездить молодую лошадь у Кара-дайы не получилось. Он мучился ровно месяц. За первые десять дней молодая лошадь трижды скинула его с себя, несколько раз попыталась укусить. Однажды во дворе лошадь, которая хотела отбиться от назойливой собаки Кара-дайы, испугавшись, по неопытности промахнулась и наградила Кара-дайы смачным ударом копытом. Кара-дайы мужественно принял удар, но после того случая взял недельный отдых.

Через неделю он возобновил занятия, опять пытался обучить лошадь езде. Но лошадь не была настроена на обучение. От лошади, чего греха таить, Кара-дайы ждал рысистой резвости. О какой рысистой резвости могла идти речь, когда лошадь не хотела идти даже медленным шагом по прямой! Как только Кара-дайы садился на нее, она крутилась вокруг себя без остановки.

– Она у меня, видимо, цирковой породы, – горько резюмировал Кара-дайы. – Она ходит и бежит только по кругу, – смеялся над собой, но по инерции продолжал ежедневные занятия.

К концу месяца Кара-дайы окончательно разуверился в том, что его лошадь способна двигаться, как все остальные лошади Зогаллы, и прекратил занятия с ней.

– Другую мугалы и не могли продать, – таким образом он успокоил себя и к лошади больше не стал подходить. Лошадь тоже осталась довольной и паслась вместе с домашними животными.

Поэтому, когда потребовалась лошадь для приманки, Кара-дайы без колебания отдал ее.

– Пусть берут эту мугальскую долю, – сказал он председателю, имея в виду свою лошадь, – тоже мне проблема.

Сегодня многие в Зогаллы утверждают, что Кара-дайы тогда предвидел возможные последствия предложенной Камилем авантюры, будто таким образом он хотел избавиться от строптивой мугальской лошади, чтобы впоследствии получить за нее компенсацию от государства. Остальные зогаллинцы утверждают, что в тот вечер Кара-дайы был очень пьяным и поэтому так легко согласился отдать свою лошадь на этот сомнительный и опасный эксперимент. Как бы там ни было, с тех пор лошадь Кара-дайы стала не менее известна в Зогаллы и его окрестностях, чем ее хозяин.

Тем временем Камиль начал готовиться.

Напарником он себе выбрал ныне известного, но тогда только начинающего зогаллинского охотника Эйваза.

В охотничьем деле Эйваз никогда не отличался особыми достижениями, но с первого дня считался надежным компаньоном. Сегодняшнюю известность Эйваз завоевал тем, что за сорок лет, которые он провел, охотясь в лесах и окрестностях Зогаллы и мугальских деревень, по словам бывалых охотников, от его пуля не пострадало ни одно животное. Ни один его прицельный выстрел за сорок лет так и не достигал цели.

Позже охотничье сообщество Зогаллы стало называть его русским словом «мазила». Оказывается, как бы он долго ни целился, пули всегда пролетали мимо кабанов, косуль, зайцев и фазанов. Это был охотник-неудачник. Чем больше он промахивался, тем чаще его тянуло к охоте. Охотничьи неудачи Эйваз переносил тяжело – единственным утешением в таких случаях выступала крепкая зогаллинская водка.

Многие этим и объясняли чрезмерную увлеченность Эйваза спиртным во время охоты. Обычно начинал он пить еще дома, когда только собирался на охоту, так что из дому он, как правило, выходил в приподнятом настроении. Продолжал он пить по дороге, на остановках и на привалах. На самой охоте любимым местом приема спиртного Эйваз считал засаду, под каким бы номером и куда бы его ни ставили. Эйваз пил в любую погоду: в жару и прохладу, в дождь и слякоть. Он пил на равнинных местностях, когда они охотились на кабанов, в снежных лесах, в горах, когда шла охота на хищных зверей. Одним словом, он пил везде, куда направлялся за добычей и откуда возвращался, как правило, с пустыми руками. Охотник Эйваз пил всюду.

На охоту Эйваз с самого первого дня ходил с большим вещмешком, купленным у военного прапорщика в Евлахе, куда ездил продавать орехи.

В те годы в Зогаллы больше ни у кого не было вещмешка, и Эйваз очень им гордился, в первые годы никогда с ним не расставался. Иногда он даже на свадьбы ходил с вещмешком на спине.

Однажды на охоте Эйваз после нескольких неудачных выстрелов случайно подстрелил собственную собаку. В наши дни, вспоминая ту свою собаку, Эйваз утверждает, что она у него была особой охотничьей породы, смесь кавказской и среднеазиатской овчарок. Но, по словам односельчан, собака Эйваза была обыкновенной зогаллинской дворняжкой. Дробь, предназначенная для кабана, тогда оторвала собаке заднюю лапу.

Эйваз выхаживал ее днем и ночью, колдовал над отрезанной ногой собаки и поставил-таки ее на ноги. Правда, не на все четыре ноги, а только на три. Собака уверенно держалась на трех ногах, к тому же, как хозяйин, оказалась преданной любительницей охоты.

До самой смерти она на трех ногах бегала с Эйвазом на охоту, прыжками отпугивая без того беспокойную дичь и диких парнокопытных, в которых ее хозяин даже в спокойном состоянии не попадал. Зайцы, увидев трехногую собаку Эйваза, шутили другие зогаллинские охотники, помирали со смеху. За высокие прыжки Эйваз называл свою собаку австралийским кенгуром.

Но самый смешной случай из охотничьей жизни Эйваза сегодня расскажет любой зогаллинец.

Случилось это в семидесятых годах прошлого века. Однажды зимой в лесу, недалеко от мугальской деревни, Эйваз подстрелил козу, посчитав ее дикой. Только Аллаху известно, сколько трепетных волнений и приятных мгновений пережил Эйваз после неожиданного точного выстрела. Минуты две с места наслаждался он случившимся, потом встал и побежал за добычей.

Каково было разочарование Эйваза, когда коза оказалась домашней. Диким оказалось поведение хозяина козы – здорового мугала. Он в ярости от души поколотил неудачливого охотника, поставив под левым глазом Эйваза внушительный синяк. К тому же хозяин убитой козы сломал ему ружье.

Эйваз признал свою вину перед хозяином козы и обещал купить мугалу новую или выплатить ему стоимость убитой козы, с условием, что подстреленную козу заберет себе. После недолгого размышления мугал согласился, но перед уходом еще раз со всей дури врезал ему пинком под зад. Эйваз и это унижение перенес. После ухода мугала он зарезал подстреленную козу, разделал ее, мясо сложил в вещмешок и с поломанным ружьем вернулся домой.

Но не тут-то было. Кто-то из мугальских недоброжелателей, который в то утро, видимо, в лесу оказался незамеченным свидетелем «физического общения» хозяина козы с Эйвазом, моментально донес в милицию. И когда Эйваз с поломанным ружьем и мясом убитой козы пришел домой, его уже ждали. Мясо как вещественное доказательство милиция изъяла сразу «на экспертизу», а на Эйваза тогда завели уголовное дело.

Но ему повезло, следователь попался добрый, и дело замяли одним мешком фундука. Что интересно – мугал, который сломал Эйвазу ружье, лишился двух мешков фундука. Но Эйваз, как и обещал, выплатил хозяину убитой козы ее стоимость. Следователь тогда на всякий случай попросил Эйваза написать дома объяснительную в связи с убийством козы и поломкой ружья и принести ее в райотдел.

– Посиди дома, напиши! Напиши так, будто ты не виноват! – посоветовал ему следователь.

Над объяснительной Эйваз мучился три дня.

– В убийстве мугальской козы, – писал Эйваз в первом варианте объяснительной, – виновата сама коза. Выйдя на поляну, она вела себя очень вызывающе, что заставило меня подумать, что это горная коза. Я был до бесконтрольности возбужденным безрезультатной ночной охотой. К тому же в течение всей ночи мне приходилось греться водкой. Вызывающие прыжки козы мной были остановлены одним выстрелом, что лишний раз подчеркивает мой профессионализм.

Почитав объяснительную, следователь долго смеялся над простодушным зогаллинским охотником, посоветовал переписать. Объяснительную переписывали три раза, и в окончательном варианте объяснительной, с подсказки следователя, коза была убита не выстрелом Эйваза, а неожиданно появившимся на поляне медведем. Ружье тоже считалось поломанным медведем, когда охотник Эйваз решил помочь козе и вступил в неравную схватку с хищником.

Что интересно, хозяин козы, мугал, в объяснительной оказался спасителем Эйваза, который, не раздумывая, бросился ему на помощь, освободив Эйваза от мощных лап зверя.

Впоследствии районная газета посвятила большую статью героическим поступкам двух мужчин. Один из них, простой зогаллинский охотник Эйваз Иманов, говорилось в статье, без страха бросился на медведя, чтобы спасти домашнюю козу, принадлежащую его односельчанину. В неравной схватке медведь не только сломал ему ружье, но и готов был разорвать его на куски, если бы не помощь подоспевшего хозяина козы. Он-то и вырвал бесстрашного охотника из лап свирепого зверя. Медведь, не ожидавший подобного сопротивления, оставив раненую козу, бросился наутек. Охотник отделался несколькими гематомами и царапинами, а козу спасти не удалось, резюмировала газета.

Когда Кара-дайы прочли статью, он долго смеялся над статьей и выдал:

– Ну, конечно, Козла спасли, а козу спасти не удалось...

Кстати, версия с медведем настолько понравилась Эйвазу, что со временем он забыл и убитую козу, и полученные от мугала тумак, и сам окончательно поверил в то, что ружье сломалось в неравной схватке с медведем.

В наши дни, когда разговор заходит об этой истории, он придерживается именно этой версии.

Так вот, Эйваза тогда даже уговаривать не пришлось. Как только он услышал о придуманной Камилем затее, сам пришел на следующее утро и предложил свою помощь.

– Сколько надо, готов дежурить, – заверил он Камиля, – глаз не сомкну!

– А ты хоть стрелять умеешь? – спросил у него Камиль.

– А как же! – уверенно ответил Эйваз. – Только не всегда попадаю, – при этом честно признался он.

Камиль не стал заострять внимание на профессиональных качествах будущего компаньона, потому как сам буквально на днях стрелял по волкам и не попал. Осмотрев Эйваза, дал команду:

– Ну, иди тогда, готовься. После обеда пойдем сооружать себе на чердаке табачного сарая место для наблюдения.

Место для наблюдения они для себя соорудили на торце сарая. Со стороны оно напоминало старинную двухместную кровать, выстеленную соломой. Так как по ночам гуляли холодные ветры и стояли трескучие морозы, в целях защиты бока кровати обшили досками высотой полметра. После этого кровать стала похожа на огромный поддон для разгрузки бетона. А когда хозяйственный Эйваз незаметно для всех из дому притащил два толстых шерстяных одеяла, стало ясно, что морозы ночью не станут помехой для полноценного наблюдения за лошадью. Тем более, бороться с морозами компаньоны собирались не только с помощью шерстяных одеял, но и другими способами.

Начинающий охотник Эйваз с молодого возраста выучил одну истину: охота на зверей – это древнее и мужественное занятие и требует основательной подготовки! Поэтому, как мы уже выше отметили, к охоте он всегда готовился основательно, не одно поколение зогаллинских охотников впоследствии убедилось в этом. Отчасти именно за это его чаще всех и приглашали на охоту.

На первое дежурство Эйваз пришел с набитым доверху вещмешком на спине и двумя сумками.

– На войну собрался, что ли? – спросил удивленный Камиль.

– Конечно, на войну, – радостно ответил Эйваз. – Будем с волками воевать. И где гарантия, что они появятся в первую же ночь?

– А ты, смотрю, сообразительный, – засмеялся Камиль. – Надолго нам хватит твоего запаса?

– Пока на неделю, – посмеялся и Эйваз. – Там видно будет. Будем пополнять запасы.

После обеда Эйваз почистил и смазал ружье. Наточил нож.

«Если вдруг рука дрогнет и я промахнусь или ружье даст осечку, святое дело завершит нож», – подумал он.

Зимой в Зогаллы быстро темнеет. Решено было ужинать дома, и в восемь вечера встречаться во дворе Кара-дайы. К оговоренному времени во дворе Кара-дайы собралось человек тридцать во главе с председателем Гурбаном. В руках у большинства из них имелись небольшие свертки, предназначенные для ночных мстителей, каковыми выглядели в их глазах Камиль и Эйваз. Зогаллинцы пришли провожать своих отважных сыновей на ночной бой с волками. Советы сыпались со всех сторон:

– Вы их подпускайте как можно ближе, потом только стреляйте, – советовал ветеран войны Салим-киши, – тогда, возможно, всех уложите в первую же ночь.

– С чердака не спускаться, пока не убедитесь, что они мертвые! – советовал другой.

– На вид обычная собака, чуть крупнее собаки Кара-дайы, – показывая на собаку, гулявшую во дворе, объяснял третий старик внешние параметры волков.

Все собравшиеся почему-то были уверены, что вопрос отстрела волков этой ночью будет решен. Поэтому, по предложению одного из них, зогаллинцы решили: ночью, как только они услышат выстрелы со стороны табачного сарая, моментально прибегут посмотреть на убитых зверей.

– Только не отпугивайте издали, – твердил Салим-киши, – дождитесь до конца.

– Вы только застрелите их! Мы придем, подберем. Застрелите – и можете вернуться домой. Остальное за нами.

Председатель Гурбан отвел в сторону Камиля, дал ему теплый сверток:

– Курица вареная, жена дала.

– Спасибо, еды у нас хватает, – поблагодарил Камиль.

– Бери, бери. Мы тут в теплой постели будем спать, сказала жена, а они на холодном чердаке будут волков ждать. Пусть хоть поедят, чтобы не замерзнуть.

– Да не замерзнем, выстоим, – ответил Камиль.

– И вправду, ночь-то длинная. Захочется спать, лучше ешьте что-нибудь. Только пожалуйста, стреляйте поаккуратнее, чтобы ненароком лошадь Кара-дайы не задеть. А то, сам знаешь, потом он нам жизни не даст в этой деревне.

– Не волнуйтесь, волков от лошади не отличим, что ли?

– Ну, всё равно, – настаивал председатель, – Эйваза тоже предупреди, молодой, пальнет сдуру. И еще: сами тоже будьте внимательны, чтобы не сорвались с чердака. Вопрос, сам знаешь, наш внутренний, зогаллинский. Поэтому я как бы его ни с кем и не согласовал. Ну, ты понял меня?

– Всё понял. Не волнуйтесь! – успокоил Камиль председателя.

Тем временем на скотном дворе Кара-дайы возился с лошадыо. Еще днем он дал команду жене, чтобы та достала его старую армейскую шинель. Чтобы лошадь ночью на морозе не замерзла, Кара-дайы решил утеплить ее спину своей старой армейской шинелью. И сейчас он был занят закреплением шинели, чтобы она не сползла со спины лошади. Лошадь недовольно крутилась, мешая Кара-дайы завершить надуманное. Бедное животное не понимало, куда ее на ночь глядя готовят. Даже если бы лошадь понимала, ничего бы не поменялось.

– Время! Только без провожающих! – посмотрел на часы и скомандовал Камиль. Взяв удила лошади, он направился на улицу. – Мы сами пойдем. А вы расходитесь по домам.

Только на выходе со двора Кара-дайы успел передать Камиллю пол-литра ту-товки:

– Чтобы не замерзли, – сказал он.

Провожающие стали совать принесенные свертки в руки Эйваза. Эйваз брал всё, чтобы не обидеть никого, он никому не отказывал. Свертки он запихивал в свой вещмешок. Когда прием передач завершился, Эйваз затянул веревку, закрыл вещмешок. С помощью провожающих тяжелый вещмешок надели на спину Эйваза, и тот пустился за Камилем. Зогаллинцы гордо смотрели вслед отважным землякам, пока в темноте не исчезли их силуэты.

По прибытии Камиль первым делом привязал лошадь к ореховому дереву, которое находилось в торце табачного сарая. Длина веревки позволяла лошади зайти даже под табачный сарай, где мороз был чуть менее ощутимым, где для нее еще днем Эйвазом было припасено сено. Так как место для наблюдения на чердаке тоже было выбрано на торце чердака, видимость для отстрела волков была идеальная. С десяти-пятнадцати метров попасть в волка не должно было составлять труда. Тем более Эйваз еще днем хвастался, что с такой дистанции стрелять будет только в глаз хищника.

Тем временем Эйваз поднимал содержимое вещмешка наверх. Продовольственному довольствию охотников позавидовала бы целая рота с боевым расчетом. Чего только не было в свертках. Когда Эйваз стал выкладывать содержимое вещмешка, выяснилось, что охотникам передано шесть вареных тушек куриц. В нескольких свертках на тарелках еще теплилась долма. Также было обнаружено много сушеной домашней колбасы-долдурмы. Спиртного набралось ровно три литра. Литр был эйвазовский, поллитра Кара-дайы передал, значит, остальные полтора литра передали другие заботливые зогаллинцы.

Наверху Эйваз сразу предложил «по чуть-чуть» и без согласия Камилля достал одну бутылку и выбрал сверток председателя.

– Замерзнем к черту, если не выпьем, – оправдывал он себя, наливая водку в стопки.

Камиль был не против. С ногами оба залезли под одеяла.

Пили они молча, чтобы не спугнуть волков. Ружья лежали рядом.

– Задубеем к утру, надо что-то делать, – говорил Эйваз, продолжая наливать водку.

– Холодно, – соглашался Камиль.

После третьей стопки стало теплее. Внизу лошадь, хрустя зубами, жевала сено, изредка перебирая ногами и крутя шеей. Когда допили бутылку, Камиль скомандовал:

– Пока хватит!

– Как скажешь, – моментально согласился Эйваз, убирая пустую бутылку и остатки курицы, но тут же добавил: – Еще успеем, ночь впереди.

Потом компаньоны по очереди спускались вниз по малой нужде. Позже оба по грудь залезли под одеяла. Торчали только их головы.

– Только не заснуть! – опять скомандовал Камиль

Наступала ночь. Она была полнолунной и сверкающей. Мороз постепенно крепчал. Где-то вдалеке, чуть ли не по команде, начали выть волки. Компаньоны выбрались из-под одеял, достали ружья, легли лицом в направлении лошади, взвели курки и стали ждать. Услышав вой волков, лошадь Кара-дайы от испуга стала крутиться вокруг орехового дерева, через несколько минут закрутилась и запуталась так, что прилипла к дереву и застыла.

– А сейчас крутись назад, – тихо приказал ей Эйваз.

Лошадь не слышала Эйваза и обреченно стояла.

– Назад, тебе говорят, крутись, дурра! – повторил Эйваз.

Но лошадь была глуха. Тем временем волки перестали выть. Ружья пришлось вернуть в исходное состояние.

– Спустись, освободи лошадь, – на правах старшего скомандовал Камиль, головой указывая в сторону лошади.

Эйваз недовольно спросил:

– С ружьем?

– Без ружья, – тихо ответил Камиль, – если что, я подстрахую.

– Подстраховать и я могу, – хотел возразить Эйваз, но подчинился команде. Спустившись по лестнице, он оглянулся по сторонам, убедившись в отсутствие волков, подошел к лошади, взял ее за гриву и стал крутить вокруг дерева. Распутав веревку, он привел лошадь под сарай.

– Вот здесь надо стоять, понятно? – объяснил ей и поднялся наверх. Наверху он опять стал жаловаться на холод. – Ну и мороз, в такую погоду птицы замерзают на лету. Что-то надо делать, – таинственно намекнул он.

– А люди? – посмеялся и спросил Камиль, хотя сразу догадался, на что намекает Эйваз.

– А люди замерзают, сидя на чердаке, – ответил Эйваз и стал шутить: – Что-то твоих волков не видно, ты с ними на какое время договорился? Совсем замерзли. Что, так и будем сидеть, да?

– А сколько времени? – спросил Камиль.

Эйваз с трудом приподнял рукав телогрейки, посмотрел на часы:

– Второй час ночи. А твоих волков всё еще нет. Пришли бы вовремя, застрелили бы и разошлись бы по домам. А то и лошадь внизу замерзла. Окоченеем до утра. Может, достану все-таки?

– Да не замерзнем, – успокоил Эйваза Камиль. – Хорошо, доставай. Только имей в виду, на двоих еще пол-литра! И ни грамма больше.

– А нам больше и не надо, – радостно ответил Эйваз. – Пол-литра нам с тобой как раз. А то чувствую, от холода сосуды мои совсем сузились. Понимаешь, когда сужаются сосуды, затрудняется кровообращение. А когда затрудняется кровообращение...

– Давай уж, наливай, надоел своими сосудами! – крикнул Камиль.

Через полчаса было восстановлено нормальное кровообращение в сосудах, и тут неожиданно (неожиданно ли?) Эйваз потянуло ко сну.

– Давай дежурить по очереди, – предложил он. – Толку с того, что вдвоем не спим.

Камиль, как ни странно, предложение Эйваза принял спокойно:

– Хорошо, первым тогда отдыхаешь ты! Через два часа разбужу.

– Как скажешь! Ты старший, тебе виднее, – буркнул Эйваз и залез под одеяло.

Еще через минуту Эйваз стал издавать странные жуткие звуки. Это был знаменитый и могучий храп Эйваза, который временами был похож на скрип несмазанных дверных петель.

Камилю, как бригадиру свиноводческой фермы, храп Эйваза напоминал ворчливое хрюканье чем-то недовольной свиньи.

Звук храпа напугал успокоившуюся лошадь: передней ногой она стала бить о замерзшую землю, тяжело дышать и фыркать со страху. Чтобы успокоить лошадь и остановить храп, Камиллю пришлось переворачивать Эйваза на другой бок. За два часа отдыха Камиль проделал эту операцию раз десять, в одиннадцатый раз он разбудил Эйваза. Сонный Эйваз на этот раз без страха спустился вниз по малой нужде.

– Достань водичку, пожалуйста, внутри всё горит! – еще снизу он попросил Камилля.

Чтоб вода не замерзла, канистру с водой они с вечера поставили в углу и накрыли соломой. Камиллю самому тоже хотелось пить, поэтому моментально достал канистру и первым начал пить из горлышка.

Напившись, он пришел в себя и почувствовал облегчение. «Странно, как же я мог забыть про воду?» – удивился Камиль. Напился и Эйваз, канистру он опять спрята под соломой.

Было четыре часа утра, когда наступила очередь Камилля отдыхать. Перед сном он строго предупредил Эйваза:

– Только не спать! Чуть что, разбуди меня!

– Не волнуйся, отдыхай! – успокоил его Эйваз. – Глаз не сомкну, будь уверен.

Как-то быстро заснул Камиль. Первые полчаса Эйваз действительно не смыкал глаз, но потом проклятые сосуды от холода опять стали сужаться. А когда кровообращение стало замедляться, Эйваз не выдержал и достал третью бутылку.

– Так не годится, – сказал он сам себе, – пока живой, кровообращение должно быть в норме!

С восстановлением кровообращения вернулся сон, Эйвазу захотелось спать.

Прежде чем принять решение, он спустился вниз, осмотрелся вокруг. Волков не было слышно.

Поднявшись, он посмотрел в сторону Зогаллы. Деревня спала четвертым сном.

Он посмотрел вниз: даже лошадь внизу стоя дремала. Рядом отдыхал Камиль. Один только Эйваз не спал. Разве есть справедливость на этом свете? Все вокруг отдыхают, один Эйваз дежурит.

– А я минут на десять-пятнадцать, – радовался находке Эйваз. – Малёха покемарю, и всё. Камиль даже не узнает...

...От большого позора их спас, как ни странно, тот же храп Эйваза. Ближе к семи часам утра он стал невыносимым для Камилля, как бы ему ни хотелось спать. Камиль открыл глаза и увидел рядом спящего Эйваза. «А что с лошадью?» – мгновенно подумал он, заглянул вниз. Лошадь под сараем жевала сено. Камиль облегченно вздохнул.

– Вставай, волки пришли, – закричал на радостях Камиль и стал будить Эйваза. Тот спал мертвецким сном и не собирался вставать. Перевернувшись на другой бок, он сменил тон храпа, стал издавать непонятные звуки.

Камиль оделся, натянул шапку, взял ружье и спустился вниз. Начинало светлеть. С ружьем на плече сделал обход табачного сарая, обойдя его вокруг ровно один раз, не заметил ничего подозрительного, что могло бы свидетельствовать о том, что ночью тут крутились волки. Когда он поравнялся с лошадьёю, по дороге, ведущей в Зогаллы, он услышал мужские голоса, а чуть позже в тумане стал различать силуэты приближающихся земляков.

– Еще бы минут пять-десять, опозорились бы, – подумал Камиль, в душе даже благодаря Эйваза за храп, из-за которого он проснулся.

Еще через пять минут зогаллинцы были рядом с ним и восхищенно смотрели на отважного Камиля, защищающего не только лошадь Кара-дайы, а в лице лошади всю деревенскую живность.

– Волки где? – спросил кто-то.

– Волков не было, – сухо ответил Камиль, подчеркивая неуместность вопроса. – Если бы ночью волки появились, то они сейчас лежали бы у твоих ног мертвыми! Понял?

– Понял, – виновато ответил задававший вопрос зогаллинец.

– Ничего ты не понял! – рассердился Камиль. – Мы всю ночь дежурили тут, не смыкая глаз, когда ты спал под теплым одеялом. А сейчас проснулся, и подавай ему волков! Еще и спрашивает: «Где волки?»

– Эйваз где? – спросил другой земляк, чуть разрядив ситуацию.

– Под утро я его отправил отдыхать, – ответил Камиль.

– А вы что, внизу дежурили? – удивленно интересовался третий.

– А ты как думал, наверху лежа, что ли? – язвительно ответил Камиль и отвернулся, якобы обидевшись.

– Что за дурацкие вопросы задаешь? – пристыдили остальные задававшего неуместные вопросы земляка. – Они что, сюда отдыхать пришли, думаешь? Если так легко, давай завтра вместо Эйваза заступай ты! Камиль, не обращай внимания на него.

Но Камиль обратил внимание:

– Ходят тут с утра, вопросы всякие задают. Хоть бы кто спросил: как ночь прошла, Камиль? Нет, вам нужно обязательно знать, где мы дежурили ночью – наверху или внизу? Отвечаю: всю ночь мы пили и спали наверху, – повернулся Камиль и стал кричать на неудачника. – Приходи сегодня вечером, и тебя возьмем. Будешь с нами спать!

– Я стрелять не умею, – оправдывался виновник. – Извини, Камиль.

На шум проснулся Эйваз, заметив земляков, сверху крикнул:

– Что, Камиль, волки пришли?

– Волки, да не те! Спускайся!

Пока спускался Эйваз, Камиль приказал виновному неудачнику развязать лошадь и вести во двор Кара-дайы.

– Скажи ему, что вечером в восемь часов зайдём за лошадьёю. Этой ночью опять будем заступать! Забирайте лошадь и ступайте домой!

Виновник на радостях начал развязывать веревку, остальные ему помогали. Развязав веревку, они вышли на дорогу и направились в деревню.

При этом Камиль отчетливо слышал разговор уходящих земляков.

– Камиль пока не застрелит волков, не отступит...

– Да, он упрямый...

– Эйваз тоже молодец!

Еще через пятнадцать минут охотники подняли лестницу, ведущую к наблюдательному пункту, и вернулись в Зогаллы на отдых после тяжелого ночного дежурства.

Вторая ночь прошла по сценарию первой, только на этот раз под утро заснул Камиль. Вечер был спокойный. Эйваз начал пить с самого вечера. Камиль присоединился к нему намного позже, к тому же он старался пить меньше. Волки, видимо, охотились далеко от Зогаллы, поэтому не слышен был их вой. Мороз постепенно спал. Ближе к двум часам ночи Эйваз без разрешения натянул одеяло на голову. Перед тем, как заснуть, даже предупредил:

– Меня не будить, появятся волки, сам встану на шум.

С помощью храпа Эйваза Камиль ровно два часа отгонял сон и добросовестно дежурил. К утру и он не выдержал, натянул одеяло на голову и моментально заснул.

Когда он через три часа проснулся, то первым делом посмотрел вниз.

Лошадь спокойно стояла под навесом и ждала наступления утра. Хорошо, что из деревни никто утром не приходил их проверять, а то застали бы охотников дружно спящими.

Камиль разбудил Эйваза, и через полчаса они втроем медленно шли в Зогаллы. По дороге Эйваз вдруг остановился и устался на Камиле.

– Хорошую мы себе работу придумали, а? Ночью спим на чердаке, на свежем воздухе, а днем отдыхаем дома. Мне лично нравится. Ты, конечно, извини, ничего у нас не получится, как мне кажется. Не придут твои волки, – сказал Эйваз и впервые открыто усомнился в эффективности ночных дежурств.

Дальше оба молчали. Уже в деревне, прежде чем расходиться, Камиль предупредил Эйваза:

– Вечером, как всегда, во дворе Кара-дайы встречаемся!

– Как скажешь! – ответил Эйваз и свернул к себе домой.

После обеда к Камиле заглянул председатель Гурбан и с еле скрываемой иронией с порога спросил:

– Не появились еще твои волки?

Камиль растерялся, он уже сам начал сомневаться в затеянном, но виду не подавал.

– Нет, – ответил он, – но появятся, обязательно появятся! – уверенно добавил при этом.

Председатель недоверчиво смотрел на Камиле:

– Появятся, говоришь, да? Откуда ты всё это знаешь? Кто тебе сказал? И когда они появятся, если не секрет?

– Появятся, посмотрите, – твердил Камиль.

– А если они к весне появятся? И что тогда, два месяца вы будете спать на чердаке? Черт с ним, с Эйвазом, как-то колхоз без него обходится. А без тебя не получается. Ферму не могу я без руководства оставить, понимаешь? Сколько ты еще собираешься их караулить?

– Еще два-три дня, и всё. Дайте три дня, они обязательно вернутся. Где бы они ни были, они вернутся и наткнутся на нашу лошадь.

– Откуда они вернутся? Кто знает, где они сейчас? Если мы привязали лошадь к ореховому дереву возле табачного сарая на ночь, то это еще не означает, что волки обязательно прибегут ее задирать. И тогда мы их застрелим! Как бы не так вышло.

– Всё выйдет, как мы с вами задумали, посмотрите, – успокоил Камиль председателя.

– Ничего мы с тобой не задумали! – перебил его председатель. – Это вы с Кара все придумали. А я взял да согласился с вами. Сегодня начинаю понимать, что ерунду вы придумали, и всё! Ерунду! Надо выходить на работу! Ферма третий день без бригады! Ты пока этих волков тут будешь ждать, они с другой стороны зайдут на твою ферму и всех свиней к чертовой матери загрызут. Кто будет потом отвечать? Твой ал-

коголик Эйваз, да? Ему лишь бы не работать, он готов до весны пить и караулить лошадей Кара-дайы! А работать некому! Всё, снимайте пост и собирайтесь на работу!

– Разрешите еще одну ночь, дядя Гурбан, последнюю ночь! – просил Камиль.

– Если сегодня ночью волки не появятся, с завтрашнего утра я на работе!..

«Лучше бы тогда не согласился председатель! – говорят сегодня зогаллинцы.

– Лучше бы он не разрешил тогда охотникам караулить еще одну ночь!»

Но тогда председатель пошел навстречу Камилю и Эйвазу, дал он им подежурить последнюю ночь. Поэтому многие зогаллинцы сегодня покойного председателя колхоза дядю Гурбана тоже считают косвенно виноватым в этой неприятной истории.

Задним умом мы все хороши! Кто бы мог тогда подумать, что в третью ночь случится такое, что соседние мугалы по сей день будут смеяться над зогаллинцами только при одном упоминании волков и лошадей.

Больше полувека смеются, шайтаны, и останавливаться не собираются, чтобы их самих волки загрызли!

Даже учителя их средней школы на уроках биологии, говоря о диком отношении людей к домашним животным, именно этот случай приводят в пример своим детям. «Далеко за примерами не надо ходить, возьмем тех же зогаллинцев, наших соседей», – начинает заливать учитель биологии мугальской школы, самый ярый антизогаллист, которого пушкой потом не остановишь. И пошло, и поехало. Не одному поколению зогаллинцев еще придется жить с этим позором.

С другой стороны, если бы не согласился тогда председатель Гурбан и не дал охотникам «добро», то не было бы этой смешной и поучительной истории. Именно в этом находят утешение некоторые зогаллинцы, которым глубоко безразлично, как человечество относится к домашним животным.

А тогда после просьбы Камиля председатель задумался, потом махнул рукой и направился к выходу.

– Последняя ночь! – на ходу вынес он вердикт. – Завтра с утра оба на работу!

– Хорошо! – радостно закричал вслед Камиль. – Завтра с утра волки мертвыми будут лежать у ваших ног!

Неприятности начались с вечера: перед отправкой на дежурство уперлась лошадь Кара-дайы. То ли она устала от ночных дежурств, то ли предчувствовала надвигающуюся беду, никто не знает. Откуда людям знать, что у лошади на уме? К сожалению, говорить лошадям не дано, как не дано многим зогаллинцам достаточного ума. Не хотела лошадь выходить со двора, и всё. Сколько ни тянули ее Камиль с Эйвазом, стояла она, как вкопанная в землю, и не хотела двигаться. Только после того, как Кара-дайы огрел ее лопатой по спине, она медленно направилась на выход. На выходе лошадь повернула голову и в последний раз посмотрела на своего хозяина. Мудрые глаза лошади смотрели на Кара-дайы дерзко и насмешливо. Со стороны даже показалось, будто она что-то хотела сказать ему, но в последний момент передумала. Кара-дайы еще показалось, что лошадь знает нечто такое, что ему самому не известно.

Эх, если бы лошади могли говорить! Если бы они могли говорить, лошадь Кара-дайы с присущим только лошадям добродушием укоризненно сказала бы своему хозяину в тот вечер на его же языке:

– Вот какой ты хозяин, Кара, твою мать! Куда ты меня посылаешь ночью? На верную гибель меня посылаешь? Не сумев объездить меня, решил отдать на растерзание волкам и таким образом хочешь отомстить? Лучше пасть жертвою волков, чем быть объезженной таким мужиком, как ты! Знай, Кара!

Но лошади говорить не могут, они могут только выразительно смотреть. Было темно, и Кара-дайы не разглядел у лошади даже этого выразительного взгляда.

Мало того, лошади еще и писать не умеют. Если бы они могли писать, то им бы тогда намного легче жилось бы. Если бы они были грамотными, такую телегу написала бы лошадь Кара-дайы на своего хозяина прямо в Англию, в палату лордов, где что ни лорд, то большой любитель и друг лошадей.

Лорды тогда и сами поднялись бы в защиту лошади Кара-дайы и всех любителей лошадей мира подняли бы. Тогда Кара-дайы, конечно, пришлось бы туго, ему навсегда была бы закрыта дорога в Англию. Куда, впрочем, он никогда и не стремился.

А так, к сожалению, лошади писать не умеют, ни кириллицей, ни латиницей, ни вязью арабской, ни по старому алфавиту, ни по новому алфавиту. Они неграмотные! Лошади только ржут.

Но это не документ! Этим английских лордов не возьмешь!

Последний вечер ничем не отличался от двух предыдущих.

По прибытии, пока Камиль привязывал лошадь, Эйваз наверху выложил еду и достал бутылку. Когда Камиль поднялся наверх, он высказал простую идею, которая заставила Камилу задуматься. Думал Камиль ровно полчаса, и через полчаса стало ясно, что он согласен с Эйвазом, то есть он поддался его идее. А идея Эйваза была проста, как проста калитка мугалов в скотный двор.

Эйваз начал издали:

– А ведь председатель-то прав! – сказал он. Стало ясно, что Эйваз в курсе дневного разговора председателя с Камилем. – Откуда ты взял, что волки обязательно нападут на нашу лошадь? По каким-таким расчетам, можешь сказать?

– Должны они появиться, они где-то тут рядом, – как-то неуверенно на этот раз ответил Камиль, и его неуверенность не осталась незамеченной Эйвазом, который только этого и ждал:

– Если бы они были рядом, появились бы за две предыдущие ночи! Они или слепые, что не видят нашу лошадь, или боятся нас с тобой. Ну, хорошо, допустим, если они рядом – то чем-то должны были они питаться эти два дня? К нам не пришли, в Зогаллы не появились, так чем они питались, интересно? Нет волков в Зогаллы, вот как я тебе отвечу! Ушли они куда-то! А куда они ушли, ты должен знать. Это ты с ними дружишь.

– Конечно, дружу! – засмеялся Камиль. – Откуда мне знать?

– Если не знаешь, так не утверждай, что они рядом!

– Они двигаются, понимаешь, – начал Камиль объяснять, – они за ночь двигаются пятьдесят, шестьдесят километров. Они сегодня в Зогаллы, завтра в Шекинском районе, а послезавтра обратно тут. Понимаешь?

– Не понимаю! Почему они после Шеки должны вернуться назад, а не пойти дальше?

– Они живут и крутятся в определенном круге! Дальше они не пойдут!

– Пойдут, еще как пойдут. Не вернутся они, запомни! Не такие уж и дураки твои волки, чтобы вернуться! Зная, что на них будут охотиться, устроят им облаву! Не придут они!

– Что ты хочешь этим сказать? – спросил Камиль.

Тут Эйваз понял, что, каким бы ни был его ответ, Камиль будет прислушиваться к нему.

– Не будет твоих волков! Я предлагаю поужинать и отдыхать! А с утра сдадим лошадь Кара-дайы и разойдемся по домам.

– Как отдыхать? Спать? – спросил Камиль.

– Да! – твердо ответил Эйваз. – Предлагаю ужинать и ложиться спать! Если тебе не хочется спать, можешь дежурить. Я буду спать, надоело ждать твоих волков! Лежим с заряженными ружьями, пока друг друга не пристрелим, не успокоимся.

– А если придут?

– Если даже придут, неужели не услышим? Лошадь – это тебе не овца, чтобы одним прыжком задушить. Без звука и без шума тут не обойтись, понимаешь? Если даже волки появятся, лошадь так просто не сдастся. Тут такой шум поднимется, будь здоров! Двоих-троих волков она уложит, а к тому времени и мы проснемся и застрелим их, как куропаток.

– Лошадь уложит двух-трех волков, говоришь? – задумался Камиль.

– Нет, станет она боком и скажет волкам: «Давайте, нападайте, загрызите меня! Только не шумите, а то наверху ребята отдыхают», – рассмеялся Эйваз. – Лошадь не будет молча на них смотреть! А ты как думал?

– Не будет лошадь молчать, говоришь, да?

– Конечно, не будет! – не понял Эйваз шутку Камиля.

– Раз так, наливай тогда! – наконец-то согласился Камиль с доводами Эйваза.

– Что там у тебя на сегодня?

– Тутовка! Пол-литра тутовки! Всего пол-литра, но собственного изготовления! Вот этими руками гнал, – для убедительности Эйваз вытянул руки вперед.

– Раз этими руками, тогда наливай, – посмеялся Камиль, будто огромный груз с плеч выкинул.

Тутовка собственного изготовления была насколько крепкой, что раздвигала предметы. После второй стопки Камиль посмотрел вниз: внизу гуляли две лошади. Чтобы не опьянеть, Камиль старался есть больше и пить не спеша. Еды, слава богу хватало, а Эйваз без устали наливал.

Через полчаса лошадей стало четыре, а через час внизу гулял табун лошадей! И когда стало ясно, что ни одна стая волков не в состоянии справиться с таким табуном лошадей, «охотники» решили лечь на отдых.

Перед сном оба спустились вниз. Стояла черная, как смола, ночь. Молодой месяц вздрагивал от февральского мороза, который постепенно спал. «Лошади» под сараем и все с привязанными на спины шинелями жевали солому. Вдруг, где-то рядом, как в первую ночь, в лесу завывали голодные волки. Лошади вздрогнули и перестали жевать. «Охотники» остановились и посмотрели друг на друга. Волки в лесу испуганно затихли.

Они постояли внизу еще минут десять, может, даже больше. Ближе к ночи вечерний мороз куда-то отступил, неожиданно повалил мягкий и пушистый снег. Сначала он был мелкий, потом всё крупнее и гуще. На глазах охотников снег ровным белым халатом укрыл землю. Волки молчали. Успокоились и «лошади», которые от снега спрятались под навесом.

Первым заговорил Эйваз:

– Как в первую ночь – выли, выли, но не появились.

– А если на этот раз появятся? – проговорил Камиль.

– Не появятся! Сейчас так завалит снегом, что они и ходить не смогут. Так что нечего бояться. А погода как потеплела резко, а? Пора спать, – начал готовить Эйваз себя ко сну. – Тут по стопочке осталось, – показал он Камилю бутылку, – наливаю и под одеяло! Неуже оставлять пятьдесят грамм на дне бутылки.

– Наливай...

До последней стопки Камиль еще убеждал себя в том, что надо бы держаться до утра. Но с последней стопкой куда-то улетучилась и его стойкость. Они одновременно залезли под одеяла.

Когда Камиль проснулся, начинало рассветать. Эйваз храпел с таким звуком, будто его кто-то душил. Камиль посмотрел вниз – лошади под навесом не было. Одним прыжком он выскочил из постели, накинул на плечи телогрейку, взял ружье.

Спустившись вниз, Камиль со страхом огляделся вокруг. Лошади нигде не было видно. Быстрым шагом он направился к ореховому дереву. С другой стороны дерева перед глазами Камиля предстала невероятная картина: на белом снегу неподвижно лежала лошадь Кара-дайы с распоротым брюхом. Снег вокруг нее был растоптан в радиусе десяти метров. Лошадь сопротивлялась до последнего. На свежeweыпавшем снегу виднелось множество следов волчьих лап, судя по их количеству, на лошадь напала огромная стая. Еще свежи были на снегу следы крови и отпечатки копыт убитой лошади.

Камиль был поражен картиной, он прислонился к ореховому дереву, обхватил его и застонал: «Как быть, что делать?» – мучительно думал он. Ответа не было. «Какой стыд, какой позор, как я людям в глаза буду смотреть?» – продолжал думать Камиль. – «Почему я послушался Эйваза?», считая его виновником случившегося, – ответа не было. Он дрожал от злости, а от досады сжимались его губы. В первые минуты он был готов растерзать Эйваза, как волки растерзали невинную лошадь Кара-дайы.

Долго бы еще думал Камиль, как наказать виновного Эйваза, если бы не проснулся в это время сам виновник. Проснулся он по причине невыносимости дальнейшего терпения маленькой нужды, одевшись, спустился вниз и увидел Камиля, стоявшего в обнимку с ореховым деревом. Грешным делом Эйваз даже подумал, что Камиль пьяный.

Подойдя к дереву, он увидел мрачную сцену. На снегу брюхом вверх лежала мертвая лошадь, а чуть дальше валялась разодранная шинель Кара-дайы. Задние ноги лошади были засыпаны снегом, а распоротое брюхо было похоже на круг, нарисованный ярко-красным цветом. Эйваз еще раз протер руками сонные глаза и убедился, что всё, что он видит, это наяву.

– И что будем делать? – тихо спросил у Камиля. Эйваз, боясь его реакции, поэтому после вопроса на всякий случай сделал два шага назад.

Камиль освободил руки от дерева и приказал:

– Подойди к лошади и стань возле нее со стороны головы!

– Что ты еще надумал? – испуганно спросил Эйваз

– Кому сказано? – закричал Камиль и поднял ружье.

Тараща испуганные глаза, Эйваз сделал еще несколько шагов назад и, не удержавшись на ногах, упал возле убитой лошади. Каждый шаг давался Эйвазу тяжело и казался ему последним и смертельным. А когда он упал возле лошади, отчасти ему даже полегчало.

– Если быть убитым, так может даже лучше, что рядом с лошаdью, – подумал он.

Камиль поднял ружье и направил дуло в сторону Эйваза. Спустил курок, в самый последний миг резко поднял дуло ружья и выстрелил в воздух.

Смешное случилось после выстрела: звук пули не сразу достиг ушей Эйваза, будто он завис в воздухе. Только после того, как рассеялся дым, Эйваз ужаснулся руками уши, в которых стоял гул, и поднялся на ноги. Он хотел подойти к Камилю, поэтому сделал несколько шагов в его сторону, но вдруг у него закружилась голова, и он упал, как подкошенный.

Раскинув руки, Эйваз лежал неподвижно с закрытыми глазами. Камиль подошел к нему, похлопал по щекам:

– Вставай, вставай! Ты живой?

– Да живой, живой, – ответил Эйваз и открыл глаза, – только, по-моему, в штаны наложил.

Камиль засмеялся и помог Эйвазу подняться.

– Напугал, однако, – сказал Камиль.

– Кто, интересно, кого напугал-то? – спросил Эйваз.

Потом они долго смеялись друг над другом, как смеются наркоманы над всякого рода недоразумениями.

– А сейчас сбегай к Кара-дайы! – приказал Камиль.

– И что я ему скажу? – спросил Эйваз.

– Придумаешь по дороге что-нибудь. Нам с тобой до конца жизни хватит этого позора.

– Не говори, – согласился Эйваз, – надо же, видимо, крепко спали, что не слышали.

Как сговорившись, они посмотрели друг на друга, и оба впали в истерический смех, забыв хоть на несколько минут злость, досаду и обиду за случившееся ночью.

О том, что волки ночью загрызли его лошадь, Кара-дайы особо не горевал. Он ходил вокруг убитой лошади и тихо проговаривал в сторону Камиля:

– Не хотел ведь Гурбан, не верил он твоей затее. Я его уговорил и сам остался в дураках.

Кара-дайы было до боли обидно, что его близкий родственник Камиль так подвел его перед председателем колхоза. Кара-дайы еще задело то, как лежала убитая лошадь. Морда лошади выражала полное безразличие к случившемуся, отчего Кара-дайы становилось вдвойне обидно.

Позже Кара-дайы заметил, что лошадь лежит навзничь, без его шинели. И когда он увидел свою военную шинель разорванной, он резко изменился в лице.

Он подошел к шинели, она была прилеплена к подмерзшей земле. Кара-дайы с трудом отодрал ее и стал махать перед глазами Камиля и Эйваза и одновременно кричал:

– Эта шинель пережила страшную войну, а вы не смогли уберечь ее от волков! Тьфу вам обоим!

Еще через месяц в Зогаллы пострадавшим от волков жителям стали платить компенсацию за погибших домашних животных.

Молодой секретарь сельсовета, назначенный на эту должность всего два месяца назад (конечно же, мугал), категорически не хотел занести Кара-дайы в этот список.

– Изверг он, а не пострадавший! – заявил он на заседании сельсовета, – подставил молодую лошадь. Пока я тут, он ни копейки не получит.

Остальные члены сельсовета вроде не согласились с ним, но тот был тверд в своем решении:

– Его под суд надо отдавать, а не компенсацию ему платить!

Один из дальних родственников Кара-дайы, депутат сельсовета, не выдержал и объяснил молодому секретарю, что по долгу родственных отношений, в которых он находится с Кара-дайы, за такие слова в адрес своего родственника он обязан заступиться за него всеми имеющимися у него физическими возможностями. Но, так как в данный момент он находится при исполнении, а советская власть не поощряет рукоприкладство на работе в отношении начальства, он выполнит свой долг по окончании заседания сельсовета в фундуковом саду, что находится рядом со зданием

сельсовета. Его поддержали и другие члены сельсовета, некоторые даже выразили желание помочь родственнику Кара-дайы в фундуковом саду.

Мугальский секретарь понял, что переоценил свои силы, и согласился занести фамилию Кара-дайы в список пострадавших, тем самым вроде успокоил всех и решил ситуацию.

Но не был бы он мугалом, если бы не придумал очередную пакость.

А пакость, придуманная им, заключалась в том, что Кара-дайы он занес в список зогаллинцев, у кого от волков пострадали не лошади, а овцы, поставив перед его фамилией цифру «один», указывающую количество потерь, тем самым уменьшив сумму компенсации. За одну потерянную лошадь тогда платили в четыре раза большую компенсацию, чем за одну овцу.

Кара-дайы пришел в ярость, когда узнал, в какой список занесли его фамилию. Он в тот же день поехал в Гах и в кабинете секретаря райкома устроил показательный спектакль.

– Как? – кричал он в кабинете второго секретаря. – Меня, вчерашнего командира разведывательного взвода, солдата-освободителя, не боясь смерти под пулями прошагавшего аж до Дрездена, потерявшего у себя в родной деревне в мирное время породистую лошадь (тут он, конечно, лукавил), записали в список сельчан, которые потеряли овец. И как это понимать? Он не только меня оскорбляет, нет! Он оскорбляет всех ветеранов советской армии.

В райкоме его успокоили, дали гарантию, что при выплате компенсации его лошадь будет учтена как лошадь, а не как овца. Что касается породистости лошади, огорчили они тут Кара-дайы, оказывается, при выплате компенсации за породистость надбавка не положена. Вы уж извините, сказали в райкоме.

– Пусть будет без надбавки, только чтобы было как за лошадь, – согласился Кара-дайы.

Вернувшись в Зогаллы, он напрямик направился к секретарю сельсовета, которому уже позвонили из Гаха.

– Какой же ты секретарь сельсовета, если не можешь отличить лошадь от овцы? – сказал ему Кара-дайы с порога. – Вижу я, что ты еще очень молодой и по части необъезженности моей покойной лошади не уступаешь! – загадочно на что еще намекнул Кара-дайы.

Молодой секретарь побледнел. Чтобы разрядить ситуацию, Кара-дайы смягчился и добавил:

– Тем более, что убитая лошадь была куплена у тебя в деревне, возможно, она приходилась родственницей твоей лошади, на которой ты каждый день приезжаешь на работу в Зогаллы.

Секретарю пришлось переписать списки и занести фамилию Кара-дайы в список жителей Зогаллы, потерявших лошадей.

В наши дни, когда речь заходит об этой истории, Кара-дайы, как правило, вспоминает ее заключительную часть, связанную с выплатой компенсации, и обязательно подчеркивает предвзятость и неопытность тогдашнего мугальского секретаря:

– Этот козел не хотел платить положенную мне государством маленькую компенсацию, будто я претендовал на наследство Шекинского хана! Анассыны!!!

Как-то раз бакинскому писателю дали на экспертизу рукопись: сюр это или не сюр? Подойдя к окну, Александр Хакимов всё никак не мог прийти к однозначному решению. Вдруг из патрульной машины на оживленном перекрестке раздалось в мегафон грозное: «Sür! Sür! Езжай!»

Рассказ Хакимова натолкнул меня на идею: объединить тексты на общую тему: бакинские писатели шутят. Сегодня я предлагаю читателю отрывки из рукописи, условно мною названную: Ироничный человек.

Марат Шафиев

ИРОНИЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК

МАРИНА МУРСАЛОВА

Извращенец

– Умоляю тебя, сделай это! – он чуть ли не с порога ткнул толстым пальцем в журнал.

– Нет, нет! Я не смогу! – она с отвращением покосилась на картинку.

– Умоляю! Посмотри, как это эротично смотрится! Как аппетитно!

От негодования женщина не сразу нашлась, что сказать.

– Ты ко мне только за этим приходишь? Ты думаешь, мне больше нечем заняться?

В ответ он сложил руки в умоляющем жесте. Улыбка не сходила с его лица.

– Нет, ты просто извращенец! В конце концов, попроси свою жену. По-моему, это уж точно входит в ее супружеские обязанности!

Он возмущенно выпучил глаза.

– Это жестоко с твоей стороны, – сказал он глухим дрогнувшим голосом, – так явно упиваться своим превосходством! Прямо как у Пушкина: «Мы почитаем всех нулями, а единицами себя!», да?

– Я ничего такого не имела в виду, – пожала она плечами.

– Но ты ведь знаешь, что ей до тебя как до неба! Зачем ты лишний раз напоминаешь мне об этом – это и правда, жестоко...

Он игриво припер ее своим необъятным животом к плите.

– Ну, прошу тебя, сделай! И мы устроим красивый ужин. Зажжем свечи... Я уже приготовил бутылочку изысканного вина...

Мужчина нежно поцеловал ее в шею.

– Честное слово, кому расскажешь, не поверит, – вздохнула обреченно женщина, не в силах больше сопротивляться. – Ладно, покажи свой журнал.

В предвкушении он радостно потер руки и раскрыл нужную страницу...

С тех пор, как они познакомились, она почти возненавидела свою профессию повара.

Извращенец! А как же еще, если не извращением, назвать похождения жена-того мужчины к одинокой симпатичной женщине только за тем, чтобы, пробравшись, как говорится, «тайными тропами», наслаждаться каким-нибудь «ширако», «паприкашем» или «тиккамасалой», искусно приготовленными профессиональным поваром? То, что женщина мила и вполне свежа, казалось, волновало ее частого гостя меньше всего...

– «Пенне с ...соусом арабьята»... – с нажимом на первой части названия произнесла женщина, даже просвистев в конце для эффекта.

Ее гость никак не прореагировал – он с головой ушел в изучение составляющих вожделенного яства. Для начала за его спиной она достала тяжелую чугунную сковороду, посмотрев на его взмокшую макушку, подержала, словно взвешивая... Женщина с грохотом швырнула сковородку на плиту, от чего мужчина вздрогнул.

– Ты даришь мне такие эмоции! – вспомнив, что женщине для всего нужно вдохновение, решил простимулировать ее на творчество, не отрываясь от страницы. – То, что я испытываю с тобой каждый раз, не способна дать ни одна женщина в этом мире! Ты – настоящий космос!

Слова сработали, как пароль: хозяйка уже более спокойно начала заворачивать рукава нарядной кофты, надетой явно не по случаю.

ЮРИЙ ФИДЛЕР

Птичий переполох

Басня

У птиц волнение и тревога.
От Коршуна пришёл приказ,
Где он предписывает строго
Переключить внимание масс
На приведение гнёзд в порядок.
Их нужно, мол, украсить все
Так, чтобы радовали взгляды,
Блестя в невиданной красе.
Буквально сбились птицы с крыльев,
От уймы дел спирает дух...
Огромны ласточки усилья,
Соломку тащит, перья, пух.
Чиж, полный рвенья и отваги,
Принёс в гнездо двух светляков,
Сорока вывесила флаги
Из разноцветных лоскутков.
Кукушка стёклышки таскает,
Чтоб блеск создать в своём гнезде...
Ну, словом, суета такая,
Что пыль столбом стоит везде!
Никто их упрекнуть не вправе,
Комфорт, уют, нарядный быт!
И вдруг – второй приказ: – Отставить!
Всё привести в обычный вид!
И птичья масса обалдела:
– Зачем же шум был поднят весь?!
Лишь Воробей узнал, в чём дело:
Орёл лететь был должен здесь,
Но изменил маршрут полёта,
И зря пропала вся работа!

1963

АБРАМ ПЛАВНИК

Стих про «Да»

Имеют свой акцент и говор
Не только люди-города,
И популярнейшее слово
У нас, бакинцев, слово «да».
Ребенок опрокинул чашку,
И льется на паркет вода –
Папаша крикнул первоклашке:
– Довольно баловаться, да!
В трамвае пассажир угрюмо
Ругнется: что, мол, за езда!
А друг его благоразумный
Гортанно скажет: «Хватит, да!»
И в важном учрежденье даже,
Коль на прием придешь туда,
Негромко секретарша скажет:
– Товарищ, нет приема, да!
Я слышал, как по телефону
Был голос холоднее льда,
Просила девушка резонно:
– Да перестань звонить мне, да!..
То бережно, а то небрежно,
То грубовато, то потешно,
То извинительно, то нежно
Звучит коротенькое «да»,
И это, право, не беда.
Пусть любит, радуется, спорит
Веселый, шумный, добрый город,
Где даже «нет» с концовкой «да»!

МАРАТ ШАФИЕВ

Гонорар

Рубль и точка – строчка,
эх, распушу свой текст;
кто там станок поточный
внёс в поэтический цех?

Иль над игрушкой штучной
корпеть со стамеской год?
ищем подход научный,
автоматический ход.

Прежде поэт был нищий,
рад, что цела голова;
ныне складские крыши
взрывом выносят слова.

И растекаясь по миру –
можно броском и ползком, –
в формах чудных и ампирных
стынут стеклянным песком.

Пну этот кварцевый камень
мрачной и мёртвой земли,
где больше нет жизни, кроме
ядом шипящей змеи.

Где же бесценное слово –
мгновенный парок из рта?
что побуждает снова
встать одному против ста.

Слово высокой трибуны
или базарного дна
плачет оно иль бунтует –
рубль одна цена.

Пародии

Чепуха

«Что поделать друзья? Я всего лишь поэт».
Александр Родионов.

Я не вытянул в жизни счастливый билет,
без гроша пропускаю частенько обед,
не берусь я кому-то дать дельный совет –
что поделать, друзья, я – всего лишь поэт.

А могу я ушастому петь лопуху,
и реке откровенничать, как на духу,
не о том, что у мира всего на слуху –
бестолковую в общем-то чепуху.

Театральная вешалка

«Жизнь – это вешалка театра».
Александр Родионов

Я думал: жизнь – это театр,
а я – лирический герой,
но в гардероб забредший мэтр
шептал мне жарко: всё – отстой.

И так ниспровергатель веры
разочаровывал меня,
что не дождался я премьеры,
повесился при свете дня.

Бесприданница

*«Слово не отменное.
Поэзия! Моё приданое».
Нина Скворцова*

**Поэзия – и всё приданое.
Дела мои не так плохи,
когда иду я на свидание,
одетая в одни стихи.**

Истекающий кровью

*Строкою перерезав вены,
Себе вонзая в сердце нож,
Я кровью выводил катрены,
Смывая истиною ложь.
Аладдин Ягубов*

**Блится кровью мой чертог –
я ею ложь смываю;
всем, кто чернилами черкнёт,
руки не пожимаю.**

Февральское

*Однажды время полной грудью
Вдохнёт несвежие стихи.
Нигяр Гасанзаде*

**Прошлогодней виршей
отравившись вдруг,
просит спелой вишни
драгоценный друг.**

**Не до ягод. Время
стылых февралей,
повседневной дрёмы
и прокисших щей.**

**Воздух ловишь реже,
падаешь в сугроб...
Ах, как розы свежи,
брошенные в гроб!**

Без мозгов

*Всё я в омут с головы
Удалила, обновила
Все программы головы...
Эльза Дарья*

**Из мозгов всё удалила,
и кругом – так славно, мило!
и до полной идиотки
удалить стихи бы только.**